

СУХАЯ ВОЗНЯ

книга
ФЕЛИКСА СЕРГЕЕВА

Дополненная реальность — само собой разумеющаяся.
А вот с альтернативной историей не всё так очевидно...

0.1с Александр Солодов, ночь 21 на 22 июня 2024 года, Москва

Вместо титров

Пользуясь случаем, раз уж я в прямом эфире, хочу передать пламенный привет уважаемому А.А.

**

Добравшись наконец до дома, я выгреб из почтового ящика накопившуюся за время моего отсутствия почту.

Утром мне было просто не до этого.

Через пару минут я уже ставил воду, желая выпить перед сном чаю и ещё раз подумать.

Но, пока что, ни к каким конкретным идеям о направлении дальнейших действий не пришёл.

Понятно, что надо бы перепрятать жезл за пределы квартиры — не дай бог, ещё раз вломятся. Ещё — попытаться как-то порешать вопросы безопасности. Кроме Старших Товарищей есть, вообще то, и другие пути.

И Разметка. Эту тему надо копать.

Дождавшись, пока вода закипит, я решил переложить сваленную было на стол почту, чтобы освободить место — он и так оказался забит всяким хламом, чашку приткнуть негде.

Какие-то старые оптодиски, грязные чашки, оставшиеся ещё от “юристов” А.А... смотреть на это было противно, а убирать — лень.

Из пачки газет и рекламных объявлений высунулся край узкого белого конверта.

Кажется, по этим граблям мы уже ходили. Хвататься голыми руками? Ну уж нет.

Один раз активатор подсунули — а в следующий раз — могут и контактный яд.

Я полез в буфет и достал из стоявшей в нём пачки одноразовые пластиковые перчатки — в них я мою посуду и убираюсь. Удобная штука — руки потом оттирать не надо от жира.

Раскрыв конверт, я извлёк вложенный в него листок.

Содержание письма было чрезвычайно лаконичным.

Три строчки принтерной печати:

Уважаемый господин Солодов.

Я предлагаю Вам встретиться для обсуждения вопросов, представляющих взаимный интерес.

Пожалуйста, не стесняйтесь вызвать меня в любое удобное для Вас время.

Оканчивалось письмо размашистой подписью, сделанной уже от руки.

Я перевёл взгляд на прикреплённую к листку визитную карточку.

Она так же блистала краткостью, и радовала моё эстетическое чувство готическим шрифтом.

Wilhelm Robert Georg von Stahl
Konsultant

И сетевой адрес коммуникатора.

Впрочем, был ещё незнакомый логотип — в правом верхнем углу сияла серебряным напылением четырёхлучевая звезда, повернутая набок — так что, она выглядела стилизованной буквой X.

Коротко и со вкусом.

0.2 Кирилл Костин ночь 21 на 22 июня 2024 года, Москва

Ещё на протяжении пары часов мы восстанавливаем отношения.

Как мне кажется, я сам испытываю не меньшее облегчение, чем Алёна, от того, что удалось не разругаться, не бросить всё и немедленно. Не уйти в ночную темноту вслед за случайным прохожим.

Но объяснить мне происходящее я всё-таки настоятельно прошу.

И Самая Прекрасная объясняет. В определённых рамках.

— Сам понимаешь, оправдывается она, существует совсем уже не мои секреты. Всё — не могу.

Но всё же кое-что — говорит.

— Нет, мы не имеем отношения к тем, кто захватил твою контору.

Операция то проводилась против них, на самом деле. Подловить мы их пытались на этом захвате.

То что я сунулась туда... честно, — она смотрит мне в глаза — это действительно потому, что захотела познакомиться с тобой. Ты просто не заметил, как я тебе подкачала... эээ...силы. Ещё за некоторое время до того, как они к вам вломились... А ты без сам оттуда, конечно, не смог бы выбраться.

Это — она кивает на свой эксграмматор — достаточно примитивная штука на самом деле.

Можно то же самое воздействие... и без визуальных эффектов. И на расстоянии.

Просто детишкам мы более серьёзной техники не даём.

— Детишкам?

— Ну, подполье это голопузое. Воображают, что они — на переднем фронте борьбы. А на самом деле — маскируют нашу собственную деятельность. Это — полезно.

— А “вы” — это кто, собственно?

— Ну...как бы это.... Организация. В некотором смысле — коммерческая, но это не значит, что мы преследуем только собственную выгоду.

— Хорошо. Пока не вдаёмся в подробности. Но как же вышло, что ты, при всей своей крутизне, оказалась захвачена Инстанциями?

— Нехороший прокол. Точнее — подстава. Чья — ещё предстоит, конечно, разобраться, хотя понятно мне, откуда ветер дует. Кое-кому мы начали перекрывать кислород. Вот и...

Сами по себе Инстанции, как ты их называешь, практически не опасны.

Но тут им помогли. Ну представь, как дикари племени мумба-юмба берут в заложники на улицах Москвы кого-нибудь. Ситуация была бы нереальной, их же кто-то должен сюда привезти, помочь как-то сориентироваться.

Вот так и со мной.

Подозреваю, что это сделали те самые люди, к которым мы ходили, когда я водила тебя искать помощь.

— Так ты и там...?

— Они меня переиграли. Если бы я оставалась в сознании в тот момент, когда ты пошёл по их указаниям, — ничего бы с тобой не случилось. Я тебя прикрывала — постоянно пялилась в экран — и не обратила внимание, что сюда кто-то вполз. Квартира очень хорошо

защищена на самом деле. Тут три шкафа аппаратуры, к твоему сведению только для этого. Но кто-то пробил дорогу в обход — сами Инстанции, и их адепты такого не сумели бы.

— Ладно, я совсем уже запутался, кто там адепт, а кто — злоумышленник.

Зайдём с другой стороны.

В чём причина конфликта?

За что конкретно идёт драка?

Алёна задумывается... — тут долго объяснять...

— А ты — в двух словах.

— Ну хорошо. Если коротко — эти люди должны. Достаточно сильно. Чтобы представить масштабы долга — просто осознай, что на его обслуживание ушёл весь золотой запас России и СССР. И ещё какой-то относительно небольшой хвост остался. Просто подумай — из-за их безответственности оказались подставлены сразу две великие империи — Российская и Германская. Думаю, ты знаешь — чем для них всё окончилось в итоге.

— И?

— И представь себе, что они ещё не расплатились до конца — и тут обнаруживается, что ими получен товарный кредит практически на такую же сумму. От чужого имени. С поддельными гарантиями.

Ты просто себе не понимаешь, чем это может закончиться — им мало войны 1914го, они ещё хотят.

— А что же служит предметом торга. И причём здесь вы?

— Мы притом, что выступали субподрядчиками по этой новой сделке. Никто же не знал, что у заказчика на самом деле нет средств. Их, конечно, можно понять — ситуация у них отчаянная. Но могли бы уж и выучить, наконец, что в нашем бизнесе кидков не прощают. А, потеряв репутацию, — можно смело ложиться в гроб.

— И всё же. За что идёт борьба? Что же стоит так дорого?

Алёна молчит несколько секунд и, наконец, отвечает.

— Ну что же ещё, по-твоему, может стоять таких бешеных денег? История, конечно.

Без номера. Отдел разработки и анализа УДПП ЦФО РФ. Черновик служебной записки

Секретно

Не копировать

Аннотации не составлять

Результаты проведённых активных мероприятий дали возможность более точно установить круг лиц, непосредственно вовлечённых в деятельность Сил, и локализовать одну из их точек присутствия.

Однако, сектор испытывает явный недостаток в кадрах и технических средствах, необходимых для расширения работы по теме.

Прошу...

1 Кирилл Костин ночь 22 июня 2024 года, Москва

То, что принято считать историей, — на самом деле не несёт за собой какого либо внятного содержания. Перечни событий — там построили город, здесь разрушили, такой-то — умер, такой-то родился.

Легенда, которая связывает эти факты в единую картину, скорее относится к области PR и художественной литературы, чем к науке. Это я понял давно, ещё по школьному курсу истории. Достаточно задумываться — чему учили детей в Советском Союзе или Российской Империи на материале одних и тех же исторических событий.

Наверное, там, где нам объясняли, например, про восстания против татаро-монгольского ига с точки зрения “развития рыночных отношений” и “борьбы за права человека”, во времена монархии рассказывали как “распространение православия на ордынские земли” или ещё чего похлеще.

Но вот сама идея о том, что централизованные государства, которые мне представлялись естественным и логичным венцом развития общества, — на самом деле результат научных разработок, для меня выглядит абсолютно дикой.

— Ну подумай сам, — продолжает убеждать меня Алёна. У любого государства был основатель. Или несколько.

— Был

— Он откуда-то должен был знать, как ему построить систему управления обществом, государственные органы.

Законы написать надо было...

— Ну мог же придумать?

— Ага. В перерывах между войной и постоянной дракой за власть. С другими претендентами.

Это всё для школьников рассказы. Умные люди прекрасно понимают — ничего более серьёзного, чем ворох феодальных княжеств самостоятельно, без научной разработки, возникнуть не могло.

Схема элементарная — множество малограмотных крестьян, посередине — барон с дружиной. В укрепленном месте. Иногда барон начинает расширять свои владения, но отдельные участки нуждаются в управлении и он сажает там своих дружинников, каждый из которых становится маленьким таким барончиком. Некоторое время такая феодальная империя держится — а потом рассыпается на куски, и всё по новой.

— Но правитель может ведь взять себе советников, учёных. Которые объяснят ему, что делать и помогут наладить деятельность государства.

— Ну, разумеется. Алёна делает глоток чая и смотрит мне в глаза. Вот нас — и нанимают. Или таких, как мы.

Откуда, по-твоему учёные и философы могли появляться в древнем мире? Их же кто-то должен учить, оплачивать исследования. Совершенно непонятные окружающим, кстати.

Поэтому — нужна какая-то организация.

— Мне это напоминает историю про курицу и яйцо. А откуда могла взяться эта самая организация, когда не было учёных? И почему тех, кто в неё входит — не ограбили, не убили?

— То что ты сейчас спрашиваешь — это просто потому что ты привык видеть учёных, как оторванных от мира и неприспособленных к жизни людей. Хилых, слабых, погружённых в себя...

— Ну а, что, это не так разве?

— А как ты думаешь, что стали изучать люди прежде всего? Откуда вообще взялась наука? Что было главным в прошлом? Звёздочки на небе? Синусы с косинусами или там распад ядра урана?

— Здоровье. Шаманы всякие там...

— И это тоже. Но самое главное, то, без чего всё остальное — довольно пусто — это власть.

Это умение подчинять других людей своей выгоде. Организовывать их, чтобы они работали в твоих интересах.

Можешь себе представить, какими душевными качествами обладали Первые. Кто смог собраться вместе и найти себе учеников.

— А что же они сами не стали государства организовывать сами?

— А зачем? Какой смысл? Если ты можешь обеспечить себе богатство, безопасность — тебе нужно заниматься чужими проблемами? Такое тщеславие оборачивается головной болью. Работа управленца — это тяжелая и скучная работа. Особенно тогда, когда ещё не было запоминающих устройств и всё приходилось держать в голове. Или на папирусе каком-нибудь... Опять же постоянные интриги за спиной — попытки других низкоранговых воткнуть в тебя нож и вылезти на твоё место.

Я смотрю Алёне в лицо и, как мне кажется, не узнаю её. Резкие, хищные какие-то черты лица, горящие глаза. Мгновением позже она ловит мой взгляд и её внешность волшебным образом преображается.

Буквально за секунду передо мною снова — дорогой для меня человек, милая и нежная Самая Прекрасная Девушка на Земле.

— Впрочем, говорит она уже спокойнее — были такие попытки. Но ни к чему толковому они не привели. Потому что те способы управления обществом, которые работают на непосвящённых — разумеется перестают действовать если в этом обществе посвящённых много.

А если ещё и возникают конкурирующие проекты... короче, свара была такая, что нам всем это до сих пор икается... И Митс-Раим и Валинор были отправлены в Тень, чтоб ни у кого больше соблазна даже не возникло. Потом прочтёшь, если захочешь, я тебе дам учебники. Тем более, всё равно тебе их изучать...

— Похоже, ты уже решила за меня?

— Ой, ну не начинай же снова... — она вздыхает и тянется губами к моей шее.

2 Александр Солодов, день 22 июня 2024 года, Москва

Проснулся я поздно.

Никаких дел на сегодня намечено не было.

Хотя уже завтра, по моим прикидкам, снова должна была начаться рутина.

Клиенты не ждут — кому бэкап сделать, кому-то — какие-то мелкие глюки убрать в софте.

И плевать они хотели на мои приключения...

Окинув скептическим взглядом комнату — что ж, по крайней мере, после обыска и последующей приборки тут наведён порядок — я двинулся на кухню и ещё раз посмотрел на письмо и визитку.

Дорогая бумага. Красивый, но строгий шрифт.

Господин фон Шталь внушает...

Я не стал додумывать эту мысль. Хотите встречаться? Да бога ради. Мне нет причин от кого-то прятаться.

Я потянулся к коммуникатору и, после трёхсекундного ожидания ответа, договаривался о встрече...

...Ещё через пару часов я сидел в каком-то кафе в районе Красных Ворот и внимательно смотрел на господина аристократа.

Фон Шталь выглядел архетипически. Прямо хоть помещай его на иллюстрацию к статье “немецкое дворянство” в энциклопедию. Высокий, худой, безукоризненно одетый. Костюм выглядел скромно, но дорого — никогда не разбирался в таких вещах, но мысль об этом сразу прыгнула ко мне в мозги. Настолько явственно, что я немедленно проверил — нет ли на этом человек соответствующего знака Разметки. Но никаких знаков на нём, конечно, не было. Единственное, чего не хватало для полноты образа, что бы уж совсем как в старых книгах — это пенсне или монокля. Но в наше время такие оптические приборы — скорее признак выпендрёжника, чем аристократа.

Впрочем, внешность фон Шталя была не самым интересным.

Намного более интересным было то, о чём он говорил.

— Как стало нам известно, Вы совсем недавно побывали в командировке.

— Я не хотел бы...

— Извините, что перебиваю Вас, но мне хотелось бы рассеять Ваши опасения. Наш с Вами контакт санкционирован Вашим работодателем. Вы можете связаться с ним сейчас или позднее, после того, как мы закончим беседу и получить подтверждение.

— Ладно, я потом позвоню — разговаривать с А.А. в присутствии невнятного и постороннего человека мне не хотелось.

Предположим, побывал. И?

— И мне хотелось бы попросить Вас написать об этой поездке отчёт.

Буквально обо всех подробностях. Куда ходили, что и с кем говорили, что видели. Разумеется, мы готовы оплатить эту работу должным образом.

Сумма, которая прозвучала после этого, внушала не меньше, чем всё остальное.

— И второе. Вы ездили туда не один.

Фон Шталь сделал паузу и отхлебнул глоток кофе.

— Один из Ваших коллег исчез с горизонта.

Хотелось бы связаться с ним.

Не сомневаюсь, что если Вы сообщите ему обо мне — Лумиэль будет рад.

— Я не уверен, что смогу Вам помочь. Он обещал мне, что объявится, но никаких концов не оставил. Но я передам ему это сообщение, если... — на самом-то деле адрес коммуникатора Лумиэля у меня был. — Если я буду нужен — сказал он мне романтическим голосом — ты только позвони, и я приду на помощь.

Учитывая то, в каком контексте было сделано это предложение, я конечно, не намеревался им воспользоваться.

И уж тем более я не собирался сознаваться в том, что способ связи с эльфом у меня есть.

Мало ли что стоит за неожиданным желанием фон Шталя пообщаться.

Учитывая то, насколько решительно Лумиэль отказался от возвращения в Москву, варианты могли быть весьма неприятными.

Да и само предложение работы выглядело каким-то сомнительным. Не понятно, за что деньги... ведь за не описание романтики же, в самом деле. Тем более, что наиболее “романтический” момент я уж точно не собирался включать ни в какие отчёты.

— Если он сконтактирует с Вами — не премините передать ему номер моего коммуникатора. Я рассматриваю это как ещё одно оплачиваемое поручение — продолжал давить на меня аристократ. — Вам достаточно просто сказать мне, что Вы сообщили Лумиэлю мои координаты, и Ваши усилия будут вознаграждены.

Вопрос о том, каким образом он узнает, что я не соврал, даже не обсуждался.

Впрочем, по здравому размышлению, ни один разумный человек на моём месте врать не стал бы. Слишком уж рискованно обманывать в таких делах, тем более, что вторая названная фон Шталем сумма, хотя и была внушительной, но не настолько, чтобы лгать из-за неё.

Уговорившись, что после того, как свяжусь с “работодателем”, сообщу, берусь ли за эту работу, я вышел на улицу.

Был ли смысл затягивать раздумья? Я набрал А.А. и услышал от него, что

— Да. Знаем этого кренделя. Дело для нас больше не представляет интереса. Хочет он от тебя отчёт — ну напиши ему. Денег заработаешь. Только то, что я тебе вчера говорил, туда, конечно, не включай.

— Хорошо, не буду.

Остался открытым вопрос, о том, что делать с Лумиэлем.

Связаться с ним?

Но где гарантия, что мой коммуникатор не контролируется, что я не сдам товарища каким-нибудь зложелателям таким звонком??

Учитывая то, что я услышал от эльфа во время инструктажа по обращению с жезлом — избавляться от иных способов наблюдения — задача намного менее тривиальная, чем мне представлялось до сих пор.

Кстати... возможно, это было бы неплохой идеей. Заодно и попробую — как

обращаться с этой штукой.

С этой мыслью я погрузился в метро и всё дорогу домой, не отвлекаясь, штудировал прихваченное с собой руководство по программированию Разметки.

3 Кирилл Костин утро 22 июня 2024 года, Москва

— Как ты сам назвал бы то, чем вы занимались в твоей конторе?

Вопрос Алёны на секунду ставит меня в тупик.

— Ну... — помедлив, отвечаю я, — воздействием на реальность. Может, это глупо звучит — магией. Просто у нас не принято было..

— Фокус в том, что это была не магия, в прямом смысле этого слова, а нечто противоположное.

Кто такой маг? — чувствуется, что для Алёны это — заученный материал, и она идёт по нему, не сбиваясь, — маг, это человек, который строит модель реальности. И, потом, приводит реальность в соответствие с этой моделью. Простейший пример — вуду. Делаем куклу, сопоставляем ей живого человека. Крутим руку модели. У живого человека болит рука. Магия, соответственно, это то, что привязывает руку человека к руке куклы. Воля мага, если уж говорить прямо. А чем занимались вы?

— Чем? — я тупо повторяю заданный мне риторический вопрос.

— Вы делегировали ответственность. Посторонним сущностям. Отдавали Инстанциям свои собственные способности. Чтобы они, за грабительские комиссионные, перенаправили вашу собственную волю в нужную точку.

— Ну...

— Не ну. А вполне понятная ситуация. Но, пойми, тут не больше магии, чем, медицины в том, чтобы стать донором за деньги. Медик может и есть — но это не ты.

Инстанции обладают волей настолько, насколько от своей воли отказываются люди. Которые к ним обращаются.

— Ну, при этом, Инстанции делают то, чего не может сделать человек. Надеюсь, ты не будешь мне рассказывать, что каждый из нас способен изменять вероятности событий волевым усилием?

— Нет, не буду. Хотя каждый из нас способен на много чего ещё... Но вот ты говорил, что собираешься искать новую работу — я могу предложить разовый заказ. Заодно и посмотришь, на что ты сам способен, без посторонней помощи.

— Интересное дело. Это, типа, вербовка? Вот так, сразу?

— А чего тянуть-то? Или ты в менеджеры по продажам пойдёшь наниматься. С твоими-то способностями?

— А ты мне предлагаешь карьеру секретного агента?

— Я тебе предлагаю вот что...

4 Александр Солодов, день 22 июня 2024 года, Москва

Неплохую идею я бросился реализовывать сразу, как пришёл домой. Закинул куртку на вешалку, разулся и сразу — к компу. Интересненько может получиться, думал я, пристраивая подаренный Лумиэлем артефакт между клавиатурой и экраном компа.

То, что рассказал мне об этом устройстве товарищ по недавним неприятностям, звучало на первый взгляд парадоксально. Но только на первый взгляд.

— Информации не существует без наблюдателя — говорил он, хлебая из стакана какой-то коктейль. Единицы и нули, содержащиеся, например, в компьютере, — это просто единицы и нули. Ничем не отличаются от случайного шума. Чтобы воспринять их, нужен, например, ты.

В принципе, я такие разговоры ещё на кафедре слышал, когда учился. Про антропный принцип, про необходимость разума для существования реальности и все дела... Тогда оно мне казалось любопытным, но бесполезным. А вот сколько лет прошло — но пришлось столкнуться.

— Сосредотачиваешь своё внимание на жезле — ну, просто, смотришь, внимательно. Думаешь о нём. И, одновременно, на интересующем тебя источнике информации, или сведениях, которые нужны. И в тебя “пробрасывает” то, что ты хотел узнать.

— Хм. Это что же? Что угодно могу узнать?

— Что угодно не получится. От многого зависит. Если коротко — ты можешь таким образом узнать только то, что и так бы мог узнать. Например, узнать что написано в книге, которая у тебя на столе. Потому что мог бы её прочесть. Узнать что у тебя в компе — потому что это твой комп и ты можешь посмотреть что в нём.

Есть вещи, которые ты мог бы узнать теоретически, но со сложностями. Например, вломиться к соседу в квартиру и прочесть его записную книжку. Чем меньше вероятность, что ты реально это можешь сделать, тем тяжелее добираться до такой информации...

— Что же, подумал я, было бы неплохо системку-то потестировать. И, в полном соответствии с инструкцией, попытался узнать список процессов, запущенных на моём компьютере.

Получилось!

Секундой позже я вывел этот же список на экран — и понял, что ‘системка’ работает.

Изображение, которое я “увидел” перед мысленным взором один в один совпадало с компьютерным.

— *Интересно, а на что это пялился тот угрюмый парень, который приходил ко мне ангрейдиться от Старших Товарищей?* — через секунду после того, как эта мысль пришла мне в голову, я получил ответ.

Чёткий, но ничего не объясняющий.

— *Он смотрел на область внимания Инстанций* — мысль об этом возникла в моей голове сама собою. Без всяких картинок и надписей, на этот раз, — всего лишь как бесплотный голос.

— И что же это такое?

Ответа не последовало. Что ж, придётся выяснять самостоятельно. И то хорошо, что хоть что-то “сообщили”. Значит, не приключилось. И то — хлеб.

— *Ведётся ли наблюдение за моей квартирой?*

Перед моими глазами немедленно возник пучок тончайших зелёных нитей, висевших прямо в воздухе. Было понятно, что они нематериальны, что это — всего лишь условное обозначение. Нити расходились по комнате, тянулись вдоль стен и, похоже, уходили сквозь бетон прямо на улицу.

— Оппаньки. Вот это — номер.

Такого поворота я не ждал.

Некоторые люди не оказывают особого влияния на происходящее. Живут себе и живут. Таких большинство.

Мир сам по себе, они — сами по себе.

Некоторые — становятся главными участниками одного, но важного события. Или нескольких.

Более редко — когда человек непрерывно встречается то в одно, то в другое.

Обычно нельзя предугадать, как такой персонаж повлияет на происходящее. А оно, бывает, — заранее запланировано. И единственный способ исключить нежелательное влияние — это *вывести* постороннего из потока событий. А лучше всего — убедить, чтобы вышел сам.

Я прокручиваю в голове пояснения Алёны, одновременно пытаюсь дотянуться своим вниманием до квартиры названного ею человека. Без опоры на Инстанции оно получается плохо, непривычно. Да и, к тому же, я чувствую, что они приглядывают за этим местом.

Ещё в прошлый раз почувствовал, когда мне ставили биопрограммы. Но тогда Инстанции мне были не опасны, а сейчас лучше, всё же, не сталкиваться с ними. Хотя выданный Алёной браслет и холодит успокоительно запястье — как она объяснила — “эта штука лучше чем эксграмматор, потому что её включать не надо. И действует намного мягче — можно по несколько часов с ней ходить”. Но всё ж таки осторожность — не порок, а достоинство.

Изъять этого самого Александра Алёне и её коллегам не удалось.

— Ничего бы мы ему не сделали — говорит она, затягиваясь очередной сигаретой — ну, пожил бы в закрытом пансионате за городом месяц или два, не случилось бы с ним плохого. Пережил бы.

Теперь — моя задача — убедить его в том, что ему нужно самому *уйти* с дороги, не мешать.

Смущает, однако, настигшая Самую Прекрасную Девушку неудача.

— Всё было рассчитано вроде бы точно. Но, как обнаружилось, не нами одними. Техника то примерно одинакова у всех. И в момент *изъятия* столкнулись с другими желающими. А теперь уже осторожно ходит — она кивает на визуальную зону пригожинского вычислителя, висящую прямо над столом — как я не комбинировала, повторить *акцию* у нас не получится в ближайшую неделю. Точнее, может, получится, а может и нет. Картинка не считается — слишком много факторов.

— Попробуй ты, что ли, войти с ним в контакт. Можешь денег, к примеру, предложить — в пределах 150 тысяч мы готовы оплатить, чтобы он просто взял и немедленно, в течение дня, убрался за пределы европейской части России. Хочет — пусть в Европу катится, хочет — в Сибирь, или там в Австралию. Только чтобы его здесь не было. И на Украине нежелательно.

Это было утром, а сейчас я стою под окнами Александра Солодова и пытаюсь понять, в каком он настроении, один ли. Короче — набрать материал для разговора.

Постепенно, миллиметр за миллиметром просачиваю своё внимание внутрь. Меееедленно. Под носом у Инстанций. Я уже чувствую, что хозяин там, что посторонних в квартире нет. Что Александр чем-то занят...

Резкая фиолетовая вспышка бьёт меня по глазам и, на несколько секунд, я теряю сознание. Холодная боль в руке, там, где браслет, приводит меня в чувство. Обнаруживаю себя лежащим на земле. На меня уже смотрят прохожие. Встаю и с максимальной быстротою бреду в сторону остановки монора.

6 Александр Солодов, Москва, день 22 июня 2024 года

Простейший способ управлять жезлом — как объяснял мне Лумиэль — просто дать ему команду сделать то, что *уместно*. Он сам выполнит то, что ты приказал бы ему выполнить, если бы имел время подумать. Но — в пределах твоих собственных знаний.

Не долго думая, я воспользовался инструкцией эльфа и вызвал жезл, предоставив делать ему это самое *уместное*. Резкая фиолетовая вспышка выжгла зеленые нити и, кажется, что-то отскверкнуло даже за окном.

И что же дальше? По законам жанра мне следовало быстро одеться, похватать какие-то пожитки, и, воспользовавшись чердаком, выйти через соседний подъезд. И потом куда-то бежать и прятаться, как это делают герои американских фильмов и наших книг.

Несколько минут я всерьёз собирался заняться этой бессмыслицей, но вовремя остановился.

Бегать и прятаться по углам, чтобы в это время опять погромили квартиру?

Да ну их к чёрту!

Будут ломиться — вызову Старших Товарищей, или даже дружинникам позвоню. В конце концов — я у себя дома, дверь заблокирована изнутри, так что её придётся ломать, в руках моих, как я убедился — достаточно мощное оружие.

Я попытался, используя жезл, понять, кто же это подглядывал за мной, но безуспешно. То ли эти люди ушли, то ли просто чего-то не хватает.

Вывел на экран компа изображение с камеры, хитро пристроенной под козырьком подъезда, переключился на видеодомофон, потом — на этажную камеру — нигде никого.

Из чистого занудства ещё раз просканировал комнату.

Но никаких признаков чужого интереса, даже серое облачко в “области внимания Инстанций”, которое я успел заметить одновременно с зелёными нитями, куда-то исчезло. Наверное, сгорело вместе с ними. Туда ему и дорога.

Я взял коммуникатор и набрал Лумиэля.

7 Кирилл Костин вечер 22 июня 2024 года, Москва

— Надо сделать вторую попытку, — говорит Алёна и смотрит мне в глаза, — если не выйдет — то я очень сильно попала.

— Ну, вроде бы он не мог засечь, что я — это я. Попробую завтра подойти к нему. Без подготовки уж. А то как-то мне не понравился способ, которым он меня отсёк.

О деталях Самая Прекрасная меня не спрашивает, а я сам и не говорю. Мне ещё самому надо разобраться — как понять тот факт, что Солодов обладает жезлом. Я был уверен, что их — всего 2–3 штуки на Москву, если не меньше. Это ж надо, чтобы так не повезло... или это — не случайно?

— Всё что я могу тебе сейчас дать на него — это то, что с вероятностью более 50 процентов Солодов выйдет завтра из дому.

Я кошусь на изображение в визуальной зоне. Компьютер, построенный по принципу пригожинских вычислений — чертовски дорогая штука, я про них раньше только читал, не видел никогда.

Удельное быстродействие, по современным меркам, достаточно среднее — на уровне, типичном для молекулярных вычислителей. Побольше, чем у классики, поменьше, чем у квантовых.

Но есть одно достоинство — никакими внешними, нештатными средствами информацию из него не снять. Даже жезлом. Побочный эффект от колебательной химической реакции, используемой такой машинкой в работе, только один — тепловой молекулярный шум. Потому и используют их в основном спецслужбы да военные. Но для таинственных работодателей Алёны такие расходы, судя по всему, на раз. Поставить сотруднику на дом агрегат стоимостью в пару миллионов Евро — это... внушает.

Разумеется, и периферия у этого агрегата не из дешёвого магазина. Объёмный видеопроектор создаёт картинку прямо в воздухе. Алёна сфокусировала её над столом, где мы пьём чай.

Смотрю на изображение с умным видом и пытаюсь понять, где на этих графиках и схемах что.

Понимается слабо, нет навыка. Но кляксообразное жёлтое пятно, помеченное “А.С.” я, конечно замечаю.

Видишь — любимая показывает на разветвляющийся хвостик, завершающий пятно. Тут уже непонятно, куда он пойдёт — пяток вариантов. Мне сейчас некого послать, отследить его, придётся тебе как-то самому выворачиваться. Я тебе только привязку ко времени даю — около 13. Почти наверняка — между 13:10 и 13:40.

— Нескромный вопрос. А сама ты к нему не хочешь подходить...

— Ну он же наверняка меня узнает. Я с ним обошлась уже невежливо один раз. Не очень хорошо для начала разговора. Но если у тебя опять не выйдет — пойду, конечно, сама.

Я понимаю, что тема — скользка, неприятна и замолкаю.

8 Александр Солодов, день-вечер 22 июня 2024 года, Москва

Разговор с Лумиэлем прошёл, как я и надеялся, без особой ‘романтики’. Но, в результате, я только навесил на себя дополнительные проблемы. Как говорят в народе, ни одно доброе дело не остаётся безнаказанным.

Услышав о фон Штале, Лумиэль среагировал нервно:

— А чего он хотел? А зачем? Нет, ну я не знаю, не понимаю ещё, хочу ли с ним встречаться.

— Ну, я до тебя донёс информацию, чего-нибудь решишь — свяжешься. Номер коммуникатора я тебе сказал...

— Слушай, а можно тебя попросить? Перезвони ему...

Поотпиравшись некоторое время от роли проводника Лумиэлевских интриг, я, в конце концов, решил, что начатое надо, наверное, доводить до конца. Раз уж ввязался. И на протяжении десяти минут выслушивал инструкции — куда ходить, что делать и что кому говорить. Наверняка, забыл бы какие-то детали — но нажал на коммуникаторе кнопку записи и весь наш разговор ушёл к нему в память. Потом сотру, конечно. Во избежание.

Отложив коммуникатор в сторону, я вернулся к исследованию купленных ранее книг по Разметке. Пожалуй, это было наиболее полезным времяпрепровождением из тех, которым я мог бы посвятить остаток вечера.

“...Пространство нашего мира намного больше, чем это принято считать непосвящёнными.

В процессе исторического развития многие его области — от целых стран и регионов до относительно небольших участков внутри городской застройки были, по тем или иным причинам, выведены из общего доступа.

О странах, вычеркнутых с официальных географических карт, принято говорить о том, что они “убраны в Тень”. Их статус, политическое устройство и внешние связи регулируются международными соглашениями, достигаемыми относительно каждой из стран индивидуально.

Порядок функционирования закрытых областей пространства внутри национальных юрисдикций, определяется, как правило, по соглашениям с местным правящим режимом. Общим правилом для всех государств является поддержание информационной непрозрачности и неразглашение среди населения сведений о разделении пространства на открытую и закрытую области.

Технологическое обеспечение разделения осуществляется путём нанесения по границам участков знаков так называемой “Разметки” — универсального семантического кода, понятного человеку и, в ограниченном объёме, — предразумным существам [i]. Действие знаков Разметки основано на том, что, за пределами языкового уровня сознания, мышление большинства (свыш. 99.7 %) людей использует одни и те же внутренние структуры.

Прямое восприятие визуальных, звуковых, назальных и тактильных знаков,

соответствующих этим структурам, позволяет человеческому мозгу получать информацию непосредственно, минуя сознательный уровень мышления.

Для того, чтобы предотвратить прямую передачу информации и обеспечить адекватное различие знаков от реальных объектов и их состояний, применяются различные техники модификации сознания, изучение которых Вы уже начали в этом семестре. Наиболее распространённый и доступный для нетренированного человека способ — химическая модификация процессов мышления.

Предметом настоящего курса является юридический статус областей Разметки внутри находящихся за пределами Тени государств и порядок взаимодействия ответственных лиц с должностными лицами национальных юрисдикций...

(И.Крамник, Разметка и национальные государства: юридические процедуры. Учебное пособие для студентов ВУЗов. Москва, издательство "Европа", 2022).

Не скажу, что картина происходящего прояснилась единым махом, но к вечеру я имел в голове уже более-менее сложившееся представление о том, с чем мне пришлось столкнуться. Масштабы этого нового для меня явления поражали. Если принимать на веру написанное во введениях и предисловиях — а именно их я прошерстил для начала, то существующая официальная география Земли — откровенно сфальсифицирована.

В одном из не существующих для *профанов* государстве — Митс-Раим, я уже побывал, но узнать, к примеру, о том, что где-то на границе со Швейцарией до сих пор расположен теновой Третий Рейх было для меня большим сюрпризом.

Однако же ни полного списка теновых государств, ни “настоящих” карт при беглом прочтении купленных книг мне найти не удалось. Так же как и не удалось понять, на какие такие международные соглашения намекает учебник Крамника. Впрочем, всё это было очень интересно и познавательно, но не сильно полезно практически.

По крайней мере — в текущей ситуации я решил, что теорию и историю лучше отложить на потом, сосредоточившись на более приземлённых вопросах. На программировании, грубо говоря.

Украстить, к примеру, дверь свою знаком “не входить” было бы небесполезно. По крайней мере, когда ухожу из дома. Постоянно-то его вешать смысла нет — этак ко мне совсем никто и никогда не войдёт... Да и в целом, имелось твёрдое ощущение — что, чем серьёзнее я разберусь в теме, тем больше новых возможностей для себя открою. Пока ещё даже не знаю, каких. Но что они будут — это факт.

[i] Принято считать, что коэффициент интеллекта, необходимый для восприятия базового уровня разметки составляет не менее 40 единиц. Однако последние исследования [Felix Krule, Lessons...], поставили под сомнение этот взгляд. В настоящее время применимость прямых методов измерения интеллекта в этом контексте дискутируется учёными.

9 Александр Солодов, утро 23 июня 2024 года, Москва

Проснувшись не поздно и не рано, часов в десять, я для, виду, помахал руками и ногами. Можно считать, что попытка убедить себя в том, что я делаю утреннюю зарядку, оказалось более-менее успешной.

После минутного колебания, я решил сначала выполнить просьбу Лумиэля и уже потом — заниматься собственными делами.

На сегодня планировался очередной присутственный день в одной из подшефных контор — надо у них бывать хотя бы пару раз в месяц, чтоб не забывали, кто у них админ. Лучше уж сначала скинуть с себя чужой вопрос и потом — спокойно заниматься своими делами.

Набрав фон Шталя и договорившись о встрече (что характерно, и сам Шталь и Лумиэль были категоричны — никаких разговоров по каналам связи, только лично), я двинулся на выход. Минута сомнений — и жезл переключал ко мне в рюкзак.

— Если за квартирой следили вчера — сегодня могут и вломиться. Ну его нафиг.

Хотя вопрос о том, как бы понадежнее обеспечить сохранность ценного предмета уже начал меня нервировать. С собой таскать — тоже хлопот не оберёшься. Совсем недавно я нарвался за один день на два задержания. А ведь могут обыскать и отнять...

Закрыв дверь в квартиру, я достал заранее заготовленный маркер и нанёс на дверь красную загогулину, рисовать которую тренировался пол ночи.

Сработало. Волевым усилием отключил доступ к Разметке — и обнаружил себя стоящим возле лифта...

...Свидание с фон Шталем прошло гладко. Новое кафе, (ну Вы же понимаете, господин Солодов, мы не можем назначать встречу в том месте, где уже встречались), старые тональности разговора. Пожалуй, со второго раза они уже не столько производили впечатление, сколько раздражали

Сообщив ему условия, на которых “случайно позвонивший” Лумиэль (ну Вы же понимаете, господин Солодов, в нашем мире — мало случайностей), я получил на руки обещанную сумму и собрался уже было прощаться, но был вынужден задержаться ещё на несколько минут. (ну Вы же понимаете, господин Солодов, в делах должен быть порядок). Пожалуй, написать расписку — дело не страшное и ни к чему не обязывающее, — подумал я, — тем более, что Шталь — ах, сама любезность, уже достал из портфеля и ручку, и листок бумаги.

“Оказание информационных услуг” — ни к чему не обязывающая формулировка. Не в налоговую же он будет на меня стучать, в самом деле? Смешно. Бумага, кстати, была с водяными знаками и гербом.

Пожалуй, если бы не деньги, полученные практически ни за что, объём понтов можно было бы счесть чрезмерно раздражающим.

Наконец, попрощавшись, я толкнул стеклянную дверь и вышел на улицу, на пару секунд опередив своего визави. Теперь можно и к клиентам добраться, наконец. Небось заждались, голубчики, — подумал я, направляясь к остановочному пункту монора. В центре мало места, и остановка оказалось поднятой на уровень эстакады. Подымаясь по винтовой лестнице, я кинул взгляд вниз, и будто разряд статического электричества стёк мне в глаза. Ощущение

было очень похожем на то, что я почувствовал вчера, обнаружив наблюдение за квартирой. Попробовать что ли?

Я мысленно потянулся к лежащему в рюкзаке жезлу — и на секунду увидел перед собою какую-то зеленоватую муть. Похоже, наблюдатель успел отдёргнуть свои 'нити', но какое-то небольшое охвостье клубилось вокруг автомобиля, стоявшего напротив входа в кафе. Опираясь на жезл, попытался переместить внимание туда, внутрь. Пустота. Ничего не получилось.

— Ну и чёрт с ним. Гоняться за кабиной монора на авто они вряд ли будут. Нереально.

Главное — отсечь наблюдение в тот момент, когда буду задавать маршрут.

Минутой позже я уже мчался по эстакаде.

Машина осталась стоять припаркованной.

Вот это номер. — Алёна достаёт уже третью сигарету, а мы всё сидим в машине.

Мне, наверное, всё-таки придётся посоветоваться с начальством.

— Ты не могла бы всё-таки пояснить, что случилось?

Я уже готов был идти, хватать Солодова за рукав и агитировать его за отъезд в Аргентину или какие-то иные пампасы, но Алёна тормознула меня буквально в последний момент.

— Ты видел, кто за ним вышел?

— Видел. Какой-то кекс с горы... Не узнал его. А кто это?

— Ну да. Кекс. — Алёна глубоко затягивается и стряхивает пепел прямо на пол. — Это представитель нашего генподрядчика. По Европейскому региону. Можно считать, мы опоздали. Солодов уже *влип* в события и я не знаю, есть ли какой-то смысл его оттуда выдирать. Разве что очень жёстко, с концами. Да и то, не понятно, не сделаем ли хуже. Тем более, если он зачем-то встречался с таким человеком — я сейчас просто не рискну...на изъятие...

Странно, но экивоком произнесённый намёк на убийство не вызывает у меня никаких эмоций. Ощущения — как от переставляемых фигурок на доске. Абстрактные. Правило ходов, условия задачи и всё...

— А если поступить наоборот?

— То есть?

— Не выдирать его, как ты сказала, из событий, а просто договориться, чтобы он стал нашим сознательным союзником? Ну, тех же денег предложить...

— Ты в состоянии выдернуть информацию о том, куда он поехал?

— Он закрылся. Как вчера в квартире. Но... — не прекращая говорить, я проверяю свою догадку — одно дело скрыть инфу вокруг себя...глобально-то всё равно не получится — иначе откуда монор узнает, куда ему катить кабинку? В приёмном терминале эти сведения остались. И я называю номер конечного терминала.

Пробить по нему адрес — вопрос минуты, для публичных остановочных пунктов эта информация открыта и доступна бортовому компьютеру автомобиля.

— Понимаешь... с этими словами Алёна тронула машину с места, — проблема в том, что нам от него в общем-то ничего не нужно. А нужно — чтоб его не было. С чем сравнить? Представь, мы играем в бильярд, к примеру, и тут на столе появляется цветочный горшок. И стоит посередине.

— Если пользоваться твоим примером — и от горшка можно шар в лузу загнать.

— Я не знаю... наверное надо попробовать. Просто потому, что не видится никаких других внятных вариантов...

И ещё на протяжении получаса, двигаясь вслед за Солодовым, мы обсуждаем сценарий возможного разговора.

— Впрочем, — говорит Алёна, — если не договоримся, то остаётся только один способ решить проблему.

11 Александр Солодов, день 23 июня 2024 года, Москва

Меланхолично поковырjавшись в локалке заказчика (ничего особенного, всё в штатном режиме работает, разве что очередной бэкап), я вышел из офиса и задумался о дальнейшей программе действий.

Вторая часть того, что просил меня сделать Лумиэль, выглядела мутноватой. Пойди туда, не знаю куда.

“Возьми да и позвони вот этим вот людям и договорись с ними о покупке материалов. Скажи, что хочешь взять лицензию на их основной продукт. Да поймут они, о чём ты. Договорись о встрече и отзвони мне — я приду вместе с тобой. Только не в Москве, ага? Ну, в Хельсинки, например”.

Звонить или не звонить? Сомненье гложет, но ведь, вроде — пообещал. Собственно говоря, если и буду выглядеть идиотом — то в глазах совершенно посторонних людей. Купив в уличном киоске свежую булку, я двинулся вдоль проезжей части. Прогуляюсь до предыдущей остановки монора, — подумал я — по дороге и позвоню. Меня несколько напрягал предстоящий разговор, поэтому мимолётный аппетит как возник внезапно — столь же внезапно и исчез. Швырнув недоеденный кусок симпатичной вороне, сопровождавшей мою прогулку от самого киоска, я, наконец, решился и полез за коммуникатором. Доставая его из кармана, зацепил рукой ещё какой-то предмет — дурная привычка совать в карман ручку, которой только что писал — сыграла со мною нелепую шутку. Крутая, распонтованная, стильная ручка фон Шталя — не иначе Кохинор, лежала в моей ладони. Как говорится — мелочь, а неприятно. Одно дела — стянуть с чужого стола беспонтовый одноразовый пластиковый штырёк и совсем другое — утащить покрытый слоем серебра (а может серебряный?) фирменный пишущий агрегат. Долларов 100, не меньше, — подумал я. — Нужно его вернуть, конечно, при встрече. Только когда она будет, эта встреча? Как-то не предвидится... А специально пересекаться по такому поводу — действительно буду глупо выглядеть. Уж намного глупее, чем перед Лумиэлевскими “поставщиками материалов”. С этой мыслью я сунул ручку в нагрудный карман рубашки и, наконец набрал данный мне номер.

На другом конце немедленно ответил женский голос. Ещё минута-другая — и, произнеся скороговоркой все предложенные Лумиэлем тексты, я с удивлением понял, что мне рады, что меня ждут, и что, если — Хельсинки (я не стал ничего выдумывать и выдал версию Лумиэля), — то со мною будут готовы пообщаться, не задавая никаких предварительных вопросов. Хотя бы и завтра.

То, что с людьми на месте будет разговаривать Лумиэль, а не я — это уже деталь. Как-нибудь сами разберутся между собою. С этой мыслью я забрался в кабинку монора, задал ей движение к дому и, подмигнув всё той же вороне — откинулся на спинку сиденья. Крылатые хулиганки давно уже повадились кататься на крышах кабинок — вот и эта, видно проникшись симпатией после угощения, решила составить мне компанию. Впрочем, ехала вместе со мной она совсем недолго — буквально через минуту проказница взлетела в воздух и осталась где-то позади. Я снова достал коммуникатор и набрал Лумиэля.

Некоторое время мы ждём, пока Солодов выйдет из какого-то здания — потянувшись, я засекаю его присутствие, но сразу же убираю своё внимание — не хочется, чтобы он засёк меня снова. Сейчас это ни к чему — только ломает разговор. Наконец, Солодов выходит, но, постояв возле киоска, разворачивается и идёт в противоположную от остановки монора сторону. Я-то хотел аккуратно подойти к нему возле самой посадки — а тут, получается, метров тридцать бежать вслед за ним. Секундное колебание — и я уже начинаю выскакивать из машины, и в это время, слышится звонок Алёниного коммуникатора. Не успеваю выбраться из машины — Алёна машет на меня свободной рукой и показывает жестами, чтобы я сел обратно.

Ну что же... сажусь. И несколько минут слушаю, как Самая Прекрасная щебечет, очаровывая на расстоянии какого-то человека. Разговор идёт по бизнесу, но понять о чём конкретно — решительно невозможно. Какие-то материалы, какой-то “наш основной продукт” и, как финальный аккорд разговора — на завтра назначается встреча за пределами России. Только в этот момент, услышав “до свиданья, господин Солодов, до встречи”, я осознаю, с кем, собственно шёл весь этот разговор.

Удивлённо смотрю на Алёну — и встречаю не менее удивлённый её взгляд.

— У тебя виза стоит в загранпаспорте общеевропейская или, хотя бы, Шенген?

— Стоит Европа+Магриб.

— Это хорошо. Он нам встречу назначил. Сам позвонил на мой корпоративный номер.

Сам, по своей инициативе... — повторила она. Причём сказал, что улетает сегодня вечером из России. Надолго. Нам, тогда, и делать ничего не нужно... только встретиться с ним. Это слишком замечательно, чтобы быть правдой.

И, самое главное — какого чёрта у него мои контакты?

— А что он сам сказал?

— Сказал, что “рекомендовали”. Тут этикет. Не спросишь напрямую — кто.

— А у самой-то у тебя есть идеи?

— Ну, господи, какие тут могут быть варианты? Ты же видел, с кем он сегодня встречался?

— А зачем ему?

— Я не понимаю пока, но, спиной чувствую... — она жуёт незажженную сигарету — тут какое-то запахло.

13 Александр Солодов, вечер 23 июня 2024 года, Москва

Разговор с Лумиэлем меня расстроил. Такое ощущение, что я, чем дальше, тем сильнее залипаю в его дела. И пока не нашёл способа вежливо, не теряя лица послать этого авантюриста куда-нибудь подальше.

А послать безусловно стоило, потому что его первоначальное “ты договоришься, а я с ними встречусь” неожиданно свелось к “ты нас представишь, а я потом с ними поговорю”. На кой чёрт мне ввязываться в эти переговоры кроме простейшего мотива — “раз начал, так доделай”, я откровенно не понимал, но Лумиэль умело заговорил мне зубы, и я не успел и оглянуться, как обнаружил себя обсуждающим тот момент, что вся поездка, конечно же — за счёт Лумиэля, потому что это — “его проект”.

Разумеется, — заявил этот наглец, — если когда-нибудь — нет, я не говорю, что это обязательно будет, но если *вдруг*, а я не исключаю такого развития событий, так вот, если вдруг этот проект станет нашим общим проектом — тогда, *разумеется*, мы будем делить все расходы напополам. А пока ты только оказываешь мне по дружески техническую помощь, без которой я могу и не справиться. И попаду в ужасное положение.

Вопросов о том, каким образом может произойти это “вдруг” я предпочёл не задавать. Как-то не хотелось втягиваться в обсуждение — входить в неведомые мне проекты в любом случае не хотелось — а такой вопрос мог бы быть воспринят как косвенное подтверждение таких намерений.

Ну его нафиг.

Я бросил взгляд на экран, по которому уже второй час бессмысленно гонял цветные шарики, и закрыл окошко. Всё равно к цифре, прописанной в верхней строчке всемирного рейтинга — 4,763 миллиарда очков, шансов приблизиться не было решительно никаких. Интересно, сколько времени убил неизвестный мне автор спортивного достижения, скрывающийся за ником The Blacky, на то, чтобы добиться этого результата? Не иначе, ему на работе платят за игре компьютере.

Вытащил из кармана Шталевскую серебряную ручку и поставил её в стоящий на столе стакан. Не стоит таскать с собою чужой и достаточно дорогой предмет — будет случай — отдам через Лумиэля. Встретаться они должны были, насколько я понял, недели через две-три...

IDA в другом окошке, тем временем, всё пытался декомпилировать ARX3064i — я всё ж таки намеревался разобраться со столь неосмотрительно установленной себе биопрограммой. Получалась это плохо, после двух слётов с ошибками я был вынужден перевести дизассемблер в режим пошагового сброса результатов на диск — теперь, по крайней мере, можно будет уточнить, что же это ему срывает крышу. Но такая настройка замедлила работу чуть ли не на порядок — возможно, к возвращению их Хельсинки результат и будет готов, но вряд ли — раньше.

14 Кирилл Костин день 24 июня 2024 года, Хельсинки

Приготовления к встрече с Солодовым меня впечатляют. Арендованную переговорную комнату в пятизвездочном отеле я ещё мог бы, пожалуй, понять, но вот расставленные по дороге к ней люди, чьё внимание я достаточно легко ухватываю — кажутся излишне пафосными. Первая парочка дежурит у входа в отель, вторая — в вестибюле. Ещё четверых мы видим на галерее пятого этажа, где расположена переговорная. Галерея эта охватывает центральный зал отеля, занимающий большую часть пространства внутри здания. С первого по седьмой этаж — громадное пустое пространство, покрытое стеклянной крышей. Внутри — зимний сад с фонтанами и ручейками воды. Не только в самом низу, но и на здоровенных “островках”, подвешенных на разных уровнях. Некоторые из ручьёв льют откуда-то с самого верха и, перетекая с уровня на уровень, с одного воздушного островка на другой — собираются в конце концов в пруду, расположенном на нижнем ярусе. Дна его с пятого этажа вовсе не видно. И посреди всей этой красоты — люди в хороших, но каких-то одинаковых костюмах, бездумно, на мой взгляд, следящие за тем, как мы с Алёной идём и за тем, что происходит вокруг нас. Двое из них перекрывают площадку с лифтами, ещё двоих мы видим в конце коридора, где маячит выход на лестницу. Наконец, свернув в узкий тупичок непосредственно к нужному помещению — видим ещё двоих, величественно стоящих перед входной дверью. Ни слова не говоря, они пропускают нас, и мы оказываемся уже в самой переговорной — где опять-таки, одетый с иголки технарь, настраивает какую-то аппаратуру — квадратная плоская коробка, приклеенная к стене, мигает сине-жёлтыми и розовыми огнями.

— Против подслушивания и подглядывания — поясняет в ответ на мой недоумённый взгляд Самая Прекрасная. — Ну сам понимаешь, вопрос очень серьёзный. Раз уж он обратился к нам с таким разговором...

Ещё минута, и техник покидает комнату, но к нам присоединяется Алёнин коллега — блондинистый, высокий, то ли немец, то ли скандинав. Глядя на его внешний вид, я начинаю было комплексовать по поводу собственного задрипанного джемпера, но быстро успокаиваюсь — в конце концов, дело нехитрое — сходить в магазин и купить — знал бы что нужно — так и сам пришёл бы сюда в виде манекена.

— Брэд, это Кирилл, мой новый ассистент, я тебе о нём говорила — начинает представлять нас Алёна — Кирилл, это Брэд, наш координатор по странам Центральной и Восточной Европы.

Брэд? Стало быть не немец, имя скорее английское...

Жмём друг-другу руки, я бормочу дежурное “приятно познакомиться”, а сам про себя думаю, что о собственном служебном статусе ассистента я узнаю поздновато. И как-то невзначай. Ну, собственно, шероховатости на новом месте — если действительно считать это новым местом работы, всё равно неизбежны, а своеобразный способ попадания сюда накладывает...

Алёна представляет нас по-русски, и дальнейший ничего не означающий трёп о погоде и архитектуре отеля идёт на этом же языке — Алёнин сослуживец говорит на нём практически без акцента.

В комнате раздаётся голос одного из охранников — невидимая акуст система

фокусирует источник звука прямо в центре стола, вокруг которого мы расселись.

— Ожидаемый Вами человек направляется к входу в отель. С ним ещё ...одно лицо. Микроскопическая пауза в его словах не ускользает от моего внимания. Но была ли она случайной или что-то значила — я смогу разобраться только потом.

— Всё нормально, пусть проходят, — отвечает Алёна и поясняет уже нам, — если бы с ним был Шталь — охрана предупредила бы, им показывали фотографию. Но, возможно это кто-то из его сотрудников — понятно, что в этой ситуации Солодов может быть только посредником. У нас есть ещё минут десять до их прихода. Можно покурить...

15 Александр Солодов, день 24 июня 2024 года, Хельсинки

С утра пораньше я был в Шереметьево и, часа через полтора — уже здоровался за руку с Лумиэлем, тактично уклонившись от дружеских объятий. Ибо нефиг. Возле выхода из аэропорта нас ожидало заказное заранее такси — так что ещё немного — и мы гуляли по одной из центральных улиц города — как сказал сам Лумиэль, — неприлично приходить заранее. А то они подумают ещё, что мы их жаждем. А мы не жаждем. Мы просто хотим купить их продукт за свою цену. На условиях взаимной выгоды.

— А что за продукт-то?

Лумилэль замялся. — Ну... в общем это некие инструкции. Методики управления, так сказать...

— Управления фирмой?

— Да нет, скорее обществом. Технологии регулирования... программы так сказать... Fahrplan.

— Понятно. Программы коренного переустройства общества. Помню-помню. Ещё в школе проходил — про социализм и всё остальное, что было потом. Вот уж не думал, что *этим* можно торговать можно. Ты что у нас, оказывается — революционер?

— Ну, в некотором смысле можно... — по ходу разговора мы уже практически прошли к месту назначения, — но причём тут революция? Революция — это, как раз когда программа не срабатывает. Авост, так сказать...

С этими словами Лумиэль покосился на часы, висящие над входом в отель, и заявив, что “у нас ещё пятнадцать минут”, предложил идти пешком.

Мы неспешно поднялись на третий этаж и вышли на балкончик.

Перед нами открывались всяческие конструкции громадного зимнего сада...

Дай-ка я на тебя взгляну последний раз перед выходом на сцену... — Лумиэль бесцеременно начал пялиться на мой внешний вид. — очень важно, чтобы мы выглядели просто супер. Тогда нам все дадут. Всё. Да-да-да-да... — сейчас он явно цитировал какого-то литературного персонажа, но я так и не понял, кого именно.

Придаться в моей внешности, на мой взгляд, было не к чему. Памятуя о том, что Лумиэль специально просил меня обратить внимание на внешний вид, я надел свой единственный приличный для таких случаев костюм. Но костюм был оглушитель — поскольку куплен был без скупости, специально для тех мест, где надо было производить впечатление внешним видом. Впрочем, надевать куда-то мне его до сих пор приходилось раз пять, не более — по таким местам я стараюсь просто не ходить.

— Так, это что у нас. Наглый паршивец потянулся к моему карману и вытянул оттуда фоншталевскую ручку.

Мгновенная злоба передёрнула меня до глубины души. Есть пределы фамильярности, в самом деле!

Я не успел и сообразить, что происходит толком, но рефлекторно выдернул блестящий предмет из пальцев нахала.

— Да ладно тебе? Чего ты злишься? Лумиэль улыбнулся очаровательно и проникновенно, глядя мне прямо в глаза... мгновение спустя я и сам уже не понимал причин своей столь бурной реакции. — Дай посмотреть? Стильная штука, мне очень нравится.

— Да пожалуйста. Это... — я протянул ему ручку и, желая пояснить происхождения предмета, осёкся на полуслове.

Только что вроде бы отданная, ручка, по прежнему была в моей ладони.

— Ээээ... только и смог извлечь из себя я растерянный скрежет, — а ну-ка, возьми её.

Лумиэль, ничуть не удивляясь, взял серебряный стержень — неувловимый момент, в который всё как — будто расфокусировалось — и секундой спустя я обнаружил себя сжимающим в кулаке всё тот же будто заколдованный пишущий агрегат.

— Ладно, некогда, потом с ней разберёмся — я уже хотел было отложить вопрос на потом, но Лумиэль неожиданно настойчиво остановил меня.

— Просто протяни в мою сторону раскрытую ладонь с ней, попросил он, и смотри внимательно.

Я так и сделал.

Мгновение спустя Лумиэль со всей силы вдарил меня снизу по руке и бывшая собственность фон Шталя полетела за борт балкончика. Описав крутую дугу она ухнула куда-то вниз и оттуда громко — так что мы отчётливо услышали это на нашем третьем этаже, булькнуло водой.

Повторный приступ злости я быстро погасил — тем более, что Лумиэль успокаивающе развёл свои руки в стороны и с интонацией врача после неприятной процедуры начал бормотать “всё-всё-всё, вот уже и закончилось, успокойся, успокойся”.

— Что это было? — спросил я, пытаюсь восстановить душевное равновесие.

— Гипноглиф. Есть такое вот дерьмо... Чисто на тактильные ощущения воздействует. На каком-то периферическом уровне нервной системы. Ты в Разметке или без неё — всё равно ничего не разглядишь, если не знаешь как смотреть...возьмёшь вот так вот и будешь *охранять*, пока у тебя её не отнимут.

Лумиэль опёрся ладонью на бортик и глянул вниз.

После минутной паузы он осторожно спросил:

— Ты... давно это таскаешь?

— Да со вчерашнего дня. Мне фон Шталь твой дал ей подписаться за деньги.

— Деньги? — этот момент моего общения со Шталем Лумиэлю я не объяснял, и теперь чувствовал себя по уродски, выглядело всё как-то некрасиво.

— Ну да, он мне всучил пачку во время второй встречи, типа за беспокойство. Я, кстати, эту хреновину был уверен что дома оставил — подумал, что заранее тебе не стоит отдавать, потому что...

— Ага, ага. Вот так оно и работает. Это ладно, главное, что ты недолго её носил. А то, бывает, навесят человеку такое вот колечко или там браслетик — он и ходит, мучается годами, пока у него окончательно крышу не сорвёт.

— А...зачем это?

— Типа маяка. Чтобы всегда можно было знать, где его носитель. И потом, постоянное давление на психику — ты большую часть своей души только и тратишь на то, чтобы следить за тем, как бы её не испортить, не потерять.

Эта здоровая совсем была — может там и передатчик какой внутри стоял... может слушал нас *твой* фон Шталь, и уж точно — знает, где мы с тобой сейчас находимся.

Мерзкая технология. — Лумиэля передёрнуло — в своё время очень эффективно работала, мы с ней не сразу научились бороться. Ладно, сейчас некогда уже, мы минут на пять опаздываем, пошли, что ли...

И мы двинулись дальше, вверх по лестнице...

16 Кирилл Костин день 24 июня 2024 года, Хельсинки

Визитёры задерживаются — дежурившие в холле охранники сообщают, что Солодов и сопровождающее его лицо начали подниматься по лестнице — после чего возникает пауза минут в десять. Алёна успевает выкурить ещё пару сигарет — дым мгновенно вытягивается куда-то под потолок, а окурки поглощаются материалом пепельницы — несколько секунд и её поверхность снова металлически-синяя.

Наконец, они заходят.

Солодов на мгновение задерживает свой взгляд на Алёне, но после непонятного мне колебания — садится.

Сопровождающий его высокий блондин, безмятежно улыбаясь, усаживается рядом.

Вид его, кстати, существенно контрастирует с внешностью Брэда.

Если наш “координатор по странам Центральной и Восточной Европы” выглядит как истинный ариец из соответствующих легенд и мифов — мужественное, прямое лицо, твёрдый подбородок, то визитёр почти по женски красив, черты лица его чем-то напоминают гипертрофированно прекрасные лица белых, которых японские художники рисуют в мультфильмах-аниме. В то же время, я не назвал бы его однозначным европейцем — что-то совершенно чуждое в пропорциях не позволяло с уверенностью отнести его ни к одному из известных мне национальных типов, свойственных для нашей части Света.

Последующая процедура представления, как и бывает обычно на таких переговорах (а ещё работая на Контору я участвовал ни в одном и не в двух подобных мероприятиях) проходит бестолково, но каким-то образом всё же расслабляет присутствующих. Мужчины жмут друг другу руки, блондин, представившийся совершенно невероятным именем Лумиэль, наклоняясь через стол, целует руку Алёне, и, наконец, мы рассаживаемся и начинаем разговор.

— Прежде всего, — говорит Солодов, — мне хотелось бы представить своего коллегу. Впрочем, он уже назвал себя — так что я, пожалуй, просто передам ему слово.

— Я думаю, Вы уже поняли, откуда я — уверенно начинает блондин, — так что, пожалуй, вопросов о нашей платежеспособности мы обсуждать сейчас не будем.

— А полномочия? — Брэд пытается перехватить инициативу, но ему это откровенно не удаётся.

— Ну Вы же сами знаете... в таких делах... — Лумиэль размашисто поводит рукой и делает неопределённо-значительное выражение лица. — Если у нас дойдёт хотя бы до подписания соглашения о намерениях, то, в любом случае... Пока я могу только... — и он помахивает в воздухе непонятно откуда извлечённым экзотическим предметом — не то перо какой-то птицы, не то — тропический цветок. Ярко алого цвета, переливающийся оттенками красного и иногда жёлтого.

Мне это начинает напоминать цирковое представление, но лица Алёны и Брэда становятся уважительными.

— Вы не могли бы тогда поточнее сформулировать, какие опции Вас интересуют — Алёна берёт разговор в свои руки, и я, наконец то, начинают надеяться, что узнаю, о чём собственно идёт речь.

— Если пользоваться терминологией *Volksbewußtseinverwaltung*, то меня в большей

степени интересуют процессы P2 и P7.3rwg — в старых понятиях это равновесие между серебром и сурьмой, и между красным, белым и жёлтым золотом. Разумеется, нужны динамические процессы.

— Это можно не уточнять, — улыбается Самая Прекрасная, — статику уже пару столетий никому не продашь. У нас есть то, что Вы хотите приобрести.

— Вы хотя бы триста-триста пятьдесят лет на них планируете вытянуть?

Алёна гордо улыбается — наши разработчики прогнозируют шестьсот. Ну, разумеется, при наличии авторизованного послегарантийного сопровождения.

— А если без? — последняя оговорка Алёны явно не понравилась блондину.

— Тогда — четыреста пятьдесят. Но гарантия только на двести лет.

Лумиэль мнётся несколько секунд и, наконец, сообщает, что это, по его мнению, вполне приемлемо.

— Хотелось бы подробностей. Отчёты о полевых испытаниях, допуски, плотность распределения статистической погрешности...

— Ну, — вступает в беседу Брэд, — если уже речь пошла о документации по проекту — то, даже раньше, чем говорить о каком-то соглашении о намерениях — надо бы оформить NDA. С *должными* — он выделяет это слово голосом — гарантиями.

— Я не возражаю. Лумиэль не колеблется ни секунды.

Алёна раскрывает лежащую на столе кожаную папку и передаёт содержимое Лумиэлю.

Ещё несколько минут тот, хмуря лоб читает немецкий, кажется текст — точно разглядеть я его не могу, всё набрано каким-то безумным совершенно готическим шрифтом, и наконец, заявляет, что документ представляется ему пригодным для подписания.

Только — говорит он, всё-таки не пять лет, а год, — будем разумны. Надеюсь, — блондин оглядывает всех нас троих, ни у кого нет возражений против такой поправки?

Возражений от Брэда и Алёны не слышно, а от меня — тем более.

Переписав от руки какую-то цифру в тексте на обоих экземплярах, Лумиэль с размаху хлопает ладонью по последней, пустой странице намертво сброшюрованной пачки бумаг. Затем — повторяет эту процедуру со второй такой же пачкой. На оставшейся раскрытой странице начинают проступать будто очерченные сепией контуры ладони и, чуть позднее — рисунок, напоминающий папиллярные линии.

Хитрая технология, я с таким способом удостоверять свою личность до сих пор не сталкивался.

— И Ваш коллега пусть отметится, по возможности — Брэд занудствует, но, кажется, это отвечает моменту.

Лумиэль секунду-другую смотрит на Солодова и тот, подтянув к себе бумаги, повторяет действия Лумиэля.

17 Александр Солодов, день 24 июня 2024 года, Хельсинки

Сюрпризы начались сразу, как мы вошли в переговорную комнату. Первая, кого я увидел за стоявшим посередине помещения столом была та самая коварная девица, которая ударила меня несколько дней назад букетом по лицу. Надо полагать, это и была та самая “госпожа Алёна Григорьева”, с которой я договаривался о встрече.

Сидевшие рядом с ней люди ничуть не походили на тех, кто участвовал вместе с ней в нападении, но легче от этого не становилось. Одного я сразу, узнал — это был тот самый Кирилл, которому я устанавливал биопрограмму по просьбе А.А... Очень интересное кино получается — человек то приходил от Старших Товарищей, к которым я и обращался за помощью после нападения.

На мгновение я думал, не послать ли всё к чёртовой матери, но решил, всё же, не портить Лумиэлю задуманного и сел. Дальнейшее выглядело странно. Разговор шёл какими-то намёками и полунамёками, наконец, после совсем уж непонятного эпизода во время которого Лумиэль махал перед носом противоположной стороны каким-то переливающимся красным венником, мой товарищ сформулировал, чего же он хочет.

И, насколько я понял, ему предложили приемлемый вариант.

Я не успел даже и сообразить, что происходит, как оказался перед необходимостью подписаться под документом, который даже не прочитал. Пусть и всего лишь “соглашение о неразглашении”, - именно так NDA переводится на русский юридический жаргон, но я очень не люблю подписывать документы таким вот способом, не глядя.

Но не устраивать же скандал? Лумиэль посмотрел на меня — мол всё нормально, и я дважды хлопнул ладонью по бумаге.

Ладонь ощутимо охладилась — такое ощущение, что я на секунду-другую сунул её в снег.

Эльф внимательно пролистал переданную ему толстый файл с бумагами. Над некоторыми он задерживал своё внимание надолго, некоторые — пролистывал сразу со словами “Это потом, тут надо разобраться”. Краем глаза глянув в текст одной из них, я обнаружил в нём тот же абсолютно нечитаемый готический шрифт на неизвестном мне языке — на первый взгляд это немецкий, которого я не знаю, но обилие диакритических значков заставила меня сомневаться в этом.

Тем временем девушка привлекла внимание, пододвинув мне свою визитку.

— Господин Солодов — её улыбка была самым радушием, — мне хотелось бы встретиться с Вами сегодня вечером, чтобы урегулировать имевшее место недоразумение. Мы могли бы пересечься... ну хотя бы в ресторане этого отеля. Часиков в восемь. Это возможно?

Вспомнив, что во время телефонного разговора я, подачи Лумиэля, лихо соврал о своём намерении надолго покинуть Россию — я не стал рассказывать, что собираюсь ночным рейсом вернуться в Москву.

С другой стороны говорить о том, что я лечу куда-то ещё — значит городить следующий эшелон лжи.

Поэтому я коротко сказал, что подойду поговорить, уточнив, что уже в десять буду вынужден её покинуть.

В конце концов, тут не Москва, вряд ли кто-то решится напасть на меня в центре чужого города.

Лумиэль недоумённо посмотрел на меня, но ничего не сказал. К этому моменту он закончил просматривать бумаги, покрутил в руках приложенный к ним прямоугольный модуль долговременной памяти и предложил созвониться, договорившись о встрече, где-нибудь недели через две.

— Связь будем держать через Александра — многозначительно произнёс он.

Все с этим молча согласились и начали прощаться.

Ещё минута — и мы, спустившись этажом ниже, снова прогуливались по балкончику над зимним садом.

— Я тебе сейчас объясню поподробнее, что это было. Чтоб ты был в курсе.

Только знаешь чего... Лумиэль сунул мне в руку папку с бумагами — попробуй-ка ты их сбагрить прям сейчас, чтобы у нас собой их не было. Очень уж ценные документы, страшно с собою носить.

— Сбагрить?

— Ну не выкинуть... сходи на второй этаж там у них сервис-центр. Пусть отправят пакет DHL-ом каким-нибудь. Сейчас скажу куда... блин... не соображу...

— Давай я их самому себе отправлю до востребования в Москву.

— Оно там недолго хранится. Если вдруг не успеешь забрать — вернётся сюда же.

— А тебя не напрягает почта? Ценные ведь, как ты говоришь документы, вдруг потеряют?

— В отличие от почты, курьерские компании обычно не теряют. А напрягает меня ходить с ними в руках. Короче иди и сделай это. Как можно быстрее.

Нервические интонации в голосе Лумиэля возникли на мой взгляд немотивированно. Но обратив внимание на его взгляд, блуждающий по холлу первого этажа, я подумал, что он, возможно, углядел там *кого-то не того*.

Я двинулся было к лифту, но Лумиэль развернул меня в сторону лестницы чёрного хода, которая виднелась в самом конце балкона. Напоследок, я услышал вслед последнее ценное указание — будут спрашивать — ты всё отдал незнакомому человеку, который сказал, что от меня.

Буквально через пятнадцать минут мне действительно пришлось воспользоваться этим советом.

— Вроде всё нормально прошло? — Алёна смотрит на Брэда

— Посмотрим, посмотрим. Пока что мы ему не дали никаких обязательств. Это уже хорошо.

— Тут надо определяться...

— Не нашей с тобой компетенции уровень. Пусть Совещание Партнёров решает... С одной стороны — эмбарго никто не отменял. С другой... ну ты сама понимаешь, в каком сейчас состоянии *Гаранты* этого эмбарго.

Слово “Гаранты” произносится Брэдом с такой иронией, что мне становится очевидным — с ними что-то совсем не в порядке.

— Ну, да... Алёна вздыхает, хотя *Звезда* остаётся пока *Звездой* даже без денег. Да и неплатежи с их стороны пока ещё не вышли за пределы договорных отношений. Но я бы, конечно предпочла, чтобы они как-то сами вывернулись — в конце концов торговаться с остроухими — удовольствие ниже среднего, и если их сейчас с нами нет — наверное, никто об этом не пожалел особо.

— Ну, собственно, мы на всё это не влияем. Нам бы обеспечить неразглашение... пока что. Сама понимаешь, если люди фон Шталя...

Практически одновременно из пространства над столом раздаётся голос секьюрити:

— Подход к посетителям, в здании присутствуют неизвестные. Пять...шесть... восемь.

Алёна смотрит на Брэда, Брэд — на Алёну.

— Обеспечили, называется. Ну и чего, тянет он каким-то гнусавым голосом — нам войну тут устраивать?

— Да нет, конечно. Это, по большому счёту — не наши проблемы. — Алёна дёргает головой, как бы отгоняя неприятную мысль. — Аэротакси на крыше?

— Никуда оно оттуда не делось. Как стояло, так и стоит.

— Так и доложишь, в конце концов, сегодня вечером на Совещании, что и как. До Стокгольма тебе часа полтора добираться — так что как раз успеешь к началу. Пусть, в конце концов, почешутся, а то у меня такое ощущение, что они так и не вышли из зимней спячки. С февраля никаких телодвижений, хотя ещё зимой всё было ясно...

Алёна поворачивается к столу и громко командует невидимой охране — Отход.

Потом она переводит взгляд в мою сторону, и я понимаю, что команда распространяется и на нас.

Быстро собравшись, мы поднимаемся на крышу отеля. Крыша плоская и скучная — ни следа того великолепия, которое услаждает взоры посетителей отеля там, внизу. Скучный серый бетон, порубленный на прямоугольники — стыки плит замазаны какой-то синеватой замазкой. Небо сверху — такое же серое и скучное, как бетон снизу.

На боковой площадке, возле самого обрыва крыши нас ожидает пассажирский аппарат с логотипом хельсинкского аэропорта. Фюзеляж его больше похож на летающую тарелку, чем на корпус самолёта, по бокам — кургузые крылья, оканчивающиеся вертикальными плавниками стабилизаторов. Общие габариты — вряд ли больше лимузина представительского класса, только чуть-чуть шире.

До сих пор я видел такие такси только в Сети, в новостях — в серию пошли только год

назад. До Москвы не добрались — но если хотя бы половину восторженных откликов, которые я о них слышал — правда — нас ждёт очередная маленькая революция в области личного транспорта. Как оно летает только — не вполне понимаю. Слова “подъёмная сила вихревых потоков” ничего не говорят — впрочем, физику я знаю в объёме школы, так что это совсем не удивительно.

Ещё в воздухе Алёна, оглянувшись на меня с переднего сиденья говорит рассеянным голосом — придётся нам перенести встречу с Солодовым на потом. Если она будет актуальна.

— А почему не будет?

— Ну, может он действительно в Москву не планирует возвращаться. А может и мимо планов не вернётся — сам понимаешь, повернуть под носом у Шталя такую аферу... эмбарго на поставку новых технологий Валинору никто не отменил ещё. Официально, по крайней мере...

Не прошло и получаса, как мы высаживаемся в аэропорту.

19 Александр Солодов, день 24 июня 2024 года, Хельсинки

И почему я не был особо удивлён, обнаружив рядом с Лумиэлем ехидно ухмыляющееся лицо А.А.?

— Ну здравствуй, друг дорогой. Расскажи нам что-нибудь?

— Чего рассказывать то?

— Пакет с документами где?

— Ведь знаете уже — я посмотрел на Лумиэля и он ухмыльнулся не менее ехидно.

— Думаю, что мой товарищ... — эльф демонстративно потянул паузу — ...уже взлетел.

— Смотрите, смотрите — дело то хозяйское. А.А. посмотрел Лумиэлю прямо в глаза — сам понимаешь, не сейчас, так потом нам нужно будет этот вопрос между собою решить. У этой разработки — только один заказчик.

Лумиэль пожал плечами — А вот у меня есть сведения о том, что заказчик ещё не является таковым.

Пока он не оплатил заказ.

— Давай-ка, ты не будешь считать денег в чужом кармане. В нашем, во всяком случае — лицо А.А. стало жестким, изменив выражение буквально за секунду. — Это будет очень хорошим способом не создать проблем — тебе, нам... прочим *хорошим Людям*. Ты, сходи, прокатись до соседнего отеля — А.А. кивнул на маячащих невдалеке двоих “специалистов по юридическим вопросам” — эти мне не были знакомы, но абсолютно тот же типаж, что и у охранявших мою квартиру.

— Там с тобой поговорить хотят. А мы пока с Александром немного побеседуем. О жизни.

Лумиэль хмыкнул, но прокатиться в соседний отель всё же согласился.

— Раз, — сказал он, — *Люди хорошие* — отчего же не поговорить с *хорошими Людьми*?

— *Люди очень хорошие* — с этими словами А.А. направился к дальнему выходу с балкона, взглядом пригласив меня следовать за ним.

— Что, будете кроваво пытаться или закатывать в бетон сразу? — шутка, которую я сумел из себя выдать, была откровенно неудачной, но ничего более умного я сейчас изобразить не смог.

Ситуация была откровенно кислой — ссориться со Старшими Товарищами я не желал решительно, какие санкции впоследствии за нарушение NDA — выяснять откровенно не хотел, да и с Лумиэлем как-то не очень хорошо всё раскладывалось.

— Ты зря смеешься. — А.А. ответил неожиданно серьёзным голосом — был бы на его месте кто другой... Но между *настоящими пацанами* вся возня идёт всухую. Не будем мы его мочить, и даже бить его никто не будет. Парень из хорошей, правильной семьи, можно сказать — перспективный кадр — не у нас, так у них.

Нас очень сильно не поймут. А вот ты мог влететь очень здорово. И скажи мне спасибо, что я тебя прикрыл. Из личной, можно сказать, симпатии.

Он повернулся, и пошёл в противоположном направлении. Я, как привязанный, двинулся за ним.

Сухая Возня — он выделил эти слова голосом, распространяется на тех, кто в теме.

А ты, хотя и работаешь с нами — но всё же посторонний. Таких, как ты — и убивают и

калечат.

Тебе имеет смысл определиться — чего ты конкретно хочешь. От жизни. Подумай и приходи ко мне через недельку.

— Вы бы хотя бы намекнули — вокруг чего сvara? А то я вообще ничего не понимаю...

— А. Так он тебе и этого не объяснил? Ну-ну. Послушай вот что — не имеет совершенно никакого значения, вокруг чего. Важно, на чьей стороне ты хочешь находиться. Ну, если так, для общего развития — ты никогда не задумывался, почему на Западе — так много исторических событий, а у нас с ними проблемы?

— Да как-то не приходило в голову...

— А вот стоило бы. Ты вот мне всё время рассказывал, что хочешь принести пользу стране, обществу и так далее — только не вздумай об этом говорить, если я тебя поведу с людьми разговаривать. Это неприлично. Говори только о деньгах. Но у тебя сейчас хорошей случай... Потому что вопрос стоит принципиально. Ну, короче, если ты для себя чего-то решишь — я тебе подробно всё объясню, — многозначительно произнёс А.А. и начал разговаривать по коммуникатору.

На этом разговор естественным образом оборвался... Ничего особо не прибавив к моему пониманию происходящего.

Ещё через пару часов на моём коммуникаторе зажёгся номер Лумиэля.

Мы встретились в центре города — вид у него был невесёлый, но ничего конкретного он не сообщил.

— Пугали всяким. И блага различные предлагали. А толку-то.... можно подумать, что у меня есть средства выкупить основной комплект документации...

— Не понял?

— Я только с этим проспектом сейчас поеду за деньгами. Ты что думаешь, я миллиардер?

— Я думал, что ты представляешь какую-то организацию, если честно.

— Щаз. Я десять организаций представляю — хочешь визитками тебе все карманы забью. Толку то. Им никому этого давно уже не нужно — а кому могло бы быть нужно — тех ещё надо убедить, что всё — реально. Ты куда бумаги то отослал?

— К себе на квартиру.

— Оригинальный подход. В смысле безопасности.

— Да ничего оригинального — они там звонят сначала — я им свой коммуникатор оставил как контактный — без моего подтверждения домой не принесут, и в ящик почтовый не кинут.

— И то хлеб. Я тебе чуть позже скину адресок на e-mail — куда этот пакет переслать. А сейчас держи — на покрытие накладных расходов.

С этими словами Лумиэль сунул мне в руки довольно увесистую пачку долларов — тут тысяч сорок, что-то можешь израсходовать на личные нужды, представительские дела всякие...

— Какие представительские? Какие накладные расходы?

— Ты что — не понял? Мы уже начали *работать*. Дело разворачивается. Нам все дадут.

С этими словами поганец остановил проезжавшее мимо такси, махнул мне рукой и скрылся, оставив меня в полном недоумении.

За что и на какие такие расходы он мне всунул сорок тысяч баксов, не спросив при этом — хочу ли я участвовать, и не сообщив — в чём?

Я набрал номер с визитки, оставленной мне Алёной Григорьевой, но в ответ услышал только подсказку автоответчика — “оставьте своё сообщение и я с Вами обязательно свяжусь”. Дальнейшие попытки дозвониться не привели к успеху — и, прослонявшись всё оставшееся время по залу ожидания, вечерним рейсом я вернулся в Москву.

С думами и деньгами.

Проснувшись поздно, практически посередине дня, я выхожу в комнату и вижу Самую Прекрасную уже одетой.

С сосредоточенным выражением лица она глядит на экран коммуникатора.

— Солодов звонил. Из Хельсинки, вчера. Надо будет попытаться выяснить всё-таки, куда он направился. Впрочем, похоже, он нам уже нагадил настолько, насколько это возможно.

— А именно?

— А именно — звонил фон Шталь. Ну ты помнишь — с кем он беседовал позавчера, представитель нашего генподрядчика.

— И?

— И хочет встречаться. Со мною лично. Явно имея претензии. И не как к представителю организации, а как к частному лицу.

— И ты пойдёшь.

— Мы пойдём, если не возражаешь. Скажу тебе, от этого человека меня временами дрожь пробирает — очень старый, очень умный, очень опасный. Мне одной, страшновато, если честно.

— Мне он не показался старым.

— Такие как он внешне очень хорошо сохраняются. Если употребляешь некоторые вещества... Алёна обрывает фразу на середине.

— А надо ходить?

— А толку ль скрываться? Чтобы ловить начал? Есть очень простой принцип — если ты прав — ты не прячешься. Если бегаешь — значит косвенно признаёшь неправоту.

— Ладно. — Целую её и начинаю одеваться.

— Когда едем-то? — спрашиваю я, пытаюсь попасть ногой в левую штанину джинсов.

— Да прям сейчас. Я тебя уже будить хотела — схвати что-нибудь на кухне и пошли. Он какую-то переговорную арендовал в самом центре. Так что нам ещё добираться...

Есть мне совершенно не хочется. Совладав с гардеробом, я, поколебавшись, накидываю ветровку и кладу в карманы стеклянный цилиндр, уже помогший мне однажды и пистолет.

Алёна смотрит на мои приготовления скептически, но ни слова не говорит. Что наводит на некие размышления... Помнится, даже об Инстанциях она не отзывалась с таким нервным надрывом.

Минут через сорок мы проходим через восьмую проходную громадного офисного комплекса, закрывающего своей тушей целый квартал на месте бывшего Курского вокзала. Лет пять назад место прихода и отправления поездов было отодвинуто на несколько километров из центра, а на освободившейся площади было построено это гигантское, уродливое здание. С чуть ли не двадцатью подземными этажами, с железнодорожными путями, проходящими насквозь — оно стало символом нового подхода городского начальства к благоустройству Москвы. И подход этот мне, в целом, не нравится. Насколько бережнее и аккуратнее относились к городской застройке ну, хотя бы, двадцать лет назад...

Я отбрасываю посторонние мысли в сторону — мы уже входим в нужную нам комнату.

Внутренности её внушают недоумение — практически пустой, довольно здоровый зал без окон. Посередине — стол и кресла, подготовленные для разговора. И всё это занимает,

хорошо, если четверть помещения.

Пафос скрещенный с гигантоманией — вот что это такое, — думаю я, здороваясь за руку с фон Шталем.

Рука его неожиданно тверда, а пожатие — вполне ощутимо. Интересно, сколько лет ему на самом-то деле. Выглядит, на мой взгляд, лет на сорок-пятьдесят. Как-то неопределённо. Выше меня ростом. Смотрит холодно и, такое ощущение, что я для него — просто никто.

Разговор быстро перетекает в серию непонятных экивоков, и завуалированных претензий.

Обстоятельства и имена, к которым аппелируют собеседники ничего мне не говорят, а их логическая взаимосвязь совсем неочевидна. Нить беседы ускользает от меня, но неожиданно я начинаю понимать, что перепалка явно идёт к финалу, и что высокие договаривающиеся стороны не договорились.

— Давайте по существу — говорит Алёна. — Мы действительно провели переговоры, но я не вижу в этом никакого отступления ни от наших с Вами соглашений, ни от действующих конвенций.

С кем мы будем иметь дело — заранее не знали, уходить со встречи, едва увидев кто пришёл — терять лицо.

Вы сами понимаете, что ни один за наших с Вами коллег или конкурентов не поступил бы в этом случае

по-другому. Но нас это ни к чему не обязало. Любой арбитраж это признает.

С тем же Солодовым Вы сами встречались днём раньше — и Вас не смутило, с кем он связан.

фон Шталь поднимает бровь — вот значит как. Я встречался. И Вы меня в это тыкаете носом!

Но я не передавал документации по динамическим процессам. Ни Солодову, ни этому вашему... Лумиэлю!

— Очень интересно. Теперь уже и Алёна начала повышать голос. И откуда же такие сведения?

— Я за свои слова отвечаю, да и Вы, *Алёна*, должны понимать, что я прав. Так же как и то могли бы уж сообразить, что Совет Партнёров не будет покрывать Ваши личные авантюры.

— Пока что я понимаю, — глаза Алёны буквально светятся — что у нас с Вами имеют место некоторые проблемы с платежами. И, насколько мне известно из последнего, *утреннего* разговора с нашей штаб-квартирой — Совет Партнёров, в соответствии с разделом VIII Генерального Соглашения передал Вам сегодня *Настоятельное Пожелание Об Оплате*.

Мне вот очень интересно, хмыкает она, — каким образом вы будете укладываться в установленный пятидневный срок, и кто будет нести ответственность за то, каким способом был выбран *Заказчик*, когда вы не заплатите.

Фон Шталь на мгновение стареет лицом, и в этот момент я, глядя ему в глаза, внезапно думаю о том, что этому человеку может быть и сто лет, и даже больше...

— А ты, девушка, — голос его звучит устало и как-то равнодушно — не волновалась бы за мои проблемы. У тебя ведь своих — куда как много... и скоро будет ещё больше.

Шталь демонстративным жестом тянет золотую цепочку, свисающую из кармана пиджака и достаёт оттуда антикварного вида золотые часы. — Вот уже сорок минут как

уплачено, — говорит он, даже не глядя в циферблат. Голос звучит его сухо и ломко, как будто шуршание осенних падающих листьев. У нас есть, чем платить. И *всегда* было и будет чем платить.

Зрачки его на мгновенье загораются как красные угли, но тут же гаснут — и я не понимаю, иллюзия это, реальный свет, один из эффектов Разметки или что-то ещё.

— Но мы не для того три сотни лет чистили Европу от остроухих, — вопит он, срываясь на визг, чтобы какая-то..-он делает паузу, пропуская грубое слово, — чтобы какая-то... напускала их сюда вновь.

Я тебя предупреждал ведь — говорит он, не путай личное с работой... Впрочем, теперь мне остаётся познакомить тебя со своим новым замом. Фон Шталь достаёт из кармана роскошный, явно в серебряном корпусе коммуникатор и, нажав несколько кнопок, просит: — Клаус, зайдите к нам, пожалуйста — но сам направляется к выходу из зала.

Я гляжу на Алёну и вижу, что её внешность изменяется, и что это происходит буквально в считанные секунды. Волосы из золотисто-русых становятся пепельными, а глаза из карих — серовато-стальными.

Чудеса косметики, думаю я машинально, и, увидев, что Алёна уже сделала два шага назад от стола, вскакиваю сам и пячусь к стене.

Фон Шталь, тем временем, уступает дорогу какому-то румяному, низенького роста старику, одетому в нелепо и неуместно сидящий на нём, дорогуший на вид чёрный костюм-тройку. Старик улыбаясь, медленно идёт в нашу сторону и останавливается по другую сторону стола.

— Николас ван Ворст, мой заместитель — говорит фон Шталь, — впрочем, я думаю, вы знакомы.

С этими словами он захлопывает за собой дверь, и я перевожу взгляд на вновь прибывшего.

Этот человек не кажется мне особенно опасным, но рука сама собою лезет в карман, сжимая рукоять пистолета.

Впрочем, внезапно появившийся “переговорщик” не обращает на этот жест никакого внимания.

Он демонстративно спокойно и медленно достаёт сигареты, зажигалку, закуривает.

— Ну вот и свиделись, моя дорогая.

— Вот и свиделись- очи Самой Прекрасной буквально лучатся ненавистью, но она сама сохраняет какое-то странное, я бы сказал — ледяное спокойствие. — И что ты мне сделаешь? Слабак.

— Гордись, гордись своею силою — старикан буквально раздевает её похотливым взглядом и у меня немедленно возникает желание разбить ему лицо, да пообиднее

— Только поможет ли тебе она?

Голландец (судя по экзотической фамилии) буквально наслаждается моментом — А мне вот интересно, осталась ли ты такой же *холодной* сукой, как была раньше? Не придётся ли поучить тебя чему-то погорячее?

Лицо Алёны дёргается как от пощёчины, но она быстро возвращает колкость — *Холодной?* — голос её течёт как сладкий мёд и улыбка озаряет лицо — С импотентами я действительно холодна, но что-то не припомню я, чтобы у тебя была возможность это проверить. Что, старик, склероз на склоне лет мучает?... понимаю...

Николас смеётся, как будто Алёнины слова были весёлой шуткой.

— Ох, хороша, чертовка, ох, чувствую, позабавимся мы, ой не будем скучать ночами!

В голосе его прорываются какие-то совершенно неуместные, праздничные интонации.

Не меняя выражения лица, заместитель фон Шталя хлопает ладонями и громким голосом отдаёт команду “Взять!”.

В то же мгновение как будто штукатурка отделяется от стен, и, сменив цвет на светлосеребристый, волною ртути катится со всех сторон в сторону Алёны. Самого старика, мебель и меня оживший металл обтекает, даже не прикасаясь.

Моя любимая подскакивает на одной ноге и, будто пойдя в плясовую, крутится вокруг своей оси и тоже хлопает в ладоши. Раз, раз, и ещё хлопок и ещё. Белые полосы застывающего воздуха падают на землю, стены покрываются инеем и я чувствую, как моё собственное дыхание замерзает у меня в груди. Давление в комнате резко падает, так что внешняя, тёплая атмосфера вышибает входную дверь, которая с треском бьёт в спину старика и рассыпается на мелкие пластиковые крошки. Николас ван Ворст не сдвигается ни на миллиметр. Он смотрит на Алёну, стоящую посреди груды замерзшей, мелкодисперсной металлической пыли. Пыль быстро покрывается льдом — холод стоит такой, что вода, носящаяся в воздухе в виде пара, мгновенно застывает и выпадает вниз красивыми синими кристалликами.

Смех любимой женщины звонким колокольчиком разносится в наступившей тишине.

— Ты что же, маразматик *старый*, фильмов обсмотрелся? Так мы же не в кино. Тоже мне — Тер-ми-на-тор — последнее слово Самая Прекрасная произносит совсем уже издевательским голосом, по слогам.

— Сама ты дура! Дура! Дура! — Старика разрывает от злобы. Он швыряет зажигалку под ноги Алёне и лежащий там металлический порошок вспыхивает ярким солнцем, вздымая пламя к бетонному потолку. От громкого, отчаянного крика Самой Прекрасной меня пробирает ужас. Я поворачиваюсь к Ворсту, и упираюсь взглядом в его глаза. Медленно, медленно, как будто в повторе визора, мне навстречу летят две белые полосы. И я понимаю, что замёрзший воздух сейчас оборвёт мою жизнь.

Тело, тем временем, реагирует автоматически. Левая нога сгибается, роняя тяжесть туловища к полу, рука выдёргивает из ветровки пистолет, прорывая в клочья ткань, палец жмёт курок, посылая в мерзкого старца пулю за пулей.

Я недаром вкладывался в эти кусочки свинца. Пусть у меня и “размолвка” с Инстанциями — но вряд ли они озаботились бы отозвать уже данное, да по такой мелочи. Мои выстрелы буквально разламывают Клауса на куски. Поток холода бьёт в стену за моей спиной и в волосы мне сыплется ледяное крошево.

21 Александр Солодов, день-вечер 25 июня 2024 года, Москва

Повторная попытка позвонить Алёне Григорьевой не привела к успеху — её коммуникатор по прежнему сбрасывал меня на голосовую почту. Ну и ладно. В конце концов, это ей от меня чего-то надо — а встречаться с ней в Москве, где в отличие от Хельсинки у неё явно были возможности действовать неконвенциональным образом — не особенно то и хотелось.

Устав после двух авиаперелётов и прочей беготни, я бессовестно провалялся в постели часов до трёх.

Не дозвонившись Алёне, я осознал, что никаких конкретных планов ни на сегодня, ни на завтра у меня нет и решил было заняться учётом собственных проблем. Нельзя сказать, что их число существенно уменьшилось — напротив, взаимоотношения со Старшими Товарищами, ухудшившиеся с подачи эльфийского прохвоста, стали новой и совершенно неожиданной головной болью. Можно было бы в конце концов слить ситуацию — Лумиэль мне, при всех наших совместных приключениях не сват и не брат. Но кроме неочевидного морального аспекта такого слива, меня останавливало подписанное мною соглашение о неразглашении коммерческой информации.

Было бы неплохо ознакомиться с его текстом, прежде чем что-то предпринимать — как знать, не нарвусь ли я на штраф или иные, ещё менее приятные санкции, в том числе и неформального свойства.

Наш экземпляр этого договора был засунут Лумиэлем в папку с документами, которую нужно было, кстати, получить.

Я набрал номер московского представительства DHL и, договорившись о том, что курьер прибудет в течении двух часов, уселся за рабочий комп. Можно было бы почитать документацию по Разметке или поэкспериментировать с жезлом, благополучно пережившим мою отлучку в ящике стола — но я вспомнил об оставленном на период отлучки дизассемблере.

IDA в очередной раз благополучно упал, но теперь, по крайней мере, он оставил трассировочную информацию — позволяющую разобраться, что же его сбивает с толку.

Ещё около полутора часов возни — и мне удаётся выкусить модуль самомодифицирующегося кода. Умница-дизассемблер распознал ситуацию и попытался анализировать порождённую в процессе анализа программу. Вот тут то ему и наступали кранты, т. к. объём выходного РНК-кода явно превышал все разумные величины. Столько в человеческую клетку просто не поместится. Некоторое время я сидел, пребывая в полном недоумении и лёгком мандраже — решительно непонятно, что же это такое я установил Кириллу и себе самому. Наконец, решив, что, наверное, что-то не понял в получившемся коде — сделал паузу, сходяв на кухню и сделав себе ужин.

Прежде чем вернуться за компьютер и продолжить анализ я некоторое время разглядывал доставленный курьером пакет с документами. В конце концов, решив, что, как минимум, просмотрю текст NDA отложил его в сторону — посмотреть ещё успею, тем более, что обещанного e-mail Лумиэль так и не прислал.

За окном уже давно было темно, когда я, наконец, сообразил, что результирующая РНК генерируется этой программой вариативно — в зависимости от некоторых внешних условий,

которые могут воздействовать на порождающий РНК-код. Красивейшее решение, решительно выходящее за пределы моего понимания биологии. То, что я первоначально принял за громадную монолитную программу — было, как теперь я понимал, всего лишь неким списком альтернативных программ второго уровня... который мог бы продолжаться если не до бесконечности, то очень и очень далеко — поскольку внешние условия могли прикладываться к программе первого уровня во множестве вариантов.

Очень хорошо, прямо замечательно. Подобный шедевр явно не вяжется с примитивной “защитой от копирования”, установленной поверх — беглый просмотр внешних полученных листингов подтвердил это ощущение — биопрограмма выглядела как трёхслойный бутерброд — дешёвка-защита от копирования сверху, далее шёл достаточно стандартно, но вполне профессионально сделанный загрузчик, который в свою очередь обрамлял совсем уже расчудесное самомодифицирующееся ядро — явно не использовавшее для своей инициализации какие-то общеизвестные стандартные библиотеки.

Итак, хотя я и разобрался в базовой структуре рабочего кода ARX, но само по себе это почти ничего не дало. Однако, теперь у меня появилась возможность отрезать на выбор несколько кусочков — и загрузить их в IDA для сепаратного от основного кода анализа.

Пожалуй, есть шанс, что к тому моменту, когда я проснусь, ситуация с ARX3064i станет более понятной.

Николас ван Ворст лежит на полу. В его теле зияют громадный сквозные дыры — место попадания каждой из четырёх пуль, которые я успел в него засадить выглядит, как будто там прорубались отбойным молотком. Тем не менее, он ещё жив. Его глаза смотрят на меня удивлением... — как же так, — бормочет он, пытаюсь остановить ладонью хлещущую кровь, — ведь пули... *Kinder...die Geschenkesack...* — он начинает говорить что-то, кажется по-немецки, но я не слушаю этих слов. Моя рука нацеливает ствол пистолета прямо в жёлтый старческий лоб. На мгновение глаза умирающего приобретают осмысленное выражение. Он пытается взмахнуть рукой, в мою сторону двигается ещё одна, совсем вялая и слабая белая полоса, но почти сразу же рассыпается в снег и падает на пол. Тело уже бывшего заместителя фон Шталя начинает съёживаться, проваливаться внутрь, напоминая тающий сугроб — но я уже не смотрю на него, повернувшись к Алёне. Последнее, что успеваю заметить — это колышущийся столб тумана, вставший на месте исчезающего трупа и срываемый колыханием воздуха в сторону двери.

Я подхожу к Алёне. Пламя вокруг неё погасло, металлический порошок выгорел дотла, расплавив линолеум пола и превратив одежду моей любимой в отвратительные чёрные тряпки. Лицо её, неожиданно, белое-белое и волосы — пепельно-серебрянные, почему-то совсем не тронуты огнём.

Холод пробирает до самых костей, промоченая несколько секунд моим потом рубашка замерзает и трескается, когда я наклоняюсь вниз.

Самая Прекрасная...по прежнему Самая Прекрасная не дышит и я окончательно осознаю, что это — всё.

Я становлюсь на колени и хочу поцеловать её. В последний раз. Женские губы холодны, как лёд или смерть, и, потянувшись назад, я с ужасом чувствую, что примёрз к ним. Дёрнувшись обратно, я рву свою кожу и кровь, льющаяся из моих собственных губ, струёю брызжет в милое лицо.

Шок от происходящего не даёт мне двинуться с места. Затем я слышу слабый вздох и Алёна приоткрывает глаза. Она смотрит на меня и тихим шёпотом выдавливает из себя: — не твою. только не твою... отвези меня домой.

Силы мгновенно возвращаются ко мне.

Если не всё ещё потеряно — значит надо срочно убираться из этого места, да и медицинская помощь Самой Прекрасной явно не помешает.

Похоже, — думаю я, — не дышала она просто из-за температурного удара... но откуда же этот холод....

Мысли думаются сами по себе, а руки ноги — действуют самостоятельно.

Поднимаю Алёну на плечо — мороз, который идёт от её тела, мгновенно пробирает меня до самых костей, быстрым спокойным шагом иду к выходу из комнаты. В руке моей по прежнему пистолет — сунуть его некуда, да и опасность наткнуться то ли на людей фон Шталя, то ли на охрану офисного центра — вполне нешуточная. Не говоря уже о патрулях городской дружины.

Двигаясь к лифтам по пустынному коридору я оглядываю двери, пытаюсь найти какую-нибудь лестницу, закрытую Разметкой от доступа посторонних. И, почти одновременно с появлением бегущих в мою сторону ЧОПовцев из местной безопасности, действительн

обнаруживаю лестницу, над выход на которую помечен ограничивающим знаком.

Не обращая внимания на требования “стоять”, быстро спускаюсь вниз — два этажа и я иду к проходной.

Охрана на ней какая-то вялая. Форма другая, очевидно и ЧОП в Разметке работает отдельный. Никто не делает ни единой попытки меня остановить, пока я иду к подъезду. Может, не успели скоординироваться?

Хотя внешний вид человека с обгорелым телом на плече и пистолетом в руке не мог не вызвать у них вопросов.

Впрочем, ‘вялая’ реакция вахтёров немедленно получает объяснение — стоит мне зайти в тамбур между стеклянными дверьми, как срабатывают запирающие механизмы и обе двери блокируются.

Стекло, что очевидно, ударопрочное. И у меня нет времени проверить, смогу ли я выбить его ногой, рукой или ещё как-то. В пистолете ещё остаются патроны, и с четырёх выстрелов, я сшибаю с металлических петель одну из створок.

До остановочного пункта монора — меньше двадцати метров, пролетаю их в секунды, успев, правда, упрятать пистолет в остаток разорванного кармана. С криком “нам срочно в больницу”, отпихиваю в сторону редкую, три человека, очередь — никто, Впрочем и не возражает, ситуация понятна — по внешнему виду Алёны вполне очевидно, что едем мы с ней не на дискотеку.

Хорошо, что в кармане у меня — пачка анонимных транспортных карт. Они стоят чуть дороже, но по давней привычке, усвоенной с подачи конторского начальства, я не оформляю именных проездных документов. Направление поездки будет понятно — но пока охрана офисного центра подаст сигнал городским службам, пока на место приедут и начнут разбираться — куда я пошёл, выскочив из здания, в какой из уехавших с остановки кабин были мы с Алёной, а на какой — вполне благонадёжные и посторонние пассажиры...

Перехватить кабину и направить её прямо на спецостановку городской службы безопасности, как это проделывают обычно с преступниками в визио-сериалах, никто явно не успеет.

К тому моменту как мы попадаем на место назначения, тело Алёны становится совсем ледяным. Мне кажется, что несмотря на достаточно жаркую погоду, оно стало ещё холоднее, чем по окончании схватки с ван Ворстом.

Внося Алёну на руках в подъезд, я ловлю себя на мысли, что это — повторение совсем недавно происходившего.

Но если несколько дней назад я был уверен, что всё уже закончилось, и закончилось хорошо — то сейчас у меня на руках умирающая женщина.

Наконец, мы попадаем внутрь и я укладываю Самую Прекрасную на кровать.

Она открывает глаза.

— Если бы не твоя кровь — я бы умерла, наверное. Ну или...

После общения с Белкой меня не удивляют такие повороты темы, хотя до сих пор за Алёной я подобных наклонностей не замечал.

— Так что ты молчишь, давай я сейчас...

— Нет, не надо. Тебе больше нельзя. А то ведь будешь потом... слова из льдинок собирать...

Я удивляюсь странному ответу, но не придаю ему большого значения — сейчас мне просто не до этого

— Ты можешь найти кого-то? Донора? Если у тебя есть знакомые за деньги....

— Я попробую.

Ещё минут десять я дозваниваюсь до Белки и, путаясь в словах, объясняю ситуацию.

Говорю, что бывают те, как она сказала, кто соглашается добровольно, а не знает ли она таких, которые за деньги...

— Я то знаю, хмыкает она, но тебе то это зачем?

— Не мне, тут человеку... совсем плохо... очень надо.

— Сказал бы сразу. Ладно, что-нибудь придумаем...

Замечательная девчонка, всё-таки. Ни лишних вопросов, ни торговли об условиях. Мне приятно, что она, кажется, числит меня среди своих.

Пояснив, что приезжать надо на квартиру к Алёне, я возвращаюсь к своей любимой и пытаюсь сделать хоть что-то. Она категорически отказывается от вызова врача.

— Смысла нет. Не поможет. Я сама восстановлюсь, если меня не трогать. Но очень долго, если вот так вот просто лежать. Месяц, может быть. Столько нельзя ждать. С кровью быстрее — хорошо, что ты Белке позвонил, я сама забыла про то, что она... И хорошо, что не спрашиваешь ничего. Я сама потом всё расскажу — голос Алёны постепенно падает до шёпота, а волна стужи, прокатившаяся от неё по комнате, вынуждает меня включить кондиционер на обогрев. Устройство, выставленное в летний режим некоторое время отказывается отапливать комнату, но то ли температурные датчики убеждают его, что это не ошибка, то ли ещё что-то... волна тёплого воздуха постепенно расплзается по комнате, а я пытаюсь снять с Самой Прекрасной клочья горелых тряпок.

Синтетическая ткань оплавлена огнём, она расплзается в моих пальцах в мелкие, противно пахнувшие клочья. Наконец, мне удаётся кое-как справиться с этой проблемой — я пытаюсь накрыть Алёну одеялом, но она отбрасывает его в сторону.

— Сама я не согреюсь, пусть лучше так.

23 Александр Солодов, ночь 25–26 июня 2024 года, Москва

Выспаться мне не удалось. Разбуженный в третьем часу рёвом экстренного вызова коммуникатора, я переключил канал в настенную проекционную зону, сфокусированную над кроватью.

И, разумеется, увидел висящую в воздухе, подёргивающуюся из-за лагов на линии физиономию Лумиэля.

— Что-то совсем срочное?

— Да. Мне *очень* нужен текст документов, которые нам передали.

— Утром отправлю. Ты ж мне e-mail не прислал, с адресом доставки.

— Некогда. Он у тебя?

— Да, принесли.

— Отсканируй и отправь мне электронной почтой.

— Ты уверен, что это *настолько* неотложный вопрос?

— Я же сказал, да, да! У меня сейчас с Инвестором переговоры.

Слово “Инвестор” он произнёс с таким выражением, что я сразу подумал — Инвестор с большой буквы, и только так.

Я чувствовал себя морально обязанным — получив в руки пачку денег с разрешением частично их растратить, надо было хоть что-то дать человеку взамен.

Поэтому, за следующие полтора часа я был вынужден отсканировать около двух сотен листов. Большинство документов, к счастью, прошло через пакетный обработчик, но пару брошюрок он не прожевал, и мне пришлось перелистывать страницы вручную. Ещё минут пятнадцать я потратил на то, чтобы упаковать изображения, добавить к ним файлы с прилагаемого модуля памяти и поставить всё это на отправку.

У меня-то канал широкий, но, поскольку передача шла прямым соединением на комм. Лумиэля, раньше чем часа через 4 он бы всё это не получил. Распознать отсканированный текст, чтобы уменьшить объём бедствия мне не удалось — диакретических значков языка похожего на немецкий моя система упорно не понимала, а без них смысл текста был бы явно потерян. Да и что за язык, к моему неожиданному удивлению, OCR-программа сообщать отказалась. Пробормотав многозначительно — **старонемецкий -32 %, скандинавск. 17 %** она заявила в конце концов, “неизвестный язык славяно-германской группы -86 %”.

Похоже, позавчера я поставил новый личный рекорд по спортивному авантюризму — не глядя, хоть и стрёмное это дело, я всё же подписал не так уж и мало документов. Перечитывал их потом задним числом. Но вот подписывать договор, содержимое которого нет способа узнать — такое со мной было впервые.

Раздражённый этим обстоятельством я набрал Лумиэля и — маленькая месть сладка — обнаружил, что разбудил его.

— Ну чего? — спросил он сонно-недовольным тоном.

— Ты сказал срочно — я тебе всё отправил... оно льётся сейчас.

— Хорошо.

— А ты не мог бы мне посоветовать — как мне теперь общаться с А.А.? Очень интересная, знаешь ли ситуация... (про себя я подумал, что ситуация ещё интереснее, т. к.

ни про нападение Алёны и её людей, ни про попытку, направленную на нас с А.А. в самом центре Москвы я Луимэлю не рассказывал — меж тем, вопрос о том, что это было и как спастись — так и не закрыт до конца).

— А ты ему отдай эти бумаги. Скажи я прислал пакет и попросил это сделать. В качестве жеста доброй воли.

Они у него всё равно есть, но, по крайней мере, к тебе некоторое время не будут прикапываться.

— Ну...тоже вариант.

— А со своего компьютера лучше ты всё это сотри. Для спокойствия.

— Договорились.

Надо ли объяснять, что я ни секунды не собирался расставаться с собственным экземпляром.

Вот ещё чего... рано или поздно — я найду лингвистический модуль, который опознает язык. А там можно будет и ознакомиться поподробнее. Как говаривал, в своё время, А.А., нам любая информация полезна.

Я подозревал, что и Лумиэль не поверил моему обещанию — но все приличия были, вроде, соблюдены.

24 Кирилл Костин вечер-ночь 25 июня 2024 года, Москва

Наконец, раздаётся вызов домофона — и, увидев на видеоэкране Белку, сопровождаемую незнакомыми мне молодыми людьми, я даю команду пропустить этих посетителей. Ещё пара минут — и, опознав их лица, система открывает этажную, а потом квартирную дверь.

В квартиру входит Белка, а за нею — трое юношей специфической наружности. Все как один — жгучие брюнеты (как мне кажется, по крайней мере двое — крашенные), одетые в чёрную кожу и бархат, с глазами, подведёнными густо тёмной тушью. Пальцы их украшены громадными перстнями, как будто бы вырезанными из кусочков стали, а одежда усыпана такими же блёстками, рунами и прочей фурнитурой, напоминающей мне скобяную палатку со строительного рынка. В руках у одного из них — пакет, из которого доносятся стеклянные позвякивания. Юноши смотрят на меня томными глазами и, помолчав несколько секунд, тихо здороваются.

— Ну, где больной? — насквозь деловым тоном спрашивает девица.

— Алёна. Там — машу рукой в сторону комнаты.

— Она же вроде не из наших? Ну ладно... — я вижу, что Белка действительно удивлена.

— Алессандро, друг мой, пройдёмте с нами — а вы, пожалуйста, присядьте, подождите здесь. — Белка по-хозяйски распоряжается молодыми людьми и я ловлю себя на мысли о том, что это ей привычно. А так же о том, что чем-то мне она напоминает домохозяйку, накрывающую на стол...

Передёрнув плечами от секундных мурашек, вхожу в спальню вслед за ней.

Белка с сочувствием смотрит на Самую Прекрасную — видно, что картина обгоревшего тела её расстраивает, но не очень напрягает.

— Мда... говорит она после секундной паузы... всё нездорово. Огнемёт или химия?

— Огонь, коротко отвечает Алёна.

— Ты живое пить сможешь или тебе нацедить в чашку для начала?

Вошедший вслед за нами молодой человек таинственным голосом предлагает “поставить приличествующую ритуалу музыку” — но Белка цыкает на него, и парень мгновенно замолкает.

— Мне не внутрь. Мне на тело надо пролить... на лицо уже... но больше не было.

Белка исподтишка кидает взгляд в мою сторону, но ничего не говорит.

Она извлекает из недр одежды скальпель и, ласково погладив парня по затылку, вытягивает его руку над Алёниной грудью.

От процедуры начинает веять медициной — Белка аккуратно орошает хлещущей струйкой алой жидкости каждый сантиметр Алёниной кожи, наконец, увидев, что молодой человек даже не побледнел, а посерел, плюёт на ладонь и быстро растирает плевков по надрезу, сделанному несколькими минутами ранее. Несколько секунд — и кровь перестаёт литься. Парня ощутимо шатает.

— Посади его, что ли, на кухню, пусть красненького выпьет, мы там с собой принесли. И скажи, чтобы Артур зашёл.

Я беру колыхающегося Алессандро под руку и тащу его за собой, по дороге выудив из оставленного в коридоре пакета бутылку вина. Артур (тот из них, кто показался мне

натуральным) тем временем, величественно выступая, двигается в комнату.

Через пол часа все трое добровольных жертв вампиризма, получив по 150 долларов тихо растворяются за дверью.

Задержавшаяся в коридоре Белка, хмыкнув, смотрит мне в лицо.

В ответ на мои слова благодарности и предложение взаимной помощи — “если что” я слышу от неё:

— Вот так и живём, понимаешь... добровольно и с песней — романтика...

Ответить на это мне уже нечего.

25 Александр Солодов, день 26 июня 2024 года, Москва

Продремав ещё несколько часов, я созвонился с А.А. и, договорившись о встрече, поехал в центр.

В новый офис меня не пригласили — типа показали недовольство.

Потому мы сидели в очередном кафе где-то в районе Большой Дмитровки.

— Ну что? Сдаваться пришёл? — ехидным голосом спросил меня А.А.

— Знаете, я не вполне понимаю, что я, собственно говоря, сделал не так — я решил не признавать за собою никакой вины перед Старшими Товарищами, до тех пор, пока не получу внятных разъяснений — с Лумиэлем Вы меня познакомили сами. Никаких разговоров о том, чтобы с ним не иметь дел — не было. И чего?... Я должен для Вас был сохранить эти документы, заранее не зная, что они Вам понадобятся? Я их принёс. Даже не знаю, до сих пор, что в них содержится.

— Ну, с одной стороны ты, можно считать и прав — А.А. не стал цепляться к мелочам. — Тут мы с тобой не доработали. С другой — сам должен понимать...

— Что? Я действительно хочу с вами работать. Но я ж не телепат — Вы бы хоть объяснили, что происходит то — я до сих пор не имею никакого понятия...

— Ну, дружка своего мог бы и порасспросить, если уж вы с ним так быстро спелись. Ладно, в двух словах — я тебе уже говорил насчёт исторических событий?

— Говорили. Я, правда, не понял, к чему это.

— Ну, можно сказать, сценарии. Изменение общественного сознания не происходят сами по себе. Их, как ты понимаешь, надо организовывать. Там где этим не занимаются специальные люди — вроде нас с тобой — там никакой истории и не происходит. Например, в Афганистане или там Сомали. Война всех против всех, каждый второй — самый умный. Общество разрушено. События нет никаких. Развития нет — все тупо соревнуются, кто кого первый замочит. Сам понимаешь, никому это не интересно.

— Т. е. эти документы?

— Это ж не сами сценарии, а, скажем так, правила их разработки. Процесс очень сложен, для каждой страны они заказываются индивидуально. Ну, как будто расчет конструкции самолёта или здания — у всех самолётов есть крылья и летают они примерно одинаково, но каждую конкретную модель самолёта надо считать отдельно. А тут всё ещё хуже — потому что эти расчёты практически невозможно тиражировать. Все общества разные, ну и, на самом деле это — принципиальный момент. Грубо говоря, если в одной стране конкретный пакет расчётов применили, то в другой он уже не сработает — если, конечно, между ними есть хоть какая-то связь.

Услышанное повергло меня в лёгкое обалдение. Разумеется, мне, как программисту, был понятен сам подход — не всё ли равно, для чего писать программу — биопрограммы по своим свойствам в некотором смысле не особо отличаются от компьютерного софта. Для общества? Почему бы и нет?

— Но как это реализуется на практике? Я не понимаю...

— Всё тебе подскажи, да Расскажи. В двух словах ты мне можешь объяснить, как твой компьютер программировать? Со всеми подробностями?

— Ну...

— И я вот не могу. Но если коротко — ты, собственно, не задумывался о том, зачем нужна Разметка? Чтобы крутые такие как ты — А.А. сопровождал эту атрибуцию смешком — могли с понтом исчезать с глаз нефигурантов?

— Я, если честно, совсем об этом не думал.

— Так подумай. При этом ты должен понимать, что процесс этот вовсе не бесплатный. И для участников. Если тебя берут в команду — можешь считать, что тебе устроят жизнь, будешь обеспеченным человеком.

— Прекрасно. Я готов. Мне это интересно. А что я должен делать? И что с Лумиэлем то... — никаких мучительных терзаний на тему — соглашаться или не соглашаться, я не испытывал. С чего бы. Но начинать работу в новой команде со сдачи товарища всё-таки не хотелось.

— А ничего пока. Тебя сгоняли уже на одно задание, ты там нормально выступил, могло быть хуже.

А Лумиэль твой... хороший парень, но немного себя неправильно ведёт. Пытаться переключить на себя то, что мы несколько лет согласовывали с исполнителями — ну там спецификацию процессов, граничные условия — с его стороны было ну очень некрасиво. Ему за это ничего не будет.

— Почему?

— Я же тебе говорил. Парень из хорошей семьи. Перспективный кадр. Мы его старшим уже выставили претензию — они ему самостоятельно объяснят, что он очень не прав. Но, он, похоже, сам уже всё осознал. Раз прислал тебя с бумагами. Типа, мириться хочет. Ты общаешься с ним — будь аккуратнее. Ему-то за все эти художества ничего не будет, а на тебя будет навесить *вину* — будешь потом лет 70 отрабатывать.

— Учту. — Свою мысль о том, что 70 лет отработки подразумевают 70 лет жизни я предпочёл не высказывать — в конце концов, наиболее эффективные технологии её продления развиваются очень бурно, и при наличии денег — вполне реально воплотить в жизнь некие давние идеи...

— Так что сейчас ты просто идёшь домой и некоторое время просто занимаешься своими делами. Будешь нужен — позовём. Будут какие-то вопросы — позвонишь. Постарайся изучить материальную часть — нам нужны нормальные люди, чтобы уметь с этим работать. Потому тебя и взяли — ты ж в смежной области крутишься — я тебе ещё подкину потом материалов по социальной динамике, считаешь.

А.А. попрощался и быстро свалил.

Некоторое время я продолжал сидеть в кафе, употребляя чашку за чашкой — то кофе, то какао.

Похоже, что прошедшие переговоры сводились к тому, что меня воспитывали и учили жизни. Другого реального смысла первоначально высказанного недовольства и последующих, почти отеческих интонаций А.А. я не углядел. Но, если он говорит правду, перспективы открываются интереснейшие. Это не скучное ковыряние в чужих компах. Это — Проект. С большой буквы. Единственное, что смущало во всём раскладе — намёки Лумиэля на некие финансовые затруднения, не позволившие Старшим Товарищам оплатить заказанные ими разработки... но, в конце концов, пока ещё — пока ещё, это явно не мой уровень компетенции.

Весь день Алёна постепенно приходит в себя. Она почти не разговаривает, молча лежит на спине и смотрит в потолок. Но уже сразу после того, как закончилась кровополивная процедура — истечение холода от её тела прекращается и я выключаю кондиционер. Наконец, когда небо за окном уже начинает снижать свою яркость, подобно монитору, переходящему в спящий режим, моя любимая встаёт в кровати и идёт в душ.

Пока она смывает с себя копоть, куски расплавившейся ткани и превратившуюся в бурый порошок кровь — я меняю бельё на кровати. Измызганные тряпки по всей видимости уже никогда не отстираются — ну и ладно. Невелика потеря.

Наконец, Алёна выходит из душа, и, кутаясь в халат, зовёт меня пить чай.

— Замёрзла я до самых печёнок, — говорит она, тихо улыбаясь, только в себя пришла.

Я смотрю на её лицо, и вижу, что шрамы от ожогов стремительно излечиваются — сейчас они выглядят так, будто Алёна горела в огне не вчера, а месяц или два назад.

Она ловит мой взгляд — Ещё неделя и следов не останется, я думаю.

— Скажи, а ты...

Она хохочет, — и начинает покрывать моё лицо поцелуями.

Наконец, отвлечённые свистом чайника, который уже практически выпарил всю налитую в него воду, мы усаживаемся было за стол. Алёна встаёт, идёт к плите, выплескивает остатки кипятка и наливает воду снова.

— Второй раз кипятить нельзя... уж я то знаю.

Она возвращается и, оперев своё лицо на сложенные вместе руки, смотрит мне в глаза.

— Да нет конечно. Я не из этих... гематозависимых. Просто биохимия у меня немного отличается от... широкораспространённой.

— А кровь?

— Это просто алхимический медиатор, если ты понимаешь, о чём я говорю.

— Не вполне.

— Эх... если коротко — мне для того, чтобы погасить огонь, вызванный Клаусом, пришлось потянуться ко льду. Клаус, сам то, лишь так и может, у него в роду нету Логи. Потому и опустился до техники...

— А ты?

— А у меня Снёр только по материнской линии, ну если не вдаваться в подробности генеалогии. Когда я просто живу — холод и пламя друг друга уравнивают. А тут, этот искусственный огонь был такой мощный, что меня, после того, как он погас, ледяным откатом просто загасило. Слишком много холод я из себя вытащила. И вот. Если бы ты меня не вытащил — так бы и приходила в себя, покрываясь постепенно сугробом. Хотя, скорее всего — не успела бы, меня бы, конечно в покое не оставили. Тот же Клаус, скотина...

— А сам он?

— А чем, кстати, ты его расстрелял? Ему обычный пистолет — как слону дробина, я не ожидала, если честно.

Я объясняю про пули, разрушительная сила которых задорого выкуплена у Инстанций.

— Ну и то, хоть какая-то от них польза.

— Клаус как бы истаял, будто бы сугроб — и потом испарился и пар вынесло за дверь.

— Ага. Так и происходит с теми, у кого внутри снег. Это ему надолго хватит. Боюсь, что

детишки в Европе останутся без подарков на ближайшие лет пять.

— Получается, я его не убил?

— Да нет, даже твоих замечательных пулек для него мало. Для таких, как мы с ним, надо что-то посильнее. Вот деда моего... — Алёна замолкает, и я не переспрашиваю — вижу, что она до сих пор переживает потерю родного человека.

— Так и вот... говорит она после минутной паузы. — Кровь содержит в себе огонь — как только она попала на меня — сразу начала вытаскивать из меня мой собственный огонь наружу. Подобное к подобному, как ты знаешь, тянется.

Я этого не знаю, мы в школе проходили какую-то совсем другую химию, с атомами и молекулами, но я не спорю — лучше уж расспросить поподробнее.

— А почему ты мою больше не хотела? — спрашиваю вместо этого я.

— Я же тебе объяснила. Подобное — к подобному. Того, кто отдал бы в такой ситуации мне кровь — некоторое время тянуло бы в мою сторону. Алхимически. А я хочу...она осторожно улыбается... я хочу, чтобы у нас с тобой всё было по настоящему...естественно.

Я начинаю гладить её руки... Но вызов домофона, раздавшийся почему-то с площадки, а не от подъездной двери, отрывает меня от этого важнейшего в данную минуту дела.

Алёна вызывает изображение — и в визио-зоне, спроецированной напротив стола за которым мы сидим, обнаруживается улыбающееся лицо того самого “Арсения Анатольевича”, который говорил со мною голосом Инстанций.

Алёна с удивлением смотрит на него и, наконец, произносят сакраментальное “чем обязаны?”

— Пришёл проведать больную. Вот, апельсины принёс, сок. Да открывайте, открывайте...

Алёна, секунду поколебавшись, даёт команду открыть дверь в квартиру.

— Иди, встретить его.

Краем глаза я замечаю, что она совершает какие-то манипуляции с одним из пультов управления, валявшихся грудой на столе — возможно — думаю я, — что-то делает со внутренней охранной системой.

27 Александр Солодов, вечер 26 июня 2024 года, Москва

Похоже, что исследование этого самого ARX станет для меня в ближайшее время рутиной — получив наконец листинг программы я не понял из него ничего. Слишком сложно и неочевидно, превышает мои познания биохимии. Но у меня оставался ещё один путь штурма этой крепости — эмуляция синтеза на компьютере. Пожалуй, это единственное, что позволяло рассчитывать на какое-то понимание того, что делает эта программа.

Мысленно матерясь (это ещё сутки-другие полновесной загрузки процессора), я запустил задачу — разумеется, в своём исходном виде ARX никакой эмулятор не отработал бы, но, по крайней мере, полученные на предыдущем этапе борьбы невнятные участки декомпилированного кода позволяли на что-то надеяться.

Что же — подумал я, теперь стоит озаботиться выбором следующего полезного дела. Читать дальше документацию по Разметке, пытаться перевести на русский документацию, полученную от Лумиэля... а может быть и обещанные А.А материалы уже пришли? Я потянулся было проверить почту, но не успел и мышкой шевельнуть, как услышал сигнал коммуникатора.

На экране высветилось сообщение “Адрес вызываемого абонента скрыт прокси-сервером”.

Неспециалисты почему-то думают, что анонимность в сети обеспечивается средствами, разработанными для специалистов.

На экране компа высветился запрос команды на трассировку — когда я дома, коммуникатор автоматически сваливает информацию о поступающих звонках туда. Я нажал на подтверждение и, одновременно, ответил на вызов.

Ну и стоило ли так конспирироваться? — на экране компа высветился незнакомый но явно московский номер, еще через несколько секунд поиска по базе добавилось пояснение — Вильгельм фон Шталь.

Узнаваемый голос в трубке не позволил в чём либо сомневаться.

“Не будет ли угодно уважаемому Александру пообщаться завтра по интересному для него вопросу”.

Нажав на кнопку записи разговора, я ответил, что после полученного мною “подарка”, мне, безусловно, не будет угодно не только встречаться, но и поддерживать какие-либо отношения. — Потом ещё и запись проанализирую — подумал я — а ну как окажется, что он и в звук воткнул какую-нибудь подлую штуку, по типу гипноглифа?

— Я уверен, что Вы понимаете, о чём я говорю.

— К сожалению я вынужден настаивать на встрече — Шталь ни на секунду не смутился и не дал мне прервать наш разговор, — у Вашего друга, Вы понимаете о ком я? Очень большие проблемы.

— И?

— И если мы с Вами не придём к какой-то договорённости — можете считать, что Вы с ним больше не увидите.

Ох, ни фиги себе — уж от кого-кого, а от Шталя я не ожидал такого быстрого перехода к угрозам. И к таким примитивным.

— А, простите, откуда я могу быть уверен?

— А Вы, Александр, попробуйте, позвоните ему. Впрочем, я сразу Вам говорю — не получится. Отключен у него комм. Сами то Вы не бойтесь, лично к Вам у нас ни вопросов, ни претензий. Хотите — встретимся на открытом месте, Вы и я? Чтобы посторонних рядом не было. Сами назовите где. — уговаривающие интонации звучали не хуже, чем у телефонного пристава-продавца, желающего всучить собеседнику какое-нибудь барахло.

— А хотите то Вы чего?

— Немногого. Ничего нереального я Вас не попрошу.

Подумав, что от того, что назову место встречи, хуже не будет, я предложил встретиться у фонтана Дружбы Народов, оговорил время и закончил разговор.

Вот, кстати, и повод проверить отношение того же А.А.

Позвонив, для очистки совести Лумиэлю и прослушав записанный на автоответчике голос фон Шталя “к сожалению, сейчас я не могу ответить на Ваш вызов...”, я решил, что дело выглядит кислотоватым и набрал Арсения Анатольевича. Понятно, что голос Шталя был демонстрацией, так сказать — намёком на толстое обстоятельство. Ну что же...

А.А., судя по его интонациям, я оторвал от чего-то важного.

Во всяком случае, разговаривал он неохотно.

Но услышав коротко изложенную диспозицию, замолчал на пол минуты.

— Очень интересно. Ты, вот что... казалось, сквозь коммуникатор я чуть ли не слышал, как крутятся шестерёнки в его голове, — иди туда, где договорились. Мы тебя по всему пути от твоего дома прикроем. Мне всё это очень не нравится.

Я попробую связаться с этим другом — пусть объяснится. Лумиэлю твоему я ничем не помогу, тут Шталь в своём праве, но, во всяком случае, буду знать, чего он от тебя хочет.

Похоже, мне ничего не оставалось, кроме того, чтобы выступить в качестве наживки.

И события начинают повторяться дурным образом — подумал я, — хорошо, что вроде бы на этот раз за защитой я обратился не постфактум, а заранее...

Арсений Анатольевич протягивает мне руку. Она тверда и пожатие её крепко. Я тянусь к нему, но не чувствую присутствия Инстанций. Ни малейших колебаний. Наш гость мимолётно усмехается мне — почувствовал моё внимание что ли?

Он обувает протянутые мною тапки и мы проходим на кухню.

В руках у него — пластиковый пакет из которого действительно выглядывают апельсины и какие-то коробки — похоже, и про сок он не пошутит.

— Ну здравствуйте, здравствуйте, — бодро говорит он Алёне — вижу, уже пошла на поправку.

— Да уж. Присаживайтесь — Самая Прекрасная указывает ему на стул и Арсений Анатольевич оказывается во главе стола.

— Раз уж я пришёл Вас проведать, то по такому случаю — хотел бы извиниться за свою невинную шутку.

— Да уж, шуточка была так себе — хмыкает в ответ Алёна.

— Ну, если честно, ты же первая начала. Чего стоило прийти ко мне по-человечески — мы бы порешали его вопрос — посетитель косится в мою сторону — в рабочем порядке.

— Ну...эээ. были причины — произносит Алёна невнятно, — и я довольно быстро соображаю, что основной причиной тут могло быть именно нежелание раскрыться передо мною полностью. Соображаю, но, понятное дело, ничего не говорю.

— А что с моим вопросом? — судьба В.И., да и прочих бывших сослуживцев продолжает меня волновать, но за последние дни все мои попытки дозвониться до них не увенчались успехом — либо выключенные коммуникаторы, либо никто не отвечал на вызов.

— Да всё у них нормально будет. Ты же сам процесс и затянул — если бы не погром, который вы устроили в Минобороны, мы бы давно всё уже урегулировали. А так — вытащим их, не волнуйся. Через неделю, наверное, закроем тему. И, замечу — он поворачивается к Алёне — всё это потому, что я пришёл сюда с твёрдым намерением дружить.

Алёна смотрит на него с непонятным мне раздражением.

— Я Вас лично — последнее слова она подчёркивает особо — конечно, очень уважаю. Но, простите, какая может быть дружба с вашей организацией? После того как..

— ... после того, как мы проиграли Холодную Войну.

— после того, как *вы* проиграли Холодную Войну. Вы, а не мы — Алёна явно начала заводиться. И после того, как вы слили моего деда американцам.

— Ну..

— Ну что ну? Он же всё сделал, как договаривались. Вам оставалось всего ничего — достроить свои десять атомных ледоколов, сами же орали, что до конца века, до конца века — всё успеете. И европейцы могли бы уже прощаться со своим Гольфстримом.

И что? И вместо этого — сначала бессмысленная сдача позиций, за год до включения вашего же... вашего же экспортного газопровода, потом — совсем уже тухлая игра. Алёна сморкается, и я вижу слёзы, подступающие к её глазам.

— Ну что он вам сделал-то? Что вы его в спину ударили?

— Ты пойми, пожалуйста, решение принимал не я — Арсений Анатольевич показывает пальцем в направлении потолка — ну и ты сама знаешь, почему тогда мы всё это затеяли. Никто не хотел воевать ради войны — а так, ну не дотянули мы до прорыва блокады. Не

дотянули. Потеряли контроль над ситуацией — ты девушка умная, университет закончила, сама знаешь, что бывает, когда фахрплан падает. Скажи ещё спасибо — что нас всех тогда не перемочили восставшие народные массы, отделались малой кровью — а то был бы тут сплошной Афганистан с Таджикистаном. И то хлеб, что успели отстрелить нестабильные территории...

И заметь — дед твой пострадал, а тебя мы пальцем не тронули. Хотя могли — и нас очень, очень просили.

— Спасибо и на этом... — Самая Прекрасная, успокоившись, делает паузу — ну и конкретно. О чём у нас сейчас с вашими может быть дружба. Где предмет отношений?

— Ну, для начала — у нас есть что тебе предложить.

— И что же? — спрашивает она с нескрываемой иронией.

— А как ты думаешь? — Арсений Анатольевич внимательно смотрит на ней, и, не дождавшись ответа, произносит каким-то странным тоном — *Колокольчик с веретеном.*

Алёна некоторое время молчит и, наконец, отвечает далёким, чужим голосом:

— Не верю. Что же думаете, не искала я его?

— А зря не веришь. Ты ж искать его начала — не раньше чем через месяц, пока в Россию то прилетела.

— Мне Вам на слово...?

— Да зачем же на слово? Сейчас и покажу — гость тянется рукою к сумке и на мгновение в глазах Алёны вспыхивает бешеная надежда. Секундой позже она берёт себя в руки и внимательно глядит на извлекаемые из пакета предметы.

Арсений Анатольевич заваливает стол апельсинами, достаёт, вслед за ними, пару коробок с апельсиновым же соком — оригинальненькие у него взгляды на то, чем надо кормить и поить больных и, наконец, водружает на стол прозрачную пластиковую капсулу кубической формы.

Грани и углы капсулы скруглены, никаких отверстий и щелей. Внутри колыхается зелёное, неприятного вида желе, мерцающее какими-то золотыми точечками.

— Это что? — вид у Алёны удивлённый, я вижу, что она старательно сдерживает раздражение.

— Чудо оборонной техники. Экспериментальный образец мнемографа. Просто смотрите на него и как бы пытаетесь увидеть, что там внутри. Квазикристалл проигрывает запись. Да, впрочем — чего я объясняю — просто попробуй и всё.

Я немедленно следую совету, мимолётно успев подумать, что наверное не стоило бы вот так вот доверять этому странному артефакту. Алёна так же всматривается вглубину коробки.

“...Спецназовец в теплозащитном скафандре и с инфракрасным сканером на лице похож на причудливую глубоководную рыбу... в наушниках раздаётся “Подход”, командир повторяет команду и, махнув, через навесную защиту термоокопчика, чуть пригнувшись, идёт вперёд. Я выскакиваю следом и краем глаза замечаю, что рядом со мною, спокойно сжимая терморужьё, двигается ****. Лицо его не различимо за стеклом скафандра, но все движения собраны, и я седьмым чувством ощущаю, что в нём нет ни капли мандража.

Мы давим ногами замёрзшую траву, и, внезапно, из серого сплоха ледяной пыли, повисшей в воздухе, навстречу командиру несётся белая полоса замерзающего воздуха. Мы палим по её источнику — в ледяном тумане цель не видна, но несколько месяц пахоты на

тренажерах научили нас попадать в устье холода почти вслепую.

Командир падает, но мы видим, что летевшая к нему белая смерть с шуршанием обсыпается, не достав где-то на пол метра. **** встаёт, выпускает себе под ноги тепловой заряд и жестом даёт команду следовать за ним.

Мы двигаемся, стараясь не оскользнуться на покрывающей почву ледяной корке, усыпанной какими-то обломками. Белая взвесь обрывает видимость на расстоянии приблизительно десяти метров.

Командир нагибается, подбирает какой-то тёмный кусок и, с видимым усилием обрывает с него золотистую кривую полосу, согнутую в полукружие. Хорош сувенир, думаю — я, надо бы и мне что-то **** принести. Просто на память. Через несколько шагов я натыкаюсь на полурасколотую деревянную дугу — покрытая чёрной копотью, с обрывками каких-то верёвок, она лежит на дороге и я собираюсь отбросить её ногой. Серебристый блеск привлекает моё внимание. Я нагибаюсь, дёргаю серебро ладонью. Пальцы, одетые в синтетическую перчатку, почти не гнутся на этом лютном холоде. В руке моей серебряный колокольчик. Вместо язычка его — колеблется туманное, как будто бы нематериальное, но при этом почти чёрное веретено...”

Ну имена и некоторые детали я там подредактировал — говорит Арсений Анатольевич, во избежание... — ну сами понимаете.

— И где оно сейчас?

— Ну где-где. У нас. Ты не смогла его потом засечь, поскольку офицер, от большого ума, спрятал его в служебный сейф. А как раз тогда начала внедряться серия с дополнительной экранировкой. В свете новейших веяний. Хорошо хоть, этому другу хватило ума не тащить его домой любимой дочери в подарок. А то не хорошо могло бы получиться.

— Да уж. Ну а дальше?

— А дальше он таким макаром продержал его в этом своём сейфе до конца службы. Потому что положение было насквозь неудобное — не мог же он признаться, что колокольчик стырил прямо на поле боя — американцы ж забрали себе всё до последнего гвоздя. Его бы по голове за такое не погладили бы.

Командир его, кстати, как потом выяснилось, утащил подкову золотую — УСБ всё спустила на тормозах, все прекрасно понимали ситуацию.

Ну а потом, лет через семь он ушёл в отставку, ну и к нам — как это принято. Сейчас работает в одном из ЧОПов, довольный жизнью как слон. Но там он проболтался. И мы с ним побеседовали — сама понимаешь, ему по штату не положено такое хранить.

Разговор прерывается — на коммуникатор нашего визитёра поступает вызов. Арсений Анатольевич пытается сказать звонившему, что мол, “позже”. Затем он несколько минут слушает собеседника, и, наконец, ещё несколькими фразами прекращает разговор.

— Ну и чего конкретно Вы хотите в обмен? — Возвращается к разговору Алёна — сразу говорю, что есть вещи, на которые...

— А мы их с тебя и не попросим. Хотя, замечу, что если бы ты взглянула беспристрастно — ничего такого ужасного мы не делаем.

— Ну да. Всего лишь выпускаете *это* в людей...

— Ты же сама видела — я и в себя его пускал. Это на самом деле безопасно абсолютно, если знать как с ними обращаться. Пойми пожалуйста, *Инстанции* по своему менталитету — это дети. Реальные маленькие дети, на наши годы — лет пяти-шести. Ну да, они бывают жестокими к окружающим. И это очень сильные дети... — лицо Арсения Анатольевича смягчается и неожиданно озаряется какой-то мечтательной улыбкой — но ты же не воюешь с человеческими детьми.

— Да я не понимаю, что Вы в них нашли, — говорит Самая Прекрасная, — зачем искусственно выводить всяких монстров?

— Если мы их не будем, как ты сказала, выводить — наш гость начинает распалиться, и я вдруг понимаю, что тема для него выстрадана и очень важна — они от этого никуда не денутся. Объективный процесс... Вызванный известными тебе обстоятельствами.

Этих уничтожим — другие возникнут. Те же самые *Лица* — он кивает в мою сторону, — появились самостоятельно, мы их только пытаемся сейчас подобрать, как беспризорников с улицы. Они ж дикие совсем и очень наивные.

Ни хрена не понимают — устроили тут войну в песочнице. Через которую, кстати — визитёр снова смотрит на меня — и твоя Контора пострадала. Заметим, что если всё это держать под контролем — эксцессов было бы намного меньше.

И ты подумай сама, что лучше — иметь союзников. Сильных союзников — или рисковать тем, что вместо них вокруг нас заведётся невесть что, причём узнаем мы о нём в тот момент, когда оно нас сожрёт неожиданно.

Инстанции по своему развитию — я уже сказал на каком уровне. И культура у них, по сути наша, человеческая, своей то нет в принципе... для них то мы можем сыграть роль *Наставников*. — Это слово он произносит с особым выражением. Мне кажется, что если бы его напечатать — то исключительно с большой буквы.

— Ну да. И я даже знаю, *против кого* Вы собираетесь дружить с этими союзниками. Меня лично как-то не прельщает...

— Не будем обсуждать.

— Ну хорошо... — Алёна держит паузу... — я, в принципе, готова с Вами работать, сами понимаете мой интерес.

— Понимаю.

— Но от *этих*... я всё-таки намерена держаться подальше. Не втягивайте.

— Не будем без необходимости. И его вопрос — Арсений Анатольевич смотрит на меня — решим в ближайшее время.

— Что Вы хотите чтобы я сделала сейчас? — Алёна явно пытается оговорить чёткие условия.

— Ну, самое главное — мы хотим вернуть в игру твоего *Деда*. Мы ценим старых союзников и хотим, чтобы ты его уговорила забыть... недоразумение.

— Я понимаю вашу добрую волю. И постараюсь его убедить. Но, сами понимаете, какие тут нужны ресурсы...

— В ближайшее время решим вопрос. А пока, разумеется, в рабочем порядке, я хочу мелкого технического сотрудничества. У меня совершенно не хватает квалифицированных кадров на этой территории — я просто задыхаюсь уже. Тем более твоего, Алёна, уровня. У нас по сравнению с восьмидесятым годом штат втрое сократился в результате известных тебе событий...

— И?

— Да вот, например. Только что звонил мне Солодов — ну вы его знаете.

— Знаем, конечно, — Алёна пожимает плечами

— Ну так у него какая-то невнятная ситуация со Звездой. Чего хотят от него — непонятно, но следить за ним пытались и сейчас заманивают встречаться. Завтра мне придётся проконтролировать этот вопрос, а положение насквозь неудобное — не хочу делу давать официальное развитие — так что я просил бы вашей с Кириллом — тут он впервые называет меня по имени — помощи. Я так понимаю, что интересы совпадают?

— Ну уж после вчерашнего — Алёна нехорошо улыбается, я эту суку не то что проконтролировать..

— Ну, ты аккуратнее всё же. Силы то не равны.

— Это ещё вопрос. Завтра во сколько?...

29 Александр Солодов, утро 27 июня 2024 года, Москва

Предстоящая встреча, если честно, напрягала неимоверно. Пусть даже фон Шталем и были даны некие обещания (мало к чему обязывающие, конечно), пусть, с его подачи я и назначил встречу там, где просматривались все подходы — одно только воспоминание о “типноглифе” навевало на меня тоску. Кто его знает, какие ещё подобные штуки имеются в арсенале у этого человека? Не идти в ситуации, когда, возможно, от этого зависели жизнь и здоровье моего товарища — я тоже не мог.

И потому, вооружённый всем доступным мне арсеналом — электрошокером, сунутым в карман джинсов и жезлом, опущенным в рюкзак, я шёл по территории ВВЦ, пребывая в откровенном пессимизме.

Раннее утро, пятница — не самое оживлённое время летом. Многие в этот день даже не появлялись на работе, предпочитая ещё с вечера отправиться на дачу — благо, в свете последних реформ трудового законодательства, имели полную возможность перенести часы отработки на первые дни недели.

Я откровенно не понимал причин, зачем надо было встречаться именно в 8 утра — но Шталь настаивал, заявляя, что “встреча нужна не столько мне, сколько Вам” и что через 2 часа после неё он улетает из страны надолго.

Над моей головой, с громким карканьем, металась громадная стая ворон, сопровождавшая меня, кажется, от самого входа на выставку. Эта деталь пейзажа неприятно контрастировала с добрым утренним солнышком, уже начавшим припекать, несмотря на ранние часы. А, впрочем, птицы и птицы — пожалуй, с моим настроением что угодно можно считать плохой приметой.

Я приблизился к месту встречи — перестроенный лет пятнадцать назад каким-то придворным московским скульптором фонтан “Дружба Народов” поражал титаническими пропорциями и странными деталями фигур, долженствующих обозначать водящие хоровод народы России. Во всяком случае от взгляда на скульптуру, предположительно изображающую чеченца, мне становилось откровенно не по себе — выражением лица она скорее напоминала враждебного марсианина из какого-нибудь космического боевика, а автомат, сжимаемый ею в правой руке, походил на инопланетный бластер.

Я посмотрел на экран коммуникатора — до оговоренного времени встречи оставалось полторы минуты, но никого, даже близко напоминающего фон Шталья близко не просматривалось. Впрочем, в окрестностях фонтана никого не наблюдалось — ближайшие редкие прохожие находились метрах пятидесяти... и даже птицы, продолжавшие кружить над головой какую-то свою воронью спираль, обращались вокруг меня и скульптурной группы на изрядном отдалении.

Почти одновременно, на экране коммуникатора засветился признак вызова — тот же самый “закрытый” от лохов номер, с которого фон Шталь дозвонился до меня вчера.

— Вы на месте, уважаемый Александр?

— Я да, а Вы?

— Задерживаюсь на три-четыре минуты, сейчас буду.

Ну что же, по крайней мере я не окажусь в неприятном и обидном состоянии ожидающего... ненавижу, когда на назначенную встречу приходят с большим опозданием —

сразу начинаешь чувствовать, что ты опаздывающему будто-то бы что-то обязан — а демонстративно уйти, к сожалению — тоже не всегда удобно.

Не прошло и нескольких секунд после того, как фон Шталь положил трубку — как на моём телефоне снова засветился его номер — на этот раз тот, по которому мы созванивались в предыдущие разы.

— Да?

— Александр, мне только что сообщили, что якобы от моего имени Вам назначена встреча. Это, безусловно, провокация. Я сейчас даже не в России. Никаких встреч не назначал. Рекомендую Вам никуда не ходить — голос в трубке ничем, абсолютно ничем не отличался от речи предыдущего собеседника.

— секунду — адреналин выбросился в мою кровь и я начал оглядываться по сторонам, пытаюсь увидеть подходящую ко мне группу захвата или ещё каких злодеев — я...

Говорить, слушать и реагировать на новые события одновременно достаточно тяжело — я не Юлий Цезарь. Поэтому поступивший по второй линии звонок коммуникатора отвлек моё внимание — но не успел я попросить фон Шталь подождать, пока я переключусь на вторую линию, как, окончательно сбивая меня с толку, и тормозя на полушаге — зазвучал сигнал принудительного включения в канал связи.

Возможность, используемая, обычно правоохранительными органами или фрикерами — закрыться от неё, не обладая контролем над коммутатором нереально, но, конечно, всегда можно засечь сам факт такого перехвата.

Я уже не понимал, на каком из двух входящих соединений нахожусь — в ответ же на своё “алло” услышал явно знакомый, но сходу — непонятно чей голос:

— уходи с баркаса, немедленно

— что?

— мотай оттуда, быстрее — только сейчас я сообразил, что со мною разговаривает А.А. и, ускорив шаг, бросился к ближайшим деревьям.

Кажется, я опоздал.

Треск, подобный скрипу рвущейся материи раздался сверху.

Я задрал голову и, как будто в замедленном показе кино, увидел апокалиптическую картину — в утреннем, романтично голубом небе, наполовину задёрнутом легкими белыми облаками, разгоралась рвущая глаза своим блеском точка, быстро превращающаяся во второе Солнце. Спичечная головка, копейка — и вот едва ли ни весь небесный купол перекрасился в пронзительно белый свет.

Кружившиеся над головой чёрные птицы перемещались медленно-медленно, на глазах организуясь в воронку, подобную смерчу. Их целенаправленное, слегка механическое движение чем — то напоминало мне давно забытую в детстве игрушку-калейдоскоп. Основание воронки было почти точно нацелено на меня — те несколько шагов, которые я успел сделать, вывели меня оттуда только наполовину.

— Выйди из фокуса! — я уже не понимал, то ли это кто-то из вызывавших меня по коммуникатору, то ли А.А., то ли голос ангела-хранителя, ведь интонация, с которой эти слова достигли моего разума, казалась совершенно нечеловеческой. Мгновение спустя я осознал, что ноги сами по себе, подчинившись приказу неизвестного, перебирают асфальт с какой-то невероятной, невозможной для меня скоростью. Сам я, с флегматичным спокойствием наблюдал за тем, как двигается моё тело, можно сказать со стороны. Звуки окружающего мира выключились, как будто бы мои уши внезапно оказались забитыми

ватой.

Я бежал, и смотрел, будто бы глядя на всю сцену сверху и с высоты. Центр вороньего торнадо неторопливо смещался в сторону, противоположную моему бегу, нацеливаясь на фонтан.

Происходившее уложилось, возможно, в секунду или две — а дальше, продолжая глядеть этим смещённым из тела зрением я увидел, как сквозь висевшее прямо над головою облако прорубается яркий, нестерпимо яркий столб света, как он падает куда-то в направлении вороньей стаи и, пройдя сквозь неё, отклоняется в сторону фонтана, в точку, вокруг которого крутились птицы.

Ещё секунда — и моё восприятие времени вернулось в норму.

Раскалённый ветер смешанный с паром, дунул со спины, обжёг шею и сразу после этого сверху начал литься горячий ливень. Орбитальный лазер, как ему и положено, сбросил из атмосферы всю попавшуюся на пути влагу — и теперь капли мгновенно сконденсировавшейся воды, только-только долетевшие до земли вдогон световому лучу, как пулемётные очереди барабанили вокруг эпицентра удара. Только в эту секунду до меня дошло, что против меня применили, возможно самое эффективное, что только и есть в арсеналах современных вояк — ну если не считать слухов о “серой слизи”, которая вряд ли ещё вышла из стадии научных разработок.

Я уже добрался до ближайших деревьев и, обернувшись, несколько секунд созерцал груды оплавленного металла, остро просвечивающую сквозь поднятый из бассейна пар — всё что осталось на месте Дружбы Народов. Воронья стая рассыпалась на отдельных птиц — с громкими, возмущёнными криками они разлетелись во все стороны. Несколько чёрных тушек валялось на асфальте. Повернувшись к деревьям, я увидел людей в длинных плащах, бегущих в мою сторону.

30 Кирилл Костин ночь 26–27 июня 2024 года, Москва

После ухода гостя мы так и не ложимся. Сидим до утра — уходить то придётся рано и пьём чай. Я, впрочем, позволяю себе и пиво. Алёна отказывается от него.

— Ну кто мой дед — говорит она, ты, я думаю, понял.

— Не вполне — решаю внести ясность — поясни уж.

— Последний век он посторонним был известен в качестве Деда Мороза.

— эээ... — подсознательно ожидал чего-то подобного, но всё же не сразу нашёлся чего ответить — а ты, стало быть — Снегурочка?

— Ну, Снегурочка — это не имя. Скорее общее прозвание для таких, как я. Да, к тому же, я в отличие от двоюродных сестёр не совсем... я же тебе говорила. У меня по отцовской линии есть кровь Логи — потому я не совсем ледяная — она озорно улыбается и целует меня.

— Слушай, я понимаю, что женщинам такие вопросы не задают...

— Сколько мне лет? Ну, знаешь ли... я не могу тебе точно даже сказать. Для нас время течёт очень по другому. И совсем не так оно идёт, пока я нахожусь не здесь — а до восьмидесятых годов я даже и не собиралась к людям. Впрочем, я тогда ни о чём не думала, маленькая была... Можешь считать, что мой биопсихический возраст не сильно отличается от твоего — университет я окончила 5 лет назад.

Я задумываюсь о том, что же такое “не здесь” и решаю не продолжать скользкую тему. Не всё ли мне равно, в самом-то деле? Ситуация, когда любимая станет на моих глазах старушкой мне явно не грозит — скорее уж, наоборот...

— Так этот тип, который на тебя напал — это что, Санта-Клаус что ли?

— Ну да. Паскудный родственничек. И деду он всё время завидовал. Впрочем, сделать ничего не мог — у Клауса едва хватало сил удерживать холод в Западной Европе, когда полез в Восточную, идиот — началось потепление, отдача, кстати и в Россию пошла. Дед в то время пытался как-то Аляску с Канадой начать осваивать — пришлось ему всё там бросить.

— А о какой подставе ты говорила? Причём тут Арсений Анатольевич?..

— Да не он сам. Просто в середине прошлого века у этой шайки, которая управляла Россией, начались проблемы. Ну ладно, в 41ом дед по каким-то своим соображениям их прикрыл — я не в курсе его дел со Сталиным, но, после смерти горца, они к дедушке просто пошли на поклон — подними мол, температуру, помоги восстановить народное хозяйство.

Самая Прекрасная усмехается — короче, разработали они план. У деда в то время вконец испортились отношения с Клаусом, тем более, что тот достал уже требованиями кого-то из нас с сёстрами выдать за него замуж — а кому он нужен был? Ну и... там была масса проблем, — короче, он им говорит, что за так ничего делать не будет, тем более, что поднимать температуру ему невыгодно — сила то его в холоде, а тут они хотели, чтобы он добровольно отказался.

Ну и, короче, решили сдвинуть холод западнее — расчистить Севморпуть ледоколами, айсберги сталкивать в сторону Гольфстрима — мало того, что этому “народному хозяйству” польза, так ещё и двойной эффект — дед собрался под шумок захватить себе ещё кусок Европы — новая граница влияния по востоку Франции прошла бы.

Ну и, поскольку всё было заранее спланировано — начали нефтепроводы и газопроводы строить туда же — поскольку похолодание — чтобы сразу туда и горючее продавать. Такая вот *Холодная Война*.

— И чем кончилось?

— Ну чем кончилось? Клаус сначала был в тоске. Он против деда ничего не мог сделать, слабее его намного.

Как позже стало понятно — пошёл на поклон к Звезде... есть там у них такая организация, Орден Полярной Звезды называется, если полностью. Ну...у них был свой интерес... Они Клауса приняли, поставили на какие-то должности — ну и, как я потом уже поняла, обломали деду с компанией всю малину.

Я как раз начала здесь появляться, пока ещё наездами — всё развивалось буквально на глазах. Ледоколы достроить не успели, реки не повернули сибирские, экономический кризис, в республиках Союза — гражданская война начинается.

— Реки?..

— Ну да, они там хотели поднять солёность Северного Ледовитого, чтобы отжать Гольфстрим от Европы... так и не доделали.

Ну и, короче, можно было бы считать, что все остались при своих — но, потом обнаружилось, что Звезда решила закрыть вопрос радикально. Уже в этом веке — деда выманили на переговоры и убили. Ну, я думала — что убили — Алёна сморкается и протирает платком глаза — оказалось, есть ещё шанс...

— Вот этого я совсем не понял.

— Таких как мы нельзя вот просто взять и умертвить. На самом деле никого нельзя, но люди в основном уже забыли... Ты видел что стало с Клаусом, когда ты его расстрелял?

— Истаял как сугроб. И пар из него вытянулся в коридор.

— Душа его отлетела. Вместе с остатками физического тела. Теперь ему не меньше сотни лет восстанавливаться, если совсем без чужой помощи. А если Звезда поможет — то намного, намного быстрее... Лет за пять, я думаю, управятся.

— Колокольчик?

— Ну разумеется. Дед был тоже, знаешь ли, не дурак — Алёна опять усмехается, но, на этот раз, грустно, — жизнь и смерть свою хотя из собой возил — но спрятал за пределами воплощения. Колокольчик на дуге саней — а кто догадается? Ну, я то знала — от любимой внучки у него не было больших секретов, просто я по малолетней дурости толком его не слушала. А тогда начала искать — а нету. Я думала его лазером разнесли, а вот оказалось — он за экранировкой лежал всё это время. Не получалось дотянуться до него...

— А в сейфе, как я понимаю, твой дед ничего и сделать не мог?

— Ну разумеется. Он, я думаю, даже в сознание то не успел прийти — это всё равно как в гроб живого человека заколотить металлический — много ли там нашевелишься.

Разговор идёт и идёт, прыгая по каким-то деталям, важным и не очень.

Время проходит незаметно — слишком многое мы должны сказать друг другу. И не только о делах минувших дней...

Наконец, за окном начинает рассветать и мы выдвигаемся в сторону оговоренной ещё вчера точки сбора.

Микроавтобус с затонированными стёклами вмещает самого Арсения Анатольевича и троих хмурых молодых людей с типовой совершенно внешностью — метр восемьдесят-метр девяносто, прямое, открытое лицо. Одеты все в одинаковые светлобежевые плащи — несколько не по погоде, но, понятно, что под плащами — есть что скрывать. Четвёртый, такой же — сидит за рулём. Сам Арсений Анатольевич разговаривает с кем-то по коммуникатору, отойдя подальше от машины. Наконец, он возвращается. Молча грузимся внутрь, я захлопываю дверь и микроавтобус резво дёргает вперёд.

— Сообщили, что Солодов сел в монор — говорит наш временный командир — и нам пора.

Ещё несколько минут и мы, промчавшись по центральной аллее ВВЦ, сворачиваем на параллельную линию и выгружаемся под деревьями. Отсюда назначенное место встречи просматривается достаточно хорошо.

— В принципе тут в окрестностях наши люди давно уже торчат, но это обычные ЧОПовцы... больше для страховки. В серьёзной ситуации они ничего не сделают — Арсений Анатольевич достаёт коммуникатор и опять начинает кому-то звонить. На этот раз он общается со включённым локальным звукоподавлением и разговора я не слышу.

Дорогая штука — но я уже привык, что Алёнино окружение не экономит на технике.

Тянуться и подслушивать его своими методами я не хочу — глупо и ненужно в данной ситуации.

Арсений Анатольевич говорит, глядя в сторону фонтана — я поворачиваюсь и вижу, что к нему подошёл человек. На расстоянии не видно лица, но, думаю я, вряд ли это может быть кто-то кроме Солодова.

Дальнейшие события разворачиваются с фантазмагорической скоростью.

— Шталь говорит, что не назначал никаких встреч — похоже, итог разговора Арсения Анатольевича не порадовал.

Одновременно с его словами я вижу громадную стаю ворон, слетающуюся к “Дружбе Народов” и, вторым зрением, — что там сейчас всё будет очень плохо и произойдёт это почти сейчас же.

— Убрать его оттуда, немедленно — я начинаю искать номер Солодова в записной книжке коммуникатора — понимая, что добежать не успею. Да и не больно то мне хочется — бежать туда. Такое ощущение, что если я там окажусь сейчас — то умру.

То ли мой голос, то ли выражение лица выдаёт серьёзность происходящего — но Арсений Анатольевич тоже начинает звонить и кричит в трубку что-то невнятное. Человек, стоящий у фонтана начинает двигаться в нашу сторону — сначала медленно, потом — быстрее и быстрее, но я нутром чувствую — он опаздывает.

Внезапно Солодов — теперь я уже вижу его лицо — делает резкий рывок вперёд и, одновременно, небо разрывается ослепительным сиянием. Столб огня, на который почти невозможно смотреть, падает в фонтан, сбивая кружащихся в воздухе птиц. Через несколько секунд раздаётся громкий, противный треск — как будто где-то там, за спиной у бегущего к нам Солодова кто-то рвёт на куски километры ткани. Сразу вслед за этим с неба начинают

литься потоки воды — это не похоже на обычный дождь, вода стоит буквально стеной.

Молодые люди в светлорубашечных плащах бросаются навстречу Александру — и я замечаю, что параллельно их движению, но чуть дальше, метрах в двадцати из-за деревьев выскакивают похожие на гигантских муравьёв силуэты — явно какой-то спецназ. В полном вооружении — броня, сферические шлемы и автоматы в руках. Один из светлорубашечных взмахивает рукой — и в сторону спецназовцев летит какой-то предмет...

32 Александр Солодов, утро 27 июня 2024 года, Москва

Люди в бежевых плащах пришли явно по мою душу — и я двинулся было левее, чтобы их обойти, но в ужасе увидел бегущих в мою сторону автоматчиков в штурмовом обмундировании — круглые каски с зеркальными щитками на месте лица, оружие в руках. В ту же секунду один из бежевых повернулся в сторону спецназа и кинул в них какую-то коричневую коробку. На этот раз я успел среагировать — переключившись на просмотр Разметки я не потерял сознание, а вот военным пришлось не очень хорошо — очередь, судорожно выпущенная из автомата просвистела над моим плечом и на этом всё закончилось — выключенные из реальности созерцанием тех самых зелёных загогулин, которые наблюдал несколько дней назад во время моего задержания КЭБом. Теперь я увидел, что в облаке дыма, повисшего над землёй, висят знаки-повеления Разметки. И что требуют они от каждого, кто их видит — немедленно заснуть.

Ещё мгновение, и я узнал лицо бросавшего — это был один из “специалистов по юридическим вопросам”, сопровождавших меня на квартиру от офиса А.А. Разумеется, я метнулся к нему — сразу стало понятно, кто тут находится, чтобы прикрыть, а кто — чтобы убить. Доли минуты — и мы заскочили в микроавтобус, немедленно рванувший с места. Заскакивали невнятной толпой человек в семь — и не успела ещё захлопнуться его дверца, как по противоположному борту простучала автоматная очередь. Стенка автобуса прогнулась, но выдержала. Выдержало и стекло, словившее несколько пуль — на местах попаданий начали расплываться белые матовые пятна — распределённые в его толще наноботы восстанавливали псевдокристаллическую решётку. Закрывший за собою дверцу А.А. немедленно щёлкнул переключателем, расположенным над ней — крыша машины загудела и завибрировала, а окна окрасились какими-то золотыми отблесками.

— Активная защита, — невнятно пояснил Арсений Анатольевич.

Микроавтобус, тем временем, набрал скорость и, промчавшись по центральной аллее ВВЦ, выскочил за ворота выставки.

Только сейчас я оглядел присутствовавших и с нешуточным удивлением обнаружил среди них и Кирилла Костина и Алёну Григорьеву. Непонятно, что было думать — подобная смена команды, если я правильно понял ситуацию, совершенно не вязалась с предыдущими претензиями А.А. Хотя, если вспомнить, что Кирилла он же ко мне и присылал...

— Ты мне вот что скажи, друг дорогой — Арсений Анатольевич перебил мои мысли. — ты сам-то понимаешь, по какому случаю на тебя устроили *такое* покушение, наплевав на международный скандал? Кому ты помешал и чем?

— Штalia своего спросите. Я не знаю.

— Шталь тут не причём. Ну это он так говорит — пояснил А.А. — мы, конечно, разберёмся с ним, побеседуем в самое ближайшее время. Причём он или нет. — но у тебя — никаких идей?

— Да ни малейших. Хотя, между прочим — я перевёл взгляд на Алёну — было бы неплохо выяснить, чего вот они от меня хотели. Раз пошла такая пьянка... Это для меня — наиболее тёмный момент за последние дни.

— Очень интересно. — А.А. тоже повернулся к девушке. — И в самом деле — мы как-то с этим вопросом не успели разобраться.

— Ну...было видно, что Алёна пытается подобрать слова... на самом то деле — мы не хотели от него ничего конкретного. После того, как нам стали известны Ваши...эээ... трудности с финансированием проекта — она взглянула на А.А. — я стала исследовать расклад стандартными методами. Ну там, ситуативный анализ, этическая теория игр, всё такое... И...

— И? — этот вопрос мы с Арсением Анатольевичем произнесли практически одновременно.

— Ну там массивированный датамайнинг шёл. По доступным мне источникам информации. Ну и внезапно я обнаружила, что Александр категорически мешает *любым* прогнозам. Если его логически изъять из *картинки* — там были видны несколько траекторий развития конфликта. А пока он оставался в поле *игры* — вообще всё рушилось. Ну мы его решили временно изолировать...

— Офигительно. Нет человека — нет проблемы, как говорили древние — я не был в восторге от этого признания и не считал нужным скрывать своё отношение.

— Александр, ну послушайте — причина, по которой Алёна принялась вдруг оправдываться, мне была решительно непонятна — ну мы бы не сделали Вам ничего дурного. Месяц в закрытом санатории — ещё бы и компенсацию потом заплатили.

— Мне другое интересно — перебил А.А. — ты так вот положила на данные машинного поиска, не разобралась, в чём причина *эффекта*, но бросилась его устранять?

Алёна покраснела. — Ну а что мне было делать — Вы себе представляете, сколько всего стояло на карте? Я же, считайте, первый самостоятельный проект делала, ввязалась в этот субподряд...

— Ну-ну....

Микроавтобус тем временем зарулил во двор какого-то неприметного особняка — увлёкшись разговором, я и не заметил, куда мы въехали.

— Выгружаемся — скомандовал А.А. — сейчас перекурим и поедem объясняться со Шталем. Голубчик быстрее зайца в Москву ломанулся — как только услышал, что кто-то от его имени такие фокусы устраивает. Думаю, как раз подлетает к Шереметьево... А мы его сейчас ещё и орбитальным лазером обрадуем.

Сладкая парочка задёргалась прямо на глазах

— Не хотелось бы — Алёна замолкла на полуслове.

— А вас я и не зову. Лучше бы он просто не узнал, что мы о чём-то договорились. Так что вы с Кириллом можете по своим делам. Договорённости наши, сами понимаете, остаются в силе...

33 Александр Солодов, день 27 июня 2024 года, Москва

В конечном итоге нам пришлось задержаться — после того, как А.А. дозвонился до Шталя и выяснил, что тот прибудет в Москву только через пару часов.

Кирилл и Алёна свалили, так и оставив меня злым и раздражённым — никаких внятных извинений я не услышал, да и принимать их не особо то хотелось. Закрытый санаторий, блин. Свежо предание...

Делать мне было откровенно нечего и я слонялся по зданию, то выходя во внутренний дворик, то возвращаясь и присаживаясь в холле на диван. А.А. попросил “до выяснения обстоятельств” никуда не выходить — но я особо и не стремился. В конце концов жизнь мне действительно дорога — и если лазером повторно, как объяснил Арсений Анатольевич долбануть не могут в принципе — “итак международный скандал, про один удар ещё скажут, что случайно сработало, повторно — ну уже никак”, то банально застрелить... достаточно был вспомнить бежавших в мою сторону военных. Неизвестный “доброжелатель” подошёл к вопросу крайне серьёзно — мало того, что подвёл под удар, так ещё и прислал людей проконтролировать процесс.

— А в самом деле — кому и чем я мог насолить? Я начал мысленно прокручивать события последних дней — и внезапно понял, что все неприятности начались с того момента, как я проводил резервное копирование в “Иване и Федоре”. Последовавшие за этим события отвлекли меня от этого эпизода. А ведь КЭБовский следователь открытым текстом заявил, что неизвестные мне преступники из соседней фирмы слили мне по радиоканалу свою информацию. Получается, что большая часть произошедших недавно событий не имеет никакого отношения к реальному источнику моих неприятностей? Или — имеет? Ведь тот же следователь утверждал, что у напавших на меня возле подъезда...

Додумать эту мысль я толком не успел. Меланхолично прогуливаясь, я снова вышел во внутренний двор здания и упёрся взглядом в небольшую, штук пять, стаю ворон. Птицы неподвижно сидели на асфальте и молча, не двигаясь, смотрели мне в глаза. Неприятное ощущение — будто холод по коже пробежал — и в голове раздаются слова — как будто бы я смотрю на Разметку.

— Мы помогли тебе. Ты помоги нам. Будь союзник.

Очень доходчиво, и, главное, этот ‘голос’ я слышал совсем недавно — когда неизвестный приказал мне “выйти из фокуса”.

Ну что же, на фоне происходивших со мною в последнее время “чудес” я уже готов был поверить и в разумных ворон, спасающих от орбитального лазера. Тем более в моём положении было бы глупо отказываться от столь явного предложения дружбы.

— Чем могу быть полезен? — церемонная фраза сама слетела с моих губ. Со стороны, наверное, попытка разговаривать с воронами выглядела совсем уж нелепо, но рядом, по счастью, никого не было.

— Мы знаем. У тебя есть то, что нам нужно. Отдать нам. Думать тяжело. Будет легче.

— Не понял...

— Позже.

Вороны взлетели и в считанные секунды унеслись куда-то вверх. Почти одновременно с этим во двор вышел А.А.

Мы выходим из офиса и направляемся в сторону монора. Участие в “операции” оставило двойственное впечатление — с одной стороны, я вроде бы и помог, с другой — не до конца понятно, зачем же нас тащили — неужто в расчете на такое вот моё случайное прозрение? В боевых качествах Самой Прекрасной я, конечно, тоже имел возможность убедиться...пожалуй, в прямом столкновении со встреченным нами спецназом она и имела некие шансы. Но ведь не понадобилось же? Я делюсь своими сомнениями с Алёной — и получаю в ответ совершенно неожиданную сентенцию.

— А как ты думаешь — спрашивает она, глядя мимо моего лица, куда-то в сторону — что в нашей жизни представляет наибольшую внешнюю ценность? Ну если так подумать? — только не говори про любовь — перебивает она меня на полуслове — личные отношения — это совсем другая плоскость. Ну а вот... материальное?

— Ну если говорить о материальном — мне кажется ничего особенного тут не придумаешь — деньги, здоровье...долгая жизнь. Ну власть — если считать её материальной.

— Ну да, конечно — Алёна хмыкает — а вот теперь представь, что у тебя абсолютная власть, идеальное здоровье, практически бесконечная жизнь и очень много денег. И чем ты займёшься?

— Ну до абсурда всё что угодно можно довести.

— И тем не менее. Просто подумай над такой вот перспективой — чисто теоретически. И осознай, что эта его “просьба о помощи” была своеобразной формой покупки. И, кстати — абсурд абсурдом — но так ли мы с тобой далеки от указанной ситуации? Здоровье — ну ты сам видел у меня какое. Тебе, по нынешним временам можно ничуть не хуже обеспечить. Жизнь, соответственно — очень долгая. С деньгами... ну ты сам понимаешь — у нас никогда особых проблем не будет. Фатальных. Потому что времени много. И что?

— А власть?

— А она тебе нужна, на самом то деле?

Я задумался. — Получается, что нет.

— Вот то-то и оно. Я ответила на твой вопрос?

Я промолчал. Приключения, конечно, штука неплохая — но не слишком ли они экстремальны? Возможно, я предпочёл бы прожить без такого сорта “оплаты моих услуг”, хотя, с другой стороны...

— Интересно другое — после минутной паузы Алёна перевела разговор на другую тему — я то знаю, на самом деле, в чём проблема с Солодовым. Я всё же не такая дура, чтобы действовать совсем наугад...

— А сделала вид, что не знаешь...

— Ну так сказала ж — не дура. И лучше выглядеть наивной идиоткой, чем действительно ей быть. Но знает ли он?

— Солодов?

— Солодов — это отдельный вопрос. Пока он, кажется, не использовал то, что у него есть. А вот по каким причинам его стал прикрывать Арсений Анатольевич, да так масштабно... не верю я, что он не догадывается. Но точно вряд ли знает — иначе бы он просто нашего Сашу не выпустил бы одного никуда. Хотя, опять же...

— Я, честно сказать, перестал понимать ситуацию уже совсем. Можешь по пунктам, для

тупых — кто чего знает по твоему? И в чём, собственно проблема?

— Ну смотри. Практически все расчеты показывают, что через Солодова должна уйти информация. Наружу. Кому-то. Непонятно вообще кому. Мимо текущих участников расклада. И что эта утечка практически обесмыслит всю нашу работу — то, что мы должны были сделать для Полярной Звезды и она потом — передать Старшим Товарищам — думаю, ты уже давно догадался, кого представляет Арсений Анатольевич

— Да тут сложно не догадаться.

— Ну так и вот. Пока в России Солодов — схема показывает, что велика вероятность такого развития событий. Хотя что за информация, конкретно — из неё понять нельзя. Я до сегодняшнего дня была уверена, что Лумизель — это и есть получатель информации. Тот, куда она уйдёт.

Всё выходит в целом-то вполне логично — ну ты сам же видел, они вдвоём пришли на переговоры. А теперь вот что-то сомнительно мне всё это стало...

Пройдя под аркой, образованной понижающейся эстакадой монора, мы выходим к остановке и я начинаю шарить по карманам в поисках проездной карты.

— А ты можешь пояснить, что за расчеты такие? Как можно предсказывать действия людей да ещё и настолько странно — “что-то сделает, а что конкретно не знаем”?

— Ой, ну люди-то как раз очень предсказуемы. Большинство. А по методике — я же тебе обещала литературу... Как ты думаешь, все вот эти вещи, которые мы делаем и продаём работают? Мы проектируем некоторые действия в общественной сфере. Потом специальные люди их отыгрывают, пользуясь для этого Разметкой в качестве подмоштов. Но массовая психология — это всё-таки не театр, в который ходят нефигуранты. Довольно точная наука. По результатам отыгрыша в архивы и учебники вносится информация — чтобы откорректировать официальную версию истории...

Спросить о том, в какой театр ходят фигуранты я не успеваю, так как резко, будто бы меня облили холодной водой, ощущаю чужое внимание.

Оглядываюсь вокруг, но даже не могу сходу понять — откуда оно направлено.

В окрестностях — ни единого человека.

Лишь только чёрные вороны — и понимаю, что это они и есть тот самый *наблюдатель*, которого я только что ощутил. А ведь и вокруг места, где ударили по Солодову — носилась стая птиц... Я не успеваю ни додумать эту мысль, ни как-то среагировать на происходящее — Алёна неожиданно толкает меня с такой силой, что я отскакиваю на метр с лишним и, потеряв равновесие, чуть не падаю наземь. Сама она, в полном соответствии с законом сохранения импульса, отлетает в противоположную сторону.

Автоматная очередь выбивает чёрные кусочки из асфальта там, где мы только что стояли.

Самая Прекрасная хлопает в ладоши — и белая морозная полоса, вырвавшаяся откуда-то из воздуха, перед самым её лицом, упирается в проезжающий мимо автомобиль, раскалывая его лобовое стекло в мелкие льдинки.

— Давай-ка побыстрее отсюда! Неизвестно, сколько их тут...

— Секунду. — Идея слинять по быстрому выглядит вполне разумной, но просто сбежать, не выяснив источник угрозы было бы неправильно. Лезу во внутренний карман ветровки и выуживаю флакон с капсулами — одну глотаю — так как действие предыдущей закончилось ещё вчера. Вторую с размаху зашвыриваю внутрь машины нападавших. После того, как её пассажиров постигла неожиданная *зима*, джип потерял управление и врезался в

столб эстакады монора, рядом с которым мы стояли. Тонкая, чуть пружинящая оболочка капсулы раскалывается от удара и — *другим зрением* я это вижу отчётливо, её серебристо-мутное содержимое начинает тонким слоем растекаться по поверхности всего, что находится внутри автомобиля. Теперь у меня будет возможность попытаться выудить оттуда информацию — пусть только проглоченная подействует, распределившись по организму. На это нужно не так много времени. Жаль, что запас капсул ограничен, и, пока, я не смог найти способ его пополнить. Такими темпами, через неделю-другую я и вовсе могу потратить всё, что у меня есть...

Пока я занимался этим, безусловно, полезным делом, Алёна успела вызвать кабину монора. Убегать с места происшествия на нём — не самая плохая идея. На своих на двоих — надо очень хорошо знать местность, да и скорость будет невелика. А вот эффективно догонять тех, кто едет на этом виде транспорта можно, только имея доступ к его системе управления — эстакады далеко не везде совпадают с направлением дорожного движения и, в принципе, гоняться на автомобиле за монором — затея довольно пустая.

35 Александр Солодов, день 27 июня 2024 года, Москва

Пора ехать, наверное — А.А. был, как всегда, иронично-спокоен — нас там, наверное, заждались уже. Учитывая ситуацию, последнюю его реплику я не мог воспринять иначе, как циничную хохму.

Ну что же. Я послушно двинулся за ним. А сам — задумался о том, что и ради чего я в последнее время делаю.

Несмотря на имевшие место мимолётные романы я в последние годы был, фактически, одинок. Ну родители... старые, но ещё бодрые — они заслужили то, чтобы пенсионерствовать на полную катушку. Я им помогаю, конечно, но живу отдельно. А больше, так вот сходу — и никого вокруг.

Друзья-приятели, конечно, имелись, как и у всех. Но в наше время мгновенных коммуникаций расстояние между людьми, возможно даже и выросло... Но всё же, всё же... Не потому ли я ввязался в новую авантюру, что моё собственное существование не было особенно нужно никому, кроме меня самого? А тут — хоть какая-то цель... Идиотское положение — я бы, положив руку на сердце, был рад дружбе с Лумиэлем, но им был заявлен другой формат, который мне ни к чёрту не нужен... И чем дольше я с ним общался, тем отчётливее понимал, что ничем кроме той или иной формы скандальной ссоры это кончиться не может. Ну и зачем?...

Мы уселись в стоявший во дворе здоровенный лимузин антикварного вида — судя по дизайну — ему было лет сто, наверное и, выехав через арку, оборудованную “шлюзовой системой” из пары ворот — одни на входе, другие — на выходе, чуть не час добирались до места назначения. Внутренности машины, разумеется, не имели ничего общего с её внешним видом — “умный” пластик, управляемый бортовой системой, куча аппаратуры, имитостёкла — заглянув снаружи в окно машины, ещё когда садился, я увидел совсем другое содержимое, чем реально находилось внутри — так что посторонний мог бы и не догадаться о наличии пассажиров, даже подойдя к машине в упор. Пожалуй, на таком роскошном и дорогостоящем агрегате я ехал впервые в жизни. О тех же имитостёклах — только читал в Сети... Ну и стоило ли это удовольствие всей авантюры?

Роскошь средства передвижения не увела меня от депрессивных раздумий, и, практически всю дорогу, я молчал, уставившись в одну точку. Всё пытался как-то переосмыслить происходящее и чем дальше — тем сильнее не находил в нём ничего положительного.

В результате, когда мы, наконец, добрались до какой-то невнятной гостиницы, расположенной ближе к центру Москвы, я уже окончательно пришёл в такое состояние духа, что был готов то ли повеситься от безнадёги, то ли загрызть кого-то из тех, кого в ней виноват. А лучше — сначала загрызть, а потом повесится. Фон Штала, например.

Общение со Шталем прошло малопродуктивно.

Начал он с заявления, что не звонил мне, не назначал никаких встреч и, естественно, не имел никакого понятия о том, что произошло в дальнейшем. — Кто-то воспользовался моей идентичностью — заявил он, кто-то имитировал мой голос — судя по всему, компьютерной системой — ну Вы же сами, понимаете, Александр — сейчас это довольно легко.

Я не спорил, так как соответствующие программы давно уже были доступны

практически любому желающему — идентичность звонящего можно было установить иными способами, опираясь на сетевую информацию — но, если принять версию Шталя, неизвестные ловко подсунули мне подделку — рассчитывая, очевидно, что я полезу проверять личность собеседника именно таким способом.

В ответ на мои претензии по поводу гипноглифа Шталь сделал круглые глаза и сообщил, что “эта ручка дорога мне как память, и, поэтому, я поставил на неё определённого рода лок. Очевидно, Ваши способности позволили частично его обойти — я очень удивлён, — сказал он — оно должно было сработать совершенно иным способом. Лок позволяет не думать о том, что кто-то может машинально сунуть ручку в карман — как Вы и сделали. Ну Вы же понимаете, Александр, я не мог следить за ней постоянно — так что будем считать это недоразумением.”

Разумеется, обвинять его во лжи у меня не было прямых оснований — так что, выслушав эту отмазку, я ещё и оказался вынужденным объяснить, в каком конкретно месте я эту “дорогую как память” ручку “уронил” — о роли Лумиэля в этой истории я предпочёл умолчать, ограничившись заявлением, что кинул её вниз, когда почувствовал, что эта писчая принадлежность крутит мне мозги.

— Непременно пошлю кого-то её найти, ну Вы же сами, понимаете, Александр, она у меня очень давно...

Почувствовав себя участником бесплатного цирка, я уже просто хотел биться головой об стену.

Жду, пока содержимое проглоченной капсулы растворившись в желудке разойдётся по телу. Ровно семь минут — отсчёт был начат по уже давно вбитой в мозги привычке сразу же, как капсула коснулась языка.

Всё это время я пытаюсь мысленно настроиться на оставшиеся позади трупы в автомобиле. Наконец, чувствую зацепление — есть контакт. Пытаюсь проникнуть в остатки мыслей тех, кто ещё совсем не давно дышал, думал и чувствовал. Считывание чужих впечатлений таким способом очень неприятно — так как приходится проламываться сквозь последние предсмертные ощущения. Как будто в бочку с помоями нырять.

Ну что же. Я чувствую, что это просто исполнители по найму — им был дан заказ. Только что. С утра. Кажется, ещё тогда, когда мы только направлялись на ВВЦ — но здесь я не уверен, ошибка в 3–4 часа в такой ситуации вполне реальна. А вот личность заказчика... Тянусь, пытаюсь отследить момент общения с ним. Кто? И упираюсь в пустоту. Воспоминания убийц не подтёрты. Они вырваны из памяти, на их месте — сплошная чёрная дыра. Очень интересно. Неизвестный “доброжелатель” крут и бесцеремонен — лично мне даже не понятно, какой же силой надо обладать, чтобы вот так вот запросто ковыряться в чужих мозгах. Но я не собираюсь отступать — если уж мне не удалось отследить момент заказа — пытаюсь добраться до момента изъятия памяти у наёмников. События второго порядка — штука неоднозначная, про них наш противник мог и забыть. И действительно — я чувствую, что в этой части ткани событий зияет проход, дыра, в которую устремляюсь — и вот я вижу незнакомые дома с высоты птичьего полёта... снизу, сверху, изнутри... я понимаю, что гляжу на них одновременно из множества точек.

Меня отбрасывает с такой силой, что сжав челюсти от боли я ломаю себе один из резцов. Конвульсии раздирают мускулы — и тело, выгибаясь, чуть не выпрыгивает сквозь прозрачное стекло кабины, разбивая об него лоб.

В глазах темнеет, и прихожу в себя я только в тот момент, когда ощущаю, что Алёна пытается вытащить меня из кабины.

37 Александр Солодов, день 27 июня 2024 года, Москва

В конце концов, я осознал, что ещё немного — и крыша съедет окончательно. Заявив, несколько удивлённым А.А. и фон Шталю, что предоставляю им урегулировать недоразумение самостоятельно, а сам беру получасовой таймаут, я побрёл по коридору гостиницы в поисках буфета. Найдя его парой этажей ниже, я взял кофе и попытался привести свои мысли в порядок. Получалось плохо.

Тупо глядя в уличное пространство за стеклянной стеною заведения, я всё сильнее погружался в тоску.

Хотелось выть.

— Да что со мной такое? Что же делать? — Мысленно я буквально орал от душевной боли.

Уже знакомый мне бесплотный голос неожиданно зазвучал в моём сознании.

— Интенсивное эмоциональное воздействие со стороны неизвестного источника.

— Сброс трансоподобного состояния.

И ещё через несколько секунд меня отпускает. И я осознаю, что депрессивные мысли, преследовавшие меня последние два часа — навязаны мне со стороны, и что агрессия началась практически сразу после того, как А.А. спугнул ворон.

Жезл, подаренный Лумиэлем, с самого утра висел в рюкзаке. Похоже, что я только что использовал его возможности для самозащиты...

— Источник атаки? Вороны?

— Неизвестный *коллективный актер*. Небольшая вероятность.

Зайдём с другого боку.

— Список известных *коллективных акторов*?

— *Инстанции. Силы. В*. К.С. ээ..*

Ощущение контакта с жезлом прервалось, а я получил такую порцию головной боли, что чуть не свалился на пол.

Допил уже остывший кофе и посмотрел на часы. Больше часа прошло, а я и не заметил. Оглядел мутным ещё взглядом помещение — и двинулся в сторону переговорной, где продолжали нудно разбираться между собою уже изрядно надоевшие мне дискусанты. Наведённая депрессия меня отпустила. Но внутри по-прежнему оставалась какая-то пустота. Я чувствовал, что бегая последние дни по всяким странным местам, зарываясь в свалившиеся на меня новые знания я упустил что-то важное.

Какая-то очень значимая деталь прошла мимо меня и, пока я точно не определю для себя самого, в чём проблема — все дальнейшие трепыхания будут равнозначны попытке прыгать сквозь стену.

Практически сразу после моего появления разговор “высоких договаривающихся сторон” прекратился и мы стали прощаться.

По моему мнению встреча прошла впустую, но А.А. так не считал.

Мы вышли в коридор.

— Видишь ли в чём дело — сказал он, закуривая сигарету, если бы тебе были какие-то претензии предъявлены открыто — это был бы совсем другой коленкор. Одно дело — если считают, что ты в чём-то виноват, а другое — если ты задеваешь чужой интерес, но открыто

об этом не сообщают.

— Так Вы думаете, что всё-таки...

— Да ничего я не думаю. Всё это было так... продемонстрировать *нашу* позицию. Если от тебя чего-то хотят — нам логично выяснить, что конкретно, раз уж ты с нами работаешь. Тем более, если хотят не чего-то там странного, а смерти твоей. Согласись, это серьёзная претензия?

— Да уж...

— Ну так и вот. Москва — это *наша* территория. Лазером с орбиты разок шмальнуть — это, положим, можно списать на случайность. А вот если с тобой другие случайности начнут происходить...

— То что? — тема, признаться, не вызывала энтузиазма, но уж лучше выяснить всё до конца.

— То те, кто эти случайности организует — будут очень сильно неправы. И мы их найдём. И фон Шталю я дал понять, что мы будем искать. В этом конкретном случае. Теперь понял?

— Понял. Правда не понял, что будет, если не он...

— Ну если не он — то... А.А. сделал театральную паузу — у тебя будет неприятность.

— Спасибо, утешили.

— А ты как хотел? Сам ведь не знаешь, отчего к тебе такой интерес. Ты себе представляешь, чего это стоит — такая акция? Такой скандал, международный?

— А почему международный обязательно?

— Даже и не спрашивай. У России сейчас официально нету спутникового оружия, если ты не в курсе. Мы уже несколько лет ничего кроме астрологических спутников ничего не запускаем — полностью перешли на коммерцию, военно-космические силы распущены. Так что если это окажется российский лазер, будет только хуже.

— Так я всё же не вполне понял — мы добились этой встречей чего-нибудь полезного, кроме как “предупредить фон Шталю”?

— Ты мне лучше вот что скажи, — перевёл Арсений Анатольевич тему разговора — что мне делать то с тобой сейчас? Может запихать тебя в бункер, от греха подальше? Для твоей же безопасности?

Мгновенно сообразив, чем это для меня чревато, я упёрся рогом и после короткого, но бурного объяснения отстоял своё право поехать домой. Единственной уступкой А.А. было согласие принять у себя всё тех же “специалистов по юридическим вопросам”.

— Ты сам то понимаешь, что от случайного нападения на улице ты не гарантирован? Несмотря на все переговоры? Или в квартиру вломятся?

— Понимаю.

Но объяснять своих мотивов я не стал.

Об уязвимости подобной тактики я задумался ровно в тот момент, когда словил на подходе к подъезду предупреждение от своей охранной системы — за мой компьютер опять кто-то влез.

Тряхнув головой, я начинаю выбираться самостоятельно. И обнаруживаю, что потемнело не столько у меня в глазах, сколько вокруг. Кабинка остановилась в каком-то транспортном туннеле и выбираемся мы не на остановку, а на сервисную площадку.

— Куда это мы?

— Глянь — Самая Прекрасная указывает взглядом на россыпь пластика и металла, валяющаяся на гайдвее прямо за кабиной. Россыпь покрыта льдом и только тут я замечаю, что льдом покрыта и крыша кабинки.

— Настырные. Пустили за нами беспилотник. И хорошо, что только наблюдатель.

— Однако...

Краткий период расцвета нелицензируемой беспилотной малой авиации, имевший место лет 7 назад, привёл к совершенно бесконтрольному состоянию городского воздушного пространства — мало того, что непонятно чьи летательные аппараты то и дело врезались в здания, но и почва для хулиганства была немалая — частные “истребители” гонялись за чужими аппаратами. Для кого — игра, для кого — многотысячные убытки. А уж когда при помощи беспилотников начали устраивать теракты — городские власти жёстко взяли ситуацию под свой контроль и в течении полугода вычистили воздух над Москвой, попросту сбивая любую летающую железку, не имевшую системы опознавания свой-чужой.

Сколько средств было реально вложено в системы активного подавления и радиоконтроля и каким образом их удалось развернуть столь быстро — история умалчивает. Впрочем, злые языки, как им и положено, говорят, что эта героически преодоленная трудность была из тех, которые сами и организывают. Перед тем как преодолеть. Но кто их слушает, эти злые языки?

Сейчас же, мне только и остаётся — отметить серьёзность подхода наших недоброжелателей. Лицензия на беспилотник стоит достаточно дорого. Примерно как хороший автомобиль. А без лицензии он не пролетел бы за нами и полукилометра.

Жаль, нет возможности установить владельца летающего аппарата — свой последний экзерсис с жезлом я не рискну повторять ещё несколько часов, а за это время я заведомо выйду из конъюнкции с обломками...

— Ну и что теперь? В туннель мы заехали, но где гарантия, что на выходе нас не встретит второй наблюдатель? Или даже — ударный беспилотник?

Мой коммуникатор вибрирует и гудит в знак того, что получил текстовое сообщение.

Я машинально даю команду прочесть и вижу буквально 4 слова:

Срочно, непременно покиньте город.

Подписи нет, но она и не нужна — сообщение пришло с коммуникатора В.И.

39 Александр Солодов, день 27 июня 2024 года, Москва

Отскочив в сторону соседнего подъезда, я огляделся по сторонам. Никого. Случайные прохожие, идущие достаточно далеко — и только. Ни девушек с букетами роз, ни группы захвата, ни, даже — ворон. Ну и что было делать? — звонить А.А. с просьбой о помощи? А не чересчур ли глупо это выглядело бы после только что имевшей место разборки “за свободу самостоятельно принимать решения”? И не слишком ли неосмотрительно — полагаться в вопросах безопасности только на один способ её обеспечивать?

Подумав, что уже достаточно времени прошло с предыдущего сеанса, я потянулся к жезлу и попытался нащупать — есть ли кто-то посторонний за дверями моего подъезда. Не почувствовав чужого присутствия — двинулся вперёд и, прощупывая таким образом пространство перед собой, поднялся по лестнице к себе, на двенадцатый. Переждав несколько минут, чтобы вернуть себе дыхание — потянулся в сторону квартиры и понял, что там — один единственный посторонний. Простота и эффективность использования артефакта приводила к оптимистическим ожиданиям и в смысле соприкосновения с неведомым противником — я не забыл то, каким способом его применили против Лумиэля и, преисполнившись боевого азарта, двинулся вперёд.

В конце концов — я на своей территории и в руках моих — кое-что получше, чем “просто оружие”.

Команда с коммуникатора — и замок, защёлкнутый только на электроуправляемом компоненте, втянул засов.

Реакция моя, ускоренная заблаговременно, превратила процесс движения в один затажной прыжок — смятой полосой промелькнула и осталась за пределами бокового зрения прихожая и вот я, не прерывая мысленный контакт с жезлом по-ковобойски вскочил в центр комнаты.

Невысокая, с рыжеватыми короткими волосами девица сидела за моим компьютером.

На экране был раскрыт пасьянс.

— Прошу прощения, что залезла без спросу в машину — произнесла она мягким, каким-то кошачьим голосом. Промелькнувший поверх зубов красный язык только усилил сходство с кошкой. Но уж очень долго пришлось ждать, пока Вы доберётесь до дому.

Мгновенное ощущение стыда уходит, не успев толком зародиться. Остаётся только неприятное ‘послевкусие’ — последние несколько дней я занимаюсь какими-то своими делами, забыв о коллегах, попавших в переплёт. А обо мне, оказывается, помнят. Ну или... Или что? Учитывая, что в этих четырёх словах — одно избыточное. Наш старый, полухитрый код, которым мы пользовались иногда перед лицом начальства — ещё не в Конторе, на предыдущей работе, откуда В.И. перетащила меня вслед за собой. “Если я говорю тебе в присутствии кого-то ещё — *непрерывно* — значит мы интенсивно изображаем бурную деятельность. Для руководителей. Но делать того, что мы ему обещаем — на самом деле не надо” — сказала она мне где-то после второго месяца совместной работы. И состроила умное, преувеличенно многозначительное лицо. Я, как “молодой” счёл такое распоряжение не просто полезной “фишкой” — а воспринял его в качестве проявления близких отношений. Если мне говорят такие вещи — значит перешёл на новый уровень, ага. Мне доверяют.

Сообразить бы, что делать в теперешней ситуации. Каким образом имитировать убегание из города. И надо ли это делать? И надо ли ставить в известность Алёну? И...

Я кручу эти мысли на ходу — пока мы спускаемся вниз по сервисному ходу. Закрытая на кодовый замок дверь не стала серьёзным препятствием для Самой Прекрасной — она вскрыла запирающее устройство как-то походя, небрежно положив на него ладонь. Проходя сквозь дверь я кинул взгляд налево — дверные пазы с обломленным засовом от замка быстро покрывались льдом...

— Нам нет большого смысла добираться до твоей квартиры.

— Сама понимаю. Твои предложения?

Мои предложения были банальны — убраться с этого места куда-нибудь подальше и как можно быстрее.

Заскочив в ближайший уводящий под землю подъезд, мы минут сорок кружим по переходам громадного подземного торгового комплекса, пробираемся сквозь автостоянки и снова — сквозь магазины, бары, какие-то выставки и пассажи, пробегаем через выгороженные разметкой зоны для фигурантов, замаскированные от прочих под служебные помещения и снова двигаемся по общим, открытым для всех подземельям...

Плотная застройка подземного пространства Москвы идёт уже второй десяток лет и, пожалуй, оказалась единственным способом хоть как-то вместить в городских пространствах населяющую город 24-миллионную толпу. Жить там никто не живёт. Но стоянки, офисы, торговля... Практически в любой точке Москвы можно было, оглянувшись, найти какой-то из входов в постепенно смыкавшееся вторым, тeneвым городом подземелье.

И это нам на руку — беспилотник туда не пустишь, а догадаться, где мы выберемся наружу — нереально. Даже жезл, аналогичный моему, тут бы не сыграл, скорее всего.

Остановившись возле первого попавшегося торгового автомата, я демонстрирую Алёне сообщение на коммуникаторе. И, в течении нескольких минут, мы заказываем билеты на авиарейсы из всех трёх международных аэропортов Московского региона. В разных направлениях. И на десяток случайно взятых поездов, опять же с разных вокзалов. И на маглев. И всё — на примерно одно и тоже время. Я только и успеваю щёлкать по меню, а Самая Прекрасная аккуратно складывает в выданный автоматом пакет распечатанные

листки билетов.

Если неведомые преследователи задумают перехватывать нас при попытке покинуть город — им такой расклад не очень понравится. Денег не жалко, тем более большая часть их возвращается, ведь можно аннулировать билет.

Еще сорок минут — и оплатив монор купленной разовой анонимной картой, мы добираемся до Шереметьево-3.

Только здесь я объясняю Алёне, что мы никуда не летим.

Пара билетов, взятая на рейс Москва-Хельсинки остаётся за нами. Все прочие — отменены с первого попавшегося терминала сразу после того, как закончилась регистрация пассажиров.

Взяв такси, мы возвращаемся в Москву. Не совсем понимаю, пока ещё, куда...

41 Александр Солодов, день 27 июня 2024 года, Москва

Ситуация выглядела донельзя дурацкой. Я-то приготовился к совершенно нешуточной драке с непрошенными гостями. Но на меня никто не нападал. Кричать, размахивая жезлом “лицом к стене, руки за голову”? И что я буду делать дальше?

Мне только что и оставалось, как произнести сакраментальное: “- Чем могу быть полезен?”, вспоминая, что, кажется, сегодня я уже это говорил.

И только в этот момент я сообразил, что моя самодельная охранка сработала не просто так.

Доступ к компьютеру автоматически блокируется, если меня нет за клавиатурой более 20 минут — а незнакомка, как ни в чём не бывало таскала мышинным курсором карты...

— Я тут в качестве представителя — заговорила она, не дав мне возможности додумать, каким же это образом она вломилась на комп. — С Вами утром беседовали...

— Эээ? — я не сумел промямлить в ответ ничего более внятного. Интересно, о какой беседе идёт речь? Не о той ли, после которой по мне лазером с орбиты шибанули?

— С Вами утром беседовали — повторяет она настойчиво. — Вам предлагали стать союзником.

— Откровенно говоря, я не понял. Не понял смысла предложения, не понял, что меня просят отдать.

— Вот поэтому я и пришла к Вам... — незваная гостя коротко усмехнулась. — *Ему* достаточно тяжело выражать свои мысли на человеческом языке.

— А кто... оно?

— Оно думает воронами. Ну, примерно как мы с Вами думаем нейронами. Я так понимаю, Вы вполне знакомы с биологией, что такое нейроны — объяснять не надо?

Я переместился к ближайшему стулу, заваленному книгами и прочим барахлом и начал сгружать вещи на пол, выигрывая секунды и другие секунды — поскольку мне нужно было успеть осмыслить то, что я услышал. Но почти сразу же я понял, что я вовсе не хочу ничего осмысливать — а что намного важнее для меня то, что я хочу эту женщину. Здесь и сейчас, и по возможности — немедленно. Но можно не здесь и не сейчас, а главное — чтобы надолго и не один раз.

Ощущение это было настолько неожиданным и острым, что я засомневался в себе — но, привычным уже мысленным манёвром потянувшись к жезлу, получил сухой ответ, что внешних эмоциональных и иных воздействий ментального плана в настоящий момент в мой адрес не осуществляется.

Незнакомка, судя по изменившемуся выражению лица, почувствовала каким-то образом информационный обмен с жезлом — но вряд ли поняла его содержание.

— Простите, а как Вас зовут?

— Можете... можешь звать меня Белкой. И давай, что ли, перейдём на “ты”? Она улыбнулась очаровывающее беззащитно. Возможно, подумал я, змеи так же беззащитно улыбаются мышам, которых проглотят через несколько секунд. И ещё, — подумал я, — может она и не догадалась, о чём я запрашивал жезл, но уж впечатление, которое на меня произвела — она точно уловила. Не будь она женщина.

— Александр, — пробормотал я на автомате — представляться с моей стороны было

явно излишним, — конечно, давай на ты.

Белка ещё раз улыбнулась и протянула мне свою узкую, маленькую ладонь для рукопожатия.

Неуклюже наклонившись вперёд, я прикоснулся к ней губами.

— Есть ли шанс, что твой дом не под наблюдением? — спрашиваю я Алёну

— Маловероятно. Сам подумай, эта штука с билетами сработает ненадолго. Самолёт приземляется в Хельсинки через пару часов. Если нас ищут настолько серьёзно — что им стоит послать кого-то отсмотреть прибывающих пассажиров? Да, по большому счёту — они и на самолёт могут организовать запрос. Да или просто — позвонить по бортовому номеру и попросить стюардессу переключить связь на нас. Хотя я бы не стала бы, на их месте — говорит она уверенно, и я думаю о том, откуда что взялось.

— Как то не было случая спросить — а какое у тебя профильное образование?

— Юрфак. — Алёна понимающе усмехается, практику в прокуратуре проходила между прочим.

— Логично.

Что и почему я считаю логичным я не сообщаю. Потому что на моём коммуникаторе светится новое сообщение от В.И.

Встреча через два часа в Патриуме.

Патриум — громадный, старый торговый комплекс, расположенный на месте бывшего Савеловского вокзала. Сам вокзал давно уже вынесен за городскую черту, а о его существовании в этом месте напоминает только громадная мемориальная доска.

Мы проходим внутрь через перекрытый Разметкой служебный ход, идём по длинному нудному офисному коридору и, на ходу, я пытаюсь дозвониться до уже бывшей, но — начальницы.

В ту же секунду сзади раздаётся знакомая мелодия вызова.

Я оборачиваюсь и упираюсь взглядом в появившуюся непонятно откуда В.И.

То ли из какой-то двери вышла, то ли кралась за нами. Я не могу понять, откуда она взялась и мне это неприятно.

— Здравствуйте.

— И вы... здравствуйте. — Моя бывшая начальница коротко усмехается и долго, внимательно смотрит на Алёну.

Только сейчас я соображаю, что мы продолжаем находиться внутри зоны ограниченного доступа. И, следовательно...

— Эээ... Вы тоже успели подключиться к Разметке — хоть какое-то начало для того, чтобы завязать разговор, когда я не понимаю, что сказать.

— Я? Успела? Скорее, это ты — успел. Впрочем, некогда — пойдём те что ли, присядем. — В.И. берёт ситуацию под своё управление и нам остаётся всего лишь двинуться за ней следом по одному из ответвлений коридора. Через несколько шагов мы попадаем в кафетерий и мне остаётся лишь недоумевать — была ли намечена эта встреча ровно здесь или В.И. так хорошо подготовилась, что изучила местность заранее и просто знала, что тут есть удобное для разговора заведение.

Тёплый кофе с молоком в винтажных гранёных стаканах, лёгкая музыка — милое место, в других обстоятельствах — я бы здесь с удовольствием посидел.

— Как ты, по всей видимости, знаешь — говорит В.И. и жёстко смотрит на меня сквозь стёкла очков — у нас сменился заказчик.

В наше время, когда успехи биотехнологий практически решили проблемы с

дальнозоркостью, привязанность В.И. к этому оптическому прибору можно расценивать только как проявление снобизма — думаю почти одновременно с тем, как с моих губ слетает ответ.

— Нет, для меня новость. Я вообще не имел внятной информации о том, что произошло с вами после *снятия* заказа.

43 Александр Солодов, ночь 27–28, утро 28 июня 2024 года, Москва

[...] Я поднялся с кровати и отправился на кухню. Белка спала, уронив голову куда-то между подушкой и стеной.

Ту смесь искусства с порнографией, что мы проделывали в течении нескольких часов перед этим, любой нормальный мужик оставил бы храниться в копилке своей памяти. С законным удовлетворением собой и неким опасением — что может и не повторится. Гибкое, сильное и нежное тело. Не покорное и податливое. Не борющееся за первенство. Но — двигающееся в согласии, как будто продолжение тебя самого, совпадающее в желаниях и движениях. Временами я переставал понимать, кто из нас кто — казалось мы меняемся ощущениями. и слабый свет, залетавший в комнату из-за окна — перекрывался нарастающими вспышками красного и розового. Постепенный подъём куда-то вверх... посмотрев на часы, висевшие на стенке холодильника, я понял, что скоро уже утро. Пока я бродил по квартире, Белка успела перевернуться на другой бок и занять всю подушку целиком. Я попытался лечь рядом, но она, не раскрывая глаз, потянулась в мою сторону...

...Если вспомнить всё произошедшее прошлым вечером, — подумал я, готовя завтрак, — то я, пожалуй, должен считать себя великим. Неделikatно, но не вызвав, вроде бы, особых подозрений отбиться от прихода оговоренных ранее с А.А. “специалистов”, которые должны были охранять мой покой, охмурить девушку да ещё и выяснить назначение попавшего ко мне в начале всей эпопеи материала — это действительно серьёзное достижение за такой короткий срок. Да, наверное и предложение, которое мне было сделано, я не мог считать невыгодным. Так что-то... так что... Я повернул голову к дверному проёму и встретился глазами с Белкой...

— Делу время, а потехе час. Да не смотри ты так трагически — будто расстанемся завтра навсегда.

— А...

— С тобою было хорошо. Мне понравилось. — Белка улыбнулась ещё раз — но сейчас у нас есть более срочное... Успеем ещё.

— И всё-таки — ты представляешь себе хотя бы теоретически, как *это* должно выглядеть?

— Если честно — не вполне. Это некая инструкция. Глядя на которую ты начинаешь *осознавать*. Но ты же говорил, что у тебя есть два возможных варианта...

— Да. Но тот, который под рукой меня совершенно не вдохновляет. Оставим его на крайний случай — если более интересный не сработает — Представить в качестве искомой информации так и недорасшифрованную мною утилиту ARX я мог с трудом. Тем более, что, по моим ощущениям, намного умнее я от её применения не стал.

— То существо, которое меня послало — ты его называешь *вороны* — объясняла мне ещё вчера Белка — считает, что у тебя должна находиться некая инструкция. Рецепт. Оно чувствует, что рецепт у тебя, но выцепить его не может.

— Рецепт чего?

— Рецепт как думать. Оно хочет стать умнее, чем сейчас, но не может само. А думать

— Белка улыбнулась и провела по верхней губе языком, — это же так приятно... Это невероятное наслаждение, если ты можешь думать хорошо и сильно...

— Я догадывался. Хотя мне довольно странно, что оно вообще может думать, хоть как-то.

— Ну... тебе же не странно, что ты способен думать клетками головного мозга. Хотя, казалось бы — в отдельно взятой клетке ничего такого нет. Ну или известные тебе Инстанции.

— Неизвестные. До сих пор не знаю, что это — только слышал, что они есть.

— Они думают людьми. Что довольно неприятно — потому что если тобою думают, то ты сам уже не можешь думать.... На самом то деле всё равно, что лежит в основе. Тут важна структура — мозг, или воронья стая — а у ворон очень сложные социальные отношения в стаях, куда там приматам. Ну или сложная бюрократическая организация — как у Инстанций. И как только появляется такая сложная структура — разум на неё налипает сам собой.

— Оригинальненько...

Вчера я принял на веру все эти рассказы, так как был озабочен более актуальным на тот момент вопросом — как бы закадрить девушку.

Сегодня мне уже некогда. Белка торопит и я всеми кишками чую — время утекает минута за минутой и если я не сброшу с себя эту проблему хотя бы таким вот образом — после лазерного удара с неба может быть, наверное, что угодно. Бомба под дверь. Ядовитый газ в вентиляцию. В конце концов — просто пуля. И никакие “специалисты” от А.А. не спасут. Да и *вороны* не прикроют как вчера, если я не помогу им — просто не буду нужен...

Пока что они, по словам Белки, прячут нас, создавая для внешних наблюдателей иллюзию, что в квартире никого нет. Но это не может длиться вечно...

Файл резервной копии, закинутый на удалённый сервер, скачивается за несколько минут — дома у меня канал всё ж таки побыстрее, чем беспроводный линк коммуникатора.

Ещё немного — и в развернувшихся директориях я вижу среди знакомого на вид барахла с сервера “Ивана и Фёдора” вижу явно посторонние графические файлы — громадного размера — то ли многоцветные, то ли — сверхвысокого разрешения.

Я решил обойтись той аппаратурой, что была — возможно, моего принтера оказалось бы достаточно, а если нет — тогда уже можно думать, куда это тащить печатать.

Мы сидели на кухне и поглощали яичницу с кофе — а принтер за стеной печатал и печатал... наконец, ощутимая — в два пальца толщиной пачка бумаги оказалась в выходном лотке. Изображением вниз.

Если это не то, что нужно — то я уже и не знаю — с этой мыслью я перевернул листы... и очнувшись, почувствовал резкую боль в правом ухе. Глаза мои закрывала Белкина ладонь. — Извини... и я почувствовал, как мне облизывают ухо там где болело — ты прямо вклеился в этот лист — стоишь будто столб. Нам не стоит это смотреть — слишком сильно поднимает ум, он от тела начинает отрываться.

Я перевернул пачку изображением вниз.

— Что теперь?

— Выйти во двор. И там они, как-нибудь сами уже...

— Ну что же...

Мы быстро обулись и я потянул руку к замку. Одновременно бросил взгляд на монитор видеодомофона — и замер. Кирилла и Алёну, вполне узнаваемые на маленьком экранчике

стояли у двери подъезда и явно собирались набрать код моей квартиры.

Вот только их тут не хватало — не верю я в такие случайности.

Я не рискнул ждать лифта на нашем этаже — поднявшись выше и ещё выше, вызвал его наконец и мы поехали вверх.

Никогда не любил называть себя “хакером”, но именно в тот момент мне, скорее следовало радоваться теневой стороне своей квалификации.

Мой электронный ключ от домофона открывал все замки от всех служебных помещений дома — вне зависимости от того, какие новые коды навешивала на них управляющая компания. Так... маленькая поделка, сварганенная в своё время скорее из пустого развлечения, чем из расчёта. Настал черёд её применить — пробежав по длинному коридору технического этажа, мы скатились вниз через несколькими подъездами дальше и выскочили через чёрный ход во двор.

— *Мы на крючке* — говорит мне В.И. и спокойно смотрит, глаза в глаза. — И ты нас с него снимешь. — Стёкла очков увеличивают её зрачки, и я тряхнув головой, увожу взгляд в сторону....

Я мысленно перебираю подробности вчерашнего разговора — а руки сами по себе бегают по моей одежде, застёгивая пуговицы и проверяя, всё ли на месте в карманах. Рядом, сосредоточенно и молча одевается Алёна.

— Это мы были вынуждены устроить на вас с твоей подругой покушение. Ты должен радоваться, что кому-то другому не поручили — так то мы сумели *вложиться* в обе стороны сразу. И ничего не сработало.

Впрочем оно было не сложно — намного тяжелее точно навести на кого-то *случайных* киллеров, чем толкнуть их под руку.

— Оригинальненько.

— Нет времени на сантименты! Ты, насколько мне известно, видел, что с людьми делают Инстанции. Силы ничем не лучше, даже наоборот — поскольку они слабее, то и поступают жёстче со своими *носителями*. У нас не было другого выхода. Даже и сейчас я только частично вышла из под их влияния — разговаривает с тобой разве что треть моего разума, а остальное... *обслуживает*. Очень, знаешь ли, неприятно... — В.И. коротко усмехается, и лишь по дёрнувшейся внезапно щеке я, наконец, осознаю, какого нечеловеческого напряжения ей стоит вести этот разговор самостоятельно. — Кроме меня ещё человека четыре сохраняют какое-то самоопределение... но это не очень надолго.

— Что я должен сделать? Решение действовать приходит мгновенно — я и так слишком сильно затянул, понадеявшись на обещания Арсения Анатольевича.

— У Солодова — ну ты его знаешь — должен быть набор неких инструкций, за который идёт борьба. Не вдаваясь в подробности — они очень нужны и Инстанциям, и Силам, но могут быть использованы только один раз. Пойди и забери их.

— А дальше?

— А дальше у тебя будет возможность торговаться и с теми и с другими. Устроить размен. Подруга твоя — В.И. поворачивает голову в сторону Самой Прекрасной, поможет проконтролировать, чтобы игра шла честно — аппаратура у неё должна быть.

Алёна коротко кивает, подтверждая сказанное.

Получив обещание В.И. временно отвести внимание Сил от моей собственной квартиры, мы направляемся туда, оговорив, что В.И. или кто-то ещё скинут мне местонахождение Солодова, как только сумеют его засечь.

На момент разговора он невидим.

— В этой драчке Силы — явно слабее всех прочих игроков. Сами претендовать они ни на что не могут — но опасаются, что если на спорную информацию наложат лапу Инстанции — то и вовсе... Собственно и покушение вас — из-за этого. По принципу “не съем, так надкушу”. Не могут добраться до Солодова — так решили методично перемочить всё его окружение, которое сумели выявить. В надежде осложнить ему жизнь хоть как-то.

— Как же это тупо. Причём тут мы?

— Утром вытаскивали его из под удара?

— Так это?...

— Не знаю, что это было. Но Силы такое точно не способны организовать — уровень не тот. Да и вообще -

сущности такого сорта не отличаются особым умом. Мог бы и заметить, работая ещё в конторе — что жадности и наглости у них намного больше, чем всего остального. Их сила — совсем не в этом...

На этой ‘оптимистической’ ноте разговор закончен, и только на утро, на мой голосовой почтовой ящик сваливается короткий речевой пакет.

— Солодов на своей квартире. Они скоро будут выходить. Их прикрывают, поэтому двигайтесь быстрее — мы не сможем их долго отслеживать. — Я узнаю голос Палыча и, выкинув из головы неприятную мысль о том, почему мне не позвонила сама В.И. бужу Алёну.

До знакомой мне улицы мы добираемся буквально за двадцать минут — экстренный режим монора всего то за пятикратное превышение стандартного тарифа распихивает все прочие кабинки по боковым гайдвеям. Наша же разгоняется так, что мне страшно — не вылетим ли на повороте за ограждение. Впрочем, о таких случаях только сплетни ходят — ничего достоверного.

Подбегаем к подъезду и, пока я тянусь через жезл, пытаюсь понять, есть ли у этого домофона кодовая комбинация или придётся звонить Солодову и врать ему что-то — Самая Прекрасная хлопком ладони вымораживает замок и дёргает дверь. Рассыпавшаяся в прах электроника не держит питание и магнитный засов бессильно отщёлкивается в глубину косяка.

Поднявшись на шестой, двигаемся в сторону квартиры Солодова... и я каким-то внутренним чутьём осознаю, что его там уже нет.

45 Александр Солодов, утро 28 июня 2024 года, Москва

Чёрная туча, как будто бы несшая с собою грозу, накатывалась по небу с юга.

Птицы.

Их были десятки тысяч — куда там вчерашней стае, которая на фоне этой громады смотрелась бы просто убого.

До ворон оставалось ещё несколько сотен метров — и, взглядевшись, я заметил яркие металлические проблески на фоне пернатой черноты. Несколько десятков лёгких беспилотников тщетно пытались атаковать крылатую массу. Треск выстрелов доносился даже на таком расстоянии, но эффект был не больше, чем если бы тыкать булавкой в тесто — тёмная волна поглотила казавшиеся с такого расстояния детскими игрушками самолётики и через несколько секунд они перестали быть видны. Задавили толпой, подумал я и двинулся им навстречу.

— Александр, стойте!

Знакомый голос сбил меня с разгона.

Из той же двери, откуда только что выскочили мы с Белкой, показался фон Шталь. В руке его, серебристо-матовым пятном, словно отражение облака в болотной луже, поблёскивал пистолет.

Дальнейшее происходило медленно, как в замедленном покадровом эпизоде видеофильма.

Вот Белка, развернувшись на месте в совершенно невыносимом, каком-то балетном фуэте прыгнула в сторону фон Шталя... Вот огонь, вырвавшийся из дула пистолета один... второй раз...

Белка упала вперёд, успев ударить Шталя рукою в солнечное сплетение. Аристократ согнулся пополам и отлетел, ударившись спиной о стену подъезда. Я повернулся. И швырнул пачку отпечатанной бумаги воронам, закрывшим от меня Солнце и небо. Белые рассыпавшиеся листы. Чёрные перья.

Мгновения — и ко мне пришло чёткое, недвусмысленное знание — каждый из разлетевшихся веером листков аккуратно отделён от других, изучен и воспринят. — *Благодарность.*

Взвешено, сочтено и измерено — кажется так это принято говорить у людей — удивительно чёткая чужая мысль прозвучала в моей голове.

Я бросился к Белке, но она уже поднималась с асфальта.

— Ерунда. Промазал. Вскользь прошло, сказала она, зачем-то плюнула на ладонь и прижала её к рёбрам.

А вот фон Шталю явно было плохо — я не мог поверить, что для этого оказалось достаточно одного Белкиного удара, но выходило именно так....

— Наверх — Алёна машет рукой в сторону лестницы и я подчиняюсь, не думая о том, как она догадалась. Впрочем, пробежав через два этажа Самая Прекрасная упирается взглядом в дверь лифта — чувствуется, что она и сама не может сообразить, куда дальше. И тут уже мне приходится напрягаться, извлекая информацию о только что произошедших событиях через жезл — это очень тяжело, сопряжение отсутствует, но я справляюсь. Снова вверх — одновременно с моими словами раскрываются дверь, мы вскакиваем внутрь и Алёна жмёт на кнопку последнего этажа.

Там у моей любимой проблем уже не возникает — высадив уже привычным мне способом очередной замок, она уверенно бежит по техническому этажу и я вслед за ней — дальше, в другой подъезд и вниз по лестнице.

Выскакиваем из подъезда и не пройдя и метра, тормозим.

Прямо перед нами, на фоне громадной стаи воронья стоит Солодов с пистолетом в руке.

Справа, у стены — ворочается, пытаюсь подняться какой-то мужик, с кровавым пятном на груди, чуть дальше — Белка. Александр начинает поворачивать в нашу сторону пистолет, но я не успеваю толком среагировать. — Алёна превращает опасную железку в груды бесполезного льда.

Секунда и Солодов начинает покрываться лиловым пламенем — таким мощным, какое мне ни за что не удалось бы вызвать. Но я всё же тянусь, пытаюсь вызывать из своего жезла какую-то защиту.

Картина ближайшего будущего уже мелькает у меня перед глазами — Белка, прыгающая в сторону Алёны и получающая в грудь низкотемпературный удар, чёрное, как перья ворон пятно, о которое в последний момент разбивается морозный заряд...

Алёна протягивает руку ладонью вперёд и я чувствую, что с её пальцев готов сорваться Холод.

Холод с большой буквы, способный превратить в ледяные статуи и Солодова и всех ворон, носящихся по каким-то своим загадочным траекториям у него за спиной.

— Подожди, давай поговорим. — Алёнин голос рушит картинку.

Вероятное будущее уходит от моего внутреннего взора, рассыпаясь в несбывшуюся возможность.

С первых же фраз Солодова я понимаю, что мы опоздали.

Попытка спасти моих друзей и коллег провалилась, не начав осуществляться. Если бы, если бы...

Если бы Палыч или В.И. сумели бы засечь Солодова раньше. Если бы я попытался достать его через жезл сам — впрочем, последнее, скорее всего, не вышло бы. Теперь то я понимал, каким образом он ухитрился отбрасывать мои попытки пошпионить... С тех пор, как я получил свой собственный жезл, мне, конечно, приходило в голову, что могут существовать и более сильные артефакты сходной природы, но я не думал, что столкнусь с владельцем такого предмета нос к носу.

— Облом — Алёна посмотрела мне в глаза — Что делать то будем?

Человек, все эти секунды мутно шевелившийся на крыльце сбоку от меня, наконец, сипло выдохнув, поднялся, и я узнал в нём фон Шталя.

— Идиоты! Сопляки! Пустышки! Вы хоть понимаете, что наделали? Чечевичной

похлёбки захотелось? Кккретины... — высокий аристократический лоб покрыт крупными каплями пота, на груди Шталя сочится кровавое пятно, но он не обращает внимание на эти “мелкие проблемы” и продолжает дурацкий разнос. Дурацкий — потому что ни мы, ни, насколько я понимаю, Солодов с Белкой у него не работаем и ничего ему не должны.

— Что делать будем, что делать — передразнивает он Алёну — эвакуироваться будете, если хоть капля мозгов в голове есть. Из страны.

— Очень интересно. И с чего бы? — Алёна поворачивается к фон Шталю и, пока я думаю о том, сразу ли она его заморозит или чуть позже — а ведь причина и моральное право есть, если я правильно понял ситуацию, — Самая Прекрасная всего лишь мило улыбается, имитируя светскую беседу.

— Сем***кий усилитель... был... для... кого? — Отвечает Шталь отделяя паузами каждое слово, как будто учитель в школе объясняет в пятнадцатый раз тупым ученикам очередной материал.

Но первое из слов он произносит настолько сипло и невнятно, что я его не понимаю... — для... Инстанций.

— И?

— А слили... — он машет рукой в сторону птиц — этим.

— И что из этого?

— Послушай, девочка, ты образование где получала? В академии Гидромелиорации для нефигурантов? Ты в состоянии просчитать, что будет с обществом, если в нём болтается несколько коллективных акторов такой силы? Никто не в состоянии... но может тебя научили?

— А что поменялось то? — я вижу, что Алёна лихорадочно пытается въехать в новую информацию, в то время как Солодов и Белка слушают этот диалог с откровенно непонимающими лицами.

— Да так, ерунда. Все ваши разработки идут коту под хвост, между прочим. И наши. Потому что заказывались они ещё тогда, когда никаких таких Инстанций, и тем более — Сил — тут и не было. Ладно, хватило ума уродам опять наложить партийный аппарат на государственный — как будто предыдущий опыт... прошлого века... их ничему не научил. Ну так мы же — Шталь усмехается и начинает отряхивать свой костюм, — мы же пришли как добрые скауты на помощь. Декаду потратили на разработку противоядия — если б программа попала по назначению, то никаких бы Инстанций тут уже бы и в помине не было бы. Усилился интеллект — и уходит повышаясь, аккурат в Nirvanу. И никакой привязки с физическим носителем бы не осталось... всё по честному — каждый получает что хотел. Хотели думать лучше — ну будут думать где-то там... и он неопределённым жестом показывает, вверх... — если найдут о чём.

— И всё ведь шло как по маслу...Шталь поворачивается и смотрит на Солодова. — Какого чёрта? Нафига ты это сделал?

Я отвлекаюсь от “импровизированной лекции” и с удивлением отмечаю изменившуюся обстановку — ворон как будто громадным веником вымело с неба до самого горизонта, последние мелькают перед глазами, скрываясь где-то за выступом соседнего дома. И Солодов стоит уже один.

“Голопузая подпольщица” Белка словно растворилась в воздухе совершенно непонятным образом. Только что была. И нет её....

47 Александр Солодов, утро 28 июня 2024 года, Москва

Фон Шталь, кряхтя и сипя, поднимается, наконец вертикально и немедленно, не обращая ни малейшего внимания на нас, начинает ругаться с Алёной.

Белка, пользуясь тем, что на неё никто не смотрит, кивнула мне и, тихо улыбаясь, стало тихо-тихо, шагком за шагком отходить в сторону. Каким-то шестым чувством, проснувшимся во мне ещё когда я только начал понимать Разметку, но уже знакомым и привычным — к хорошему быстро привыкают — я понял, что вороны скрыли её от взглядов присутствующих. Ещё минута — и я перестал ощущать её присутствие.

Ушла. Ладно, хоть номер коммуникатора оставила вчера вечером, так что не безнадежно.

Но выпутываться из ситуации и объяснять своё поведение мне предстояло самостоятельно.

Что от меня хотят именно объяснений, я понял в тот момент, когда Шталь перешёл от перебранки с Алёной к попрекам мой адрес.

— Я что, Вам чем-нибудь обязан? Может я у Вас работаю? Куда зайти за зарплатой, не напомните? — я решил, что лучшая защита — это нападение и немедленно начал претворять сию достойную стратегию в жизнь. — Расскажите-расскажите, по какому такому маслу оно там шло и причём тут я? Мне это, в свете последних событий, чрезвычайно интересно. Только вчера Вы делали вид, что не имеете к моим делам никого отношения. И?

— Да пошёл ты — и только тут я обратил внимание на то, что и демонстративный аристократизм Шталя и его лёгкий, но всё же отчётливый иностранный акцент куда-то исчезли. Передо мной стоял, поглаживая левой рукой кровавое пятно на своей груди, худой, сидящий, невероятно усталый мужик. Тени под глазами собирались в синяки, левое веко дёргалось... Было видно, что на нём — давний груз тяжёлого напряжения. И выражение лица — как будто за семь вёрст тащил, не дыша от осторожности, грудю хрустальной посуды и уронил, разбив её вдребезги, за вершок до цели. И теперь уже всё равно — можно не напрягаться, расслабиться, а тело ещё помнит, как только что шло по струнке, по ниточке...

Ещё немного — и заплачу от сочувствия, — подумал я, — если только не вспоминать, что этот борец за судьбы России явно сделал в мой адрес какую-то масштабную подляну, втянув меня в какие-то свои махинации.

И сейчас мне стоило бы подумать не о его проблемах, а о своих собственных.

Я потянулся в карман за коммуникатором и набрал А.А.

48 Кирилл Костин утро, день 28 июня 2024 года, Москва

Солодов подносит к уху коммуникатор и, буквально через минуту, во двор въезжает знакомый минивэн с еле заметными, но не успевшими зарастить окончательно следами пуль на стекле. Солодов вскакивает внутрь, мгновение смотрит на меня и микроавтобус скрывается за углом дома.

Я поворачиваюсь к Алёне и перехватываю её взгляд, направленный на фон Шталь. Неприятный, прямо скажу, взгляд, оценивающий такой. Примерно как у кошки, которая мыслит себе — схарчить ей воробья прямо сейчас или подождать немного. И ведь есть за что. Если вспомнить подляну с подосланным Санта-Клаусом. Впрочем, сам фон Шталь стоит себе спокойно и усмехаясь так, глядит глаза в глаза на Самую Прекрасную. И я, отчего-то, понимаю, что не выйдет на этот раз у кошки ничего.

— Кажется, у нас у всех возникли большие проблемы, — прерывает паузу аристократ. И тут я замечаю, что буквально с каждой секундой он как бы напитывается энергией, восстанавливаясь из того *помятого* состояния, в котором только что пребывал в своё обычное — лощёное и уверенное. И ко мне приходит ценная идея, — что было бы неплохо сейчас разойтись, для того, чтобы определиться с дальнейшими действиями. Так как проблем мы имеем вагон и маленькую тележку. И что устраивать с ним сейчас маленькую, но неприятную драчку — идея не из лучших.

Умные мысли приходят к умным людям одновременно.

Мы обмениваемся понимающими взглядами все трое — каждый с каждым.

И фон Шталь не спеша поворачивается и спокойно идёт сквозь поломанную дверь в глубину подъезда, намереваясь, по всей видимости, пройти сквозь дом и выбраться на к дороге или монору.

Алёна поступает проще — вызывает по коммуникатору такси.

— Ко мне домой, наверное — говорит она — судя по всему, покушений в ближайшее время не предвидится.

— Да уж. Впрочем, нам и без этого разгребать...

— Об этом позже. Даже думать не хочу, пока не доберусь до ванной и как-то не приведу себя в порядок. Если сейчас наша поставка окончательно гробанётся — последствия будут просто феерическими. Это даже банкротством не назовёшь. А мне как-то не особо улыбается отсиживаться ближайшие тридцать лет на даче в Антарктиде. Там, конечно, неплохо — единение с природой, всё такое. Но сам понимаешь... километр льда над головой...

Я понимаю. И, одновременно, думаю о том, что, при какой угодно близости приоритеты и проблемы у каждого человека всё же свои. И сразу после этого мне становится стыдно — как только я вспоминаю о том, с какой лёгкостью и естественностью Алёна включилась в эту разборку за моих коллег по конторе — не подумав ни секунды о том, её эта война или нет.

Алёна, будто уловив мои колебания, подходит ко мне и кладёт мне руки на плечи. И смотрит, смотрит на меня устало улыбаясь, чуть откинувшись назад.

Оставшиеся до подхода такси семь или пятнадцать минут мы стоим и целуемся, как школьники. И я счастлив.

49 Александр Солодов, день 28 июня 2024 года, Москва

— Очень интересно.

Мы сидим в офисе у А.А. и я пересказываю ему произошедшее, аккуратно стараясь задвинуть своё отношение к Белке куда-нибудь за кадр. Впрочем, это не сложно — А.А. думает о каких-то своих раскладах и разговаривает со мной довольно рассеянно.

— Значит этот крендель, от большого ума, решил заняться с нами благотворительностью. Или, что скорее — всё он знал и хотел подляну кинуть.

— Насчёт коллективных акторов — я мало что понял.

— Ну мы эти опыты начали ставить ещё в начале века. Тут... проблема нетривиальная. Даже несколько.

Но самое первое — это то, что обычному человеку... Ну или нечеловеку, неважно. Так вот, ему нельзя быть слишком умным. Чисто физический процесс — разум, он же существует сам по себе. А на материальные объекты он как бы налипает — это тебе понятно?

Я понимающе киваю, хотя сама идея, для меня, мягко скажем — нова и неочевидна.

— Ну так и вот. Если разум уже ‘приклеенный’ к материи начинает слишком усиливаться — он с неё слетает обратно. Ну, разрывается сцепление. А без материи всё это довольно бесполезно — во первых ты сделать ничего не можешь, во вторых — адекватность теряется. Сенсорная депривация, даже частичная — страшное дело. Собственно поэтому все духи, которых ты вот просто можешь вытащить на пообщаться — довольно таки безумны, пока их к телу не пришилишь, вменяемости просто никакой. Чем сильнее дух — тем всё хуже.

Ходят упорные слухи, что и Сам... Впрочем, не будем.

— И, как я понимаю, Вы эту проблему решили обойти? — я уже решил, что ничему не удивляюсь, а рассуждаю в той логике, которую мне предлагают — иначе и самому недолго потерять адекватность без всяких там “отрывов от материи”

— Правильно понимаешь. Тут можно идти двумя путями — совершенствовать конструкцию тела, ну структуру материи оптимизировать. Чисто технологически. — Сам знаешь, есть металлы легкоплавкие, есть тугоплавкие, а композиты некоторые так любому вольфраму дадут сто очков вперёд. Так же с привязкой духа к телу — от материала зависит, сколько оно может разума эффективно удержать, от внутреннего устройства, ну и так далее.

Можно просто массу наращивать — но тут не всё гладко, там свои ограничения. Предки известной тебе Алёны, кстати, в основном повымерли — потому что за большим телом очень сложно следить. Ну да фиг с ней...

— А она? — сюрпризы идут за сюрпризами, но я не удивляюсь, а стараюсь набрать как можно больше информации, чувствую, что она мне пригодится ещё.

— Да, она из *этих*. Так вот, наращивать массу — просто неудобно. Ну представь, что ты выпустишь в современный город хотя бы десятиметровых великанов, что будет?

— Фигня какая-то. Неудобно.

— Она самая. Короче, это тупиковый вариант, от него давным-давно уже отказались. Хотя когда-то было модно.

А с усовершенствованием структуры — тут своя большая проблема. Мы, в общем-то от

Запада тут значительно отстаём. Чисто технологически — я думаю, лет на триста. Поэтому всё время вынуждены брать их старые разработки и падать на деньги из-за этого.

— И Вы решили сделать качественный рывок?

— Ну ты всё правильно понимаешь. Если мы не можем тупо нарастить массу тела — у нас остаётся возможность распараллелить процесс. Приклеить один разум ко множеству тел. И получить стратегическое преимущество. Чем мы, собственно и занимаемся уже лет 20. Правда до последнего времени — делали вид, что не имеем к этому отношения. И что — “нету ничего”.

— А результаты?

— Ну, на эффект мы случайно натолкнулись — когда оно внезапно само начало срабатывать, ещё в прошлом веке. Но тогда все в ужасе были и грохнули систему. Потому что оно же сырое поднималось, никакой техники безопасности — а если твоё тело включено в чужой разум, твой оттуда либо сносится, либо его втягивает в чужое мышление. Кому такое понравится? А так — уже где-то в 2003 году мы попытались запустить упрощённую структуру — чтобы одно с другим работало как бы на разных частотах. Типа, ты мыслишь и действуешь сам и, одновременно — часть чего-то большего. Ну вот конодоблимся с переменным успехом, пока не могу сказать, что мы достигли устойчивой работы и запустили в эксплуатацию. Но уже близки, как мне кажется.

— А... зачем всё это?

— А ты подумай. Я тебе рассказывал уже — про то, зачем нужна Разметка. До сих пор мы программы общественного развития закупали за рубежом. По сути дела вся страна работает в таком вот режиме — вывозит сырьё, ввозит Историю. Сотни лет так идёт, всем надоело уже. Только что вместо леса и пеньки — нефть и газ... Да и разработки нам поставляют, если честно, так себе. Не то чтобы второсортные — тут нельзя пожаловаться. Но тщательная проработка деталей не возможна без постоянных полевых работ. А у нас территория... Короче, давно пора нам самим уже всё это научиться делать. И не по чужим учебникам, а чтобы как они — постоянно, на передовом рубеже исследований.

Сейчас то мы планируем закупить очередной блок сценариев — уже лет тридцать мы работаем на устаревшем, за пределами гарантийного срока, сорваться в хаос страна может в любой момент. И тогда, конечно, долбанёт... А вот дальше, если всё пойдёт по плану — будем делать сами.

— Так а Шталь говорил, что это не сработает из-за этого вашего коллективного актора? Что там условия не сходятся?

— Кто его знает, что он там имел себе ввиду. И что ты думаешь — ему кто-то дал полные исходные данные? Он получил спецификацию — выполнил работы. А коррективы мы уже на месте тут будем вносить. Это всё пора уже запускать, срочно. Опаздываем почти на год. Я тебя, собственно, изначально планировал к этой работе привлечь — так что ты имей ввиду...

Любопытно тут другое — когда он говорил тебе, что мол всё шло как по маслу.

Эта тухлая история, на самом деле, получилась. Похоже, что он откуда-то заранее знал, что мы с тобой собрались работать. И подсунул тебе, можно сказать, отравленную пилюлю — *Усилитель* разума. Очень крутой. Я его даже компьютером не рискнул бы анализировать. Если бы он через тебя протранслировался к нашим дорогим Инстанциям... я думаю — они просто отлетели бы куда-то в эмпиреи. Оторвались бы от материи — сто пудов.

— Фига себе. Я ничего не понимаю. Откуда он знал, что вы хотите делать? И откуда у

него такой усилитель? И что в результате получилось — причём тут вороны, Вы же к ним не имеете отношения?

— К *воронам* не имеем. Они для нас бесполезны по ряду причин. Как бомжи с помойки. Ну как бы роются себе среди мусора — и чёрт бы с ними. До последнего времени как бы вообще не вступали с нами в контакт — хотя после твоего случая есть повод задуматься... Но тут они стащили эту штуку к своей явной пользе — поскольку они намного тупее, чем Инстанции, у них есть шанс удержаться, не улететь в нирвану. Даже если усвоят украденное целиком. Но несварение... так сказать желудка... им обеспечено надолго, это факт.

— А откуда они взялись?

— Я же те говорил уже — побочный эффект. В прошлом веке были эффекты и пострашнее — три генсека подряд в могилу ушли, у четвёртого тоже проблемы с мозгом возникли — а это просто так рядовой считали. Неопасный. Намного интереснее, конечно, само происхождение *Усилителя*. По официальной то версии у них там, на Западе, таких коллективных акторов нет. Для кого сделали, его не пойму. На ком испытывали? Темнота, короче...

— А на самом деле?

— А на самом деле — я не знаю. Я как в командировку туда ездил, последний раз — специально старался нащупать что-то похожее. И ты знаешь — полная пустота. Клиническая. Вот у нас есть все эти побочные эффекты — *вороны* там, *Силы* ещё — ну ты про них не слышал, наверное, это из юридических лиц получились, уродцы. Так вот. У них там нету ни-че-го. Не чувствуется и приборами не засечь. Хотя, казалось бы — интенсивность всякой там интеллектуальной работы — выше, чем у нас на порядок. Финансовые центры планеты — все там.

Я вот чувствую какую-то лажу — но тут, пока, среди своих товарищей не нашёл понимания по данному вопросу...

— Всё сложно?

— Да уж. Не будем об этом. Сам понимаешь — когда слишком сильный разум опасен, людей выдвигают по другим качествам. Этим — он посмотрел на потолок — лишь бы чужой удачей торговать, думают, что на их век хватит...

А.А. изменившимся выражением голоса явно давал понять, что разговор подходит к концу.

— Ты сейчас сыграл на нашей стороне. И очень неплохо. Я буду разговаривать с начальством, чтобы тебя премировать.

— Это приятно.

— Деньги почти всегда приятны. Как материальное выражение разума.

Хитро усмехнувшись, А.А. пожал мне руку и я отправился восвояси. Размышлять с разуме, материи, деньгах, безопасности собственного тельца, а так же личных отношениях с разными людьми. Вот, например....

Чаепитие с разговорами уже является нашей маленькой традицией. И мне приятно, что за небольшое время совместной жизни мы с Алёной уже обросли какой-то общей историей.

— Если верить фон Шталю — а у меня тут нет оснований ему не верить — то полезность организации Арсения Анатольевича в качестве заказчика стремительно упала до нуля. Хотя, конечно, надо будет уточнять его позицию. Но, получается, что у них — не только нет денег, но и применить нашу разработку они толком не смогут. Нам сейчас надо плотно поработать с новым покупателем — раз уж он сам нарисовался, было бы нелепым упускать. Ну и сам понимаешь — чтобы твоих вытаскивать — нужна аппаратура, возможно люди. А это — опять деньги. Какие-то мелочи я могла пускать по бюджету в рамках расхода на наших “карманных экстремистов” типа Белки — но тут может оказаться совсем уже другой порядок средств, особенно на фоне финансовых проблем, которые мы сейчас имеем.

— А тут я не очень понял. И нафиг вам эти подпольщики, как ты их назвала, нужны. И что можно сделать для друзей. И что им грозит?

— Ну банально всё. В наших делах полезно иметь на подхвате какую-то организованную группу. Вооружённую. И, по возможности — в теме.

Сам понимаешь — разборки *Людей* — Алена выделяет слово ‘Люди’ голосом и я понимаю, что она вкладывает в него какое-то своё, особенное значение — имеют специфику.

Группа Белки выглядела вполне удобным вариантом — отмороженные на голову подростки, начитавшиеся всякой там фантастики, нахватавшиеся по обрывкам каких-то сведений — и слабо понимающие, где реальность, а где ролевая игра. И против кого они играют.

Таким в руки дай автомат, деньги — и они твои.

— Цинично.

— Цинично, но если подумать об альтернативах — это не самое худшее. С откровенными бандитами, например, просто не рискнула бы иметь никаких дел — ни морали, ни обязательности. Уголовники совершенно не надёжны.

Давай потом об этом как-нибудь... Корпоративную политику не я определяю — у меня, как у менеджера, не такой уж и широкий выбор возможностей.

— Давай. Всё же — что мы реально сейчас можем сделать?

— Ну есть аппаратура. Чисто физически можно воздействовать. Но дорогая. Времени, кстати, не так много — для меня эта тема довольно боковая, если честно, я только общие всякие вещи помню из учебника. Твоих коллег бывших притянуло к более мощной системе — кстати, нам реально повезло, что именно к той, против которой работают Белкины ребята. Хотя ещё вопрос — какого чёрта она там делала сегодня утром.

— А есть и другие ‘системы’?

— Ну ты же ворон сам видел? Вот это оно и есть.

— А с ней Белка не борется?

— Не знаю, тебя Белка интересуется или что? — женская ревность — опасная вещь, между прочим, даже если безосновательная, и я стремлюсь убрать напряжённость, повернув разговор — да я просто уяснить хотел. Так и что с системой то?

— Ну с ними будет, как если в... ну в блюде с кусками сахара налить мёда.

Постепенно растворятся они в этих “Силах” или “Инстанциях” — я так, толком и не соображу пока, под кого конкретно они попали. У нас, по сути, осталось месяц-полтора. Ну максимум два. И то, их потом надо через реабилитацию проводить будет, если через два. Чем дольше торчишь в чужом сознании — тем меньше тебя остаётся. Мне повезло, кстати... — Алёна гладит меня по руке и тёплое чувство идёт откуда-то изнутри, разливаясь по всему телу.

Но перспектива выглядит мерзостной. Денег на спецаппаратуру у нас, как я понимаю, сейчас нет. Выковыривать друзей в том же стиле, как я спасал совсем недавно Алёну — кажется, уже поздно. Хотя я то надеялся на какой-то подобный вариант...

Я только пытался сформулировать какие-то свои идеи о том, что нужно делать — как возникшую паузу прервал коммуникатор Самой Прекрасной.

— Наш эльфийский друг на линии, — сказала она и включила громкую связь.

51 Александр Солодов, вечер 28 июня 2024 года, Москва

‘Напримера’, однако, не получилось — на оставленном Белкой контакте коммуникатора снимал трубку автоответчик. И то хорошо, что её голосом разговаривал.

Впрочем, когда я был уже на подходе к дому она мне отзвонила.

На вопрос “Ты меня вроде хотел услышать” я ответил “ещё и увидеть”. Белка мурлыкнула в ответ, что это очень даже возможно и разорвала связь, оставив меня в некотором недоумении. Я не понял, следует ли считать её ответ обещанием немедленной встречи — но и перезванивать оказалось бы, наверное тупым ходом.

От женщин не стоит требовать внятности и чёткости. Да так даже и неинтересно...

Когда коммуникатор снова запиликал — я решил, что Белка всё-таки решила перезвонить и дёрнул коммуникатор из кармана и не глядя поднёс его к уху.

— Алло — я вложил в голос максимум ласкового тепла, насколько мог только выразить голосом.

— Привет. Чувствую, ты рад моему звонку — радостно зачастил Лумиэль. — Я тоже, скоро буду в Москве, возвращаюсь с победой — первый транш у меня в кармане. Буду завтра в середине дня. Надо готовить переговоры.

— Ага, конечно, пробормотал я и в две вежливые фразы скруглил разговор.

Только этого обалдуя мне сейчас и не хватало.

Вроде ведь всё начало как-то налаживаться... Непонятки с покушениями и похищениями кончились, вполне очевидным образом — если у меня нет материала, за который шла драчка — то кому я нужен. В отношениях со Старшими Товарищами тоже появилась наконец какая-то определённая — фактически я мог считать что прошёл некое испытание. Успешно прошёл и повысил свой статус в их глазах. Белка....

И тут в мою жизнь снова влезает этот авантюрист, да ещё и пытается втравить в комбинацию, явно противоречащую интересам Старших Товарищей. Ссориться я с ним не хочу — нет повода обижать человека, но как бы потехничнее его послать?... Для него-то игра, если верить А.А. относительно безопасна — а для меня вся эта возня окончилась ‘всухую’ похоже, что по чистому везению. Могли ведь и пришибить. И слезы бы никто не пролил бы, кроме разве что родителей.

С другой стороны — не слишком ли гладко всё идёт? Как то уж очень легко я оказался в курсе подробностей...даже не большой политики, а чего-то, что явно находилось выше неё. Люди, определявшие как жить стране — всегда мне казались если не полубогами, то близкими к этому состоянию. И тут меня берут за руку и приглашают в свой узкий круг. Намекнув при этом, что дело не в происхождении, хотя обычно данный фактор — определяющий. Уж это я успел уяснить, периодически общаясь с сильными мира сего — пусть и не сверхвысокого полёта. Но нет у меня важных родичей, а меня “позвали в дело”... Я не мог поверить, что я настолько крут сам по себе. Не глуп, компетентен, но и не супермен.

Сосредоточенный на этих мыслях, я вошёл, наконец в подъезд и, раз уж никуда не торопился, не спеша пошёл вверх по лестнице. При моей сидячей в основном работе любая физическая нагрузка полезна — итак не вполне уже тренированное тело норовит обрасти жирком. Надо бы снова начать ходить в секцию, но лениво...

Это было последнее, что я успел подумать, прежде чем получил удар по почкам, пытаясь пропустить спускавшегося навстречу незнакомца. Не глядя, на рефлексах, я ударил ногой куда-то назад...

А потом наступила темнота.

Голос Лумиэля звучит уверенно и я чувствую, что он собою весьма доволен.

— Нас вполне устроили переданные Вами спецификации. Мы готовы работать.

Алёна говорит спокойным голосом, но я вижу, как в глазах её загорелся азартный огонёк.

— Вы готовы представить гарантии финансирования?

— О да, у меня есть письмо из банка... — Лумиэль выдержал паузу — ... отцовского.

— Замечательно. Давайте встречаться. Когда Вы будете в Москве?

Ещё в течение нескольких минут они оговаривают место и время.

Наконец, разговор окончен и Алёна радостно улыбается.

— Хоть что-то позитивное.

Мальчик из хорошей семьи — иметь с ним дело — одно удовольствие.

— В смысле?

— Ну у них там, в Валиноре — что не аристократ, то банкир. Очень удобно. Только вот детям они мало что дают — считают, что сами должны подыматься. Если Лумиэль сумел заинтересовать в проекте своего родителя... это очень, очень круто.

Сейчас спихнём ему эту разработку — решим все финансовые проблемы. Теперь осталось исхитриться и получить санкцию Арсения Анатольевича — пусть они откажутся, что ли от заказа.

— А ты думаешь, с ним надо согласовывать?

— Ну сам посуди. Мне нельзя даже повода давать им... деда же предстоит вытаскивать.

А это, между прочим, не бесплатное удовольствие.

С другой стороны Звезда как генподрядчик нам уже якобы проплатила. Я не успела выяснить — но если они перевели деньги, я уже не могу просто так вот отдать эти материалы. Меня ж порошок сотрут. Да, кстати, целиком их у меня и нет.

Но! — Говорит она уверенно, — похоже, что сейчас мы явимся к Арсению Анатольевичу на белом коне — если у него в результате наличия Инстанций действительно ломается весь расклад — ему нет смысла выполнять контракт. А отказываться тоже будет почти самоубийством — при их то кредитной истории, проще будет сразу лечь в Мавзолей. А тут приходим мы, такие все красивые, и перекупаем право требования по контракту. Ну разве мы с тобой не молодцы? Ну разве мы не умницы? Она тянется ко мне и дело явно клонится к более приятным, чем простой разговор на кухне вещам.

Я думаю о том, что готов был бы пройти через свои последние приключения и пять и пятьдесят раз. Потому, что раньше мне не было ради чего трепыхаться и просто даже жить — и делал я это скорее по инерции. А теперь — есть.

Острая боль пронзает мои почки и, мгновение хватая воздух ртом, я осознаю, что до сих пор не вышел из соединения с жезлом, и что боль прёт оттуда. Испуганное лицо Алёны мелькает у меня перед глазами...

Прихожу в себя я уже лёжа на полу.

[ЕЩЁ НЕ КОНЕЦ]

Вместо титров

Пользуясь случаем, раз уж я в прямом эфире, хочу передать пламенный привет Злыдню-

Лумиэлю.